

A portrait of Maria Kallash, a woman with dark hair styled in a bun, wearing a dark jacket over a white collared shirt and a pearl earring. She is smiling slightly and looking off-camera to the right. The background is a dark, solid color.

Мария Каллас

Дневники. Письма

СОСТАВИТЕЛЬ ТОМ ВОЛЬФ

ПРЕДИСЛОВИЕ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА

Судьба актера. Золотой фонд

Том Вольф

Мария Каллас. Дневники. Письма

«Издательство АСТ»

2019

УДК 782.1.071(092)
ББК 85.335.41(3)-8

Вольф Т.

Мария Каллас. Дневники. Письма / Т. Вольф — «Издательство АСТ», 2019 — (Судьба актера. Золотой фонд)

ISBN 978-5-17-126829-9

После громкой публикации во Франции книга воспоминаний величайшей оперной певицы XX века Марии Каллас выходит в России. В книгу вошли дневниковые записи, письма, а также редкие фотографии. «Я написала свои мемуары. Они в той музыке, которую я исполняю – это единственный язык, каким я действительно владею. Единственный способ, которым я могу рассказывать о своем искусстве и самой себе. И в моих записях, насколько они имеют ценность, сохранилась история моей жизни», – писала Мария Каллас. Все материалы публикуются впервые. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 782.1.071(092)

ББК 85.335.41(3)-8

ISBN 978-5-17-126829-9

© Вольф Т., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие. Мария Каллас: женщина, певица, легенда[1]	6
В Париже	7
Выставка	8
Сила судьбы	10
Синдром Марии Каллас	11
Прощальный монолог	12
Предисловие. Мария Каллас до и после пандемии	14
Вступительное слово[7]	20
Воспоминания. 1923–1957	24
Письма. 1946–1977	48
1946	48
1947	51
1948	64
1949	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Мария Каллас. Дневники. Письма

© Editions Albin Michel – Paris 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

Предисловие. Мария Каллас: женщина, певица, легенда¹

В России любят отмечать юбилеи и праздновать круглые даты. Но этот юбилей прошел незамеченным: ровно пятьдесят лет тому назад в июне 1970 году в Москву по личному приглашению министра культуры СССР Екатерины Фурцевой прибыла в качестве почетного члена жюри IV Международного конкурса им. П.И. Чайковского великая Мария Каллас.

Визит был недолгим и вполне протокольным. Кроме Москвы, была еще запланирована туристическая ознакомительная поездка в Ленинград. Остались фотографии, где она позирует с членами жюри и по-королевски приветствует московскую публику, устроившую ей овацию в Колонном зале Дома Союзов. Самое поразительное, что никто из москвичей Марию Каллас на сцене никогда не видел. К этому времени она прекратила свои выступления. Но слава ее была так огромна, а судьба так драматична, что русские поклонники, неистово отбивая ладони и скандируя ее имя, аплодировали скорее ее легенде, чем хрупкой, невысокой, темноволосой женщине, восседавшей вместе с другими за столом жюри. И даже в том упорстве, с которым Екатерина Фурцева в течение многих лет добивалась ее приезда, тоже было что-то не поддающееся логическому объяснению. Почему ей было так важно, чтобы Каллас выступила в России? Почему в течение нескольких лет она атаковала ее просьбами, приглашениями, контрактами?

Похоже, что для Фурцевой это был вопрос министерского престижа и национальной гордости. Почти как приезд «Моны Лизы» в 1974 году. Она всегда предпочитала играть по-крупному. А в той игре не было фигуры более значительной, а имени более великого, чем Мария Каллас. К тому же легко предположить, что как женщину, не лишенную способности сострадать, особенно несчастным жертвам мужского произвола и предательства, Фурцеву не могла не трогать личная драма Каллас, которую тогда обсуждали таблоиды всего мира. В конце концов, она добилась своего: Каллас прилетела в Москву. Но, увы, несмотря на восторженный прием, который так впечатлил певицу, продолжения не последовало.

Сейчас уже нет смысла вдаваться в причины: состояние голоса, нервов, общий упадок сил, страх разочаровать тех, кто так ждал ее выступлений, – тут много всего сошлось. К тому же им обоим оставалось совсем мало жить. В 1974 году покончила с собой Екатерина Алексеевна, а меньше, чем через три года не стало и Марии.

¹ Сергей Николаевич.

В Париже

...Перенесемся из московского лета 1970-го в Париж 2020-го года. Французская столица после первой волны пандемии с трудом пытается вернуться к обычной жизни. Еще закрыты государственные музеи, а театры раньше срока объявили о завершении сезона. Пока неизвестно, когда они откроются осенью и откроются ли вообще. Долгое затворничество и страх что-то странное сделали с людьми. Все нервны, раздражительны. Почти нет праздных туристов. И это тоже бросается в глаза, меняя не только настроение, но, кажется, и сам столичный ландшафт. Невольно глаз ищет зацепиться за что-то привычное, вечное, как, например, Триумфальная арка на площади Звезды, или фонтаны и скульптуры в садах Тюильри, или башни и шпили на острове Ситэ... Париж всегда Париж. И на первой же печатной афише в городе, извещающей о небывалом иммерсивном проекте в La Grande Halle De La Villette, значится великое имя Марии Каллас. Это как сигнал, что все еще вернется, все будет как прежде. Наши небесные покровители, наши кумиры остаются с нами. Надо только набраться терпения. В сущности, и эта книга писем Марии Каллас, выходящая на русском языке, тоже в каком-то смысле памятник нашему терпению и надежде. И, конечно, великому голосу, который будет звучать всегда!

Для меня началась эта история три года назад. В витрине знаменитого парижского книжного магазина Librairie Galignani на улице Риволи я заметил обложку альбома, огромного и внушительного вроде тех, что выпускает французское издательство Assouline. Книга как атрибут интерьера, как некий монумент из глянцевой бумаги, упакованный в атласный переплет. Ей даже не книжные полки полагаются, а некие массивные пьедесталы, чтобы медленно листать, страницу за страницей, смакуя запах типографской краски и разглядывая шрифтовые изыски. Альбом о Марии Каллас, самой великой оперной диве XX века. По редакторской привычке ищу, кто же автор? И натыкаюсь на имя, которое ничего мне не говорит: Том Вольф. Сразу представляю себе седого дедушку, который в юности слышал Каллас, а после этого долгие годы не мог отделаться от наваждения детства. Но это еще не все.

Выставка

В Париже осенью 2017 года открылась большая выставка, посвященная Марии Каллас. Место новое, еще не слишком обжитое, называется La Seine Musicale – большой музыкальный комплекс, куда от центра на метро добираться не меньше получаса, а на такси по парижским пробкам и того дольше. Но ради Каллас можно преодолеть и не такие расстояния. Приезжаю, подхожу к афише, чтобы пробежать глазами, кто куратор выставки, и снова – Том Вольф. Откуда он взялся? Сколько ему лет? Кем приходится певице? Наследников у нее не было. Кто сейчас будет во всем этом рыться, искать улики, приводить доказательства, жить страстями, угасшими еще в прошлом веке?

Мы все в той или иной степени заложники придуманных мифов. Людям привычно жить в окружении легенд, знакомых с детства. Их тайное покровительство и постоянное присутствие подменяет нам зачастую живые связи и подлинное общение. Маленькие домашние алтари в их честь, разные годовщины и дни памяти – это попытка отстраниться от реальности, которая порой нестерпимо груба, попытка приблизиться к абсолюту, как бы далеко он ни обретался и ни был недоступен. Поэтому пафос сохранения и сбережения культуры мне лично хорошо понятен. Но тогда на выставке в La Seine Musicale было что-то еще.

История страсти исследователя и биографа, которая буквально захватывает тебя сразу, как только ты переступаешь порог первого полутемного зала и идешь по извилистому лабиринту судьбы Марии Анны Софии Кекилии Калогеропулу, известной всему миру под именем Марии Каллас. И дело не только в изысках дизайна и содержательности экспозиции, хотя все было подобрано с огромным вкусом и дотошной музейной тщательностью: вот свидетельство о рождении, вот первая афиша с ее именем, вот фото, на которой она выглядит аппетитной толстушкой в белой нейлоновой кофточке. Типичная секретарша в офисе средней руки. Неужели она была такой когда-то? Да была. И впервые вышла на сцену, наряженная в какие-то бесформенные балахоны или утопающая в кружевной пене по оперной моде тех лет, похожая в них на всех провинциальных примадонн разом. Но голос...

В этом, на мой взгляд, и состояло главное know how выставки: ты подносишь маленький кусочек пластика к узкой щели в стене, и у тебя в наушниках начинает звенеть и вибрировать голос Каллас. Вначале сквозь помехи и царапание патефонной иглы, потом записи станут чище и технически совершеннее, потом приобретут объем и стереозвучание. Но, в сущности, качество записи не имеет большого значения. Мы, как замороженные, идем на этот голос, как сквозь темный, дремучий лес. Он манит, волнует, пугает, обещает неземные радости, требовательно зовет откуда-то из музейной тьмы. В нем нет безмятежной сладости бельканто². На дне его слышится какая-то полынная горечь. Иногда он кажется хрупким и ломким, как хрусталь, а иногда зычным, как полицейская сирена. Но это голос, которому нельзя не подчиниться. И вот один «Трубадур», а потом второй, третий... И «Медея» 1956-го года под управлением Бернштейна звучит совсем иначе, чем четыре года спустя в Ла Скала. И сорок пять минут «Нормы» – чистое блаженство для меломана. А еще «Тоска» в Гранд-опера, убийство Скарпио. И эти три глухих крика, как три удара ножом – «Mori», «Mori», «Mori»³. Что чувствовали зрители на спектакле, если даже сейчас в записи шестидесятилетней давности тебя охватывает озноб? Или сцена сумасшествия в «Лючии ди Ламмермур» в легендарной берлинской постановке 1955 года, когда дирижировал Герберт фон Караян. Завораживающее пение, рвущее, изматывающее душу. Ты буквально видишь, как под воздействием великой музыки эта женщина меня-

² От *ит.* *bel canto* – прекрасное пение. Слово имеет широкое семантическое поле, здесь обозначает в целом стиль итальянской ранней романтической оперы.

³ *Ит.* «Умри! Умри! Умри!»

ется, преображается у нас на глазах. Не пресловутая диета, не проглоченный по легенде соли-тер, а именно музыка делает Каллас ослепительно прекрасной. С этим ее чувственным ртом, запрокинутым профилем, похожим на клюв хищной птицы, с этими неописуемыми глазами, трагическими, всевидящими, всезнающими. Что она там прозревала в своем будущем? Какая «Сила судьбы» ее вела? Какая тайна терзала?

Если верить биографам, то голос стал покидать Каллас уже в конце 50-х годов. Петь, как раньше, она уже не могла. Надо было думать о том, как уйти со сцены красиво. Со своим мужем Джованни Баттиста Менегини она была несчастлива. Греческий миллиардер Аристотель Онассис был несомненно более подходящей кандидатурой. К тому же она искренне его любила и надеялась обрести с ним женское счастье. Но этот мастер пиара и знаток международных див предпочел другой вариант – вдову 35-го президента США, самую знаменитую на тот момент женщину планеты, Жаклин Кеннеди. Об их треугольнике исписаны тонны бумаги и сняты километры киноплёнки. Не хочется повторяться. На выставке от него осталось несколько любительских кадров, где Онассис с Марией вдвоем нежатся на палубе яхты «Кристина», несколько не смущаясь нацеленной на них камеры принцессы Монако Грейс.

А голос звучит все глуше, все тревожнее. В нем отчетливее слышны режущие ноты и какая-то печальная надтреснутость. Одна за другой выпадают из репертуара Каллас ее коронные партии, как драгоценные камни из оправы. Она не в состоянии больше их петь. Она то и дело отменяет спектакли. Она может только заученно улыбаться фотографам и менять туалеты, один роскошнее другого. Она цепляется за иллюзию нового начала – карьеры в кино. Ведь там не надо петь вживую?

Увлечлась Пьером Паоло Пазолини, как когда-то Лукино Висконти. Ее тянуло к мужчинам, которым она была не очень-то нужна. У тех, как правило, были другие интересы: кто-то хотел воспользоваться ее славой, кому-то требовалась ее протекция или имя. Стоит ли удивляться, что, в конце концов, она спряталась от всех у себя в квартире на авеню Мандель, 36, в Париже. Почти никого к себе не пускала, не отвечала ни на чьи звонки и приглашения. И только вечерами перед камином пыталась петь в полном одиночестве, стараясь восстановить разрушенный стрессами и перегрузками голос.

Марчелло Мastroяни, который тогда снимал квартиру в том же доме, буквально под ней, рассказывал, как был невольным свидетелем этих попыток. Так после ампутации учатся ходить на костылях. Что-то из этих ее записей тоже можно было услышать на выставке в Seine Musicale. Арию «O Mio Babbino Caro» Каллас поет с прилежанием ученицы выпускного класса музыкальной школы. А потом раздастся бешеный шквал аплодисментов в качестве подтверждения, что она еще жива.

Но после смерти Онассиса в марте 1975 года ей жить было незачем. В экспозиции был полностью воспроизведен интерьер гостиной, где она провела безвылазно свой последний год, сидя на диване перед телевизором.

Сила судьбы

Тогда я пробыл на выставке общей сложностью три часа и вышел с твердой уверенностью, что должен пообщаться с Томом Вольфом. Хотелось увидеть человека, который все это собрал, издал, придумал аудио партитуру выставки, раздобыл редкие видеофрагменты и бесчисленные документы. После недолгих поисков контактов выяснилось, что Том живет в Париже и будет рад пообщаться со мной. Первое, что меня удивило, – его молодость. Из пресс-релиза следовало, что ему не больше 32 лет. Второй шок я испытал, когда услышал его голос в трубке – он превосходно, без акцента говорил по-русски. Мы встретились в тон-студии⁴ на улице Шатобриан, где он тогда заканчивал работу над документальным фильмом о Марии Каллас. Очень худой, с породистым, длинным лицом, похожий на королевские портреты Бурбонов, какими их рисовал Веласкес. История Тома довольно необычная. Родился в Ленинграде, но в начале 90-х, когда ему не было пяти лет, родители переехали во Францию. Отсюда его русский почти без акцента. Детство провел в Париже, мечтал стать режиссером. Но с кино долгое время ничего не получалось. Предел возможностей – видеосъемки спектаклей в Театре Шатле и записи интервью со знаменитостями. На жизнь хватало, но творчества никакого. В какой-то момент решил все поменять: дом, работу, страну. Уехал в Нью-Йорк учиться на врача. Обычная логика: если с искусством не задалось, по крайней мере, должна быть профессия, которая будет кормить.

В Манхэттене, где Том поселился, было тоскливо и одиноко. Однажды он проходил мимо МЕТы⁵, где в тот вечер давали оперу Доницетти «Мария Стюарт». В главной партии Джойс Дидonato. Возвращаться домой не хотелось. Со времен Парижа он ни разу не был в театре. Почему бы не сходить? Купил самый дешевый билет за 10 долларов. Думал, что посмотрит первый акт и уйдет. Но тут какой-то импозантный господин предложил ему место рядом на привилегированных местах в *dressing circle*⁶. «Мы с женой давно купили эти билеты, но она захворала и не смогла прийти».

– Это были роскошные места, – вспоминает Том. – Сцена как на ладони. Никогда я не получал такого удовольствия от музыки, голосов, постановки. Стыдно признаться, но это была первая опера в моей жизни. Когда я вернулся домой, то сразу же полез в YouTube искать другие записи Доницетти. И тогда я впервые услышал, как Мария Каллас поет «Лючию ди Ламмермур». Я не мог поверить, что это возможно, что на такое способен человеческий голос. Раньше я знал только ее имя. Ничего более. Я даже не представлял, в какое время она жила. Поэтому, когда я стал погружаться в ее мир, слушать ее записи, узнавать подробности ее личной жизни, у меня не было чувства какой-то временной дистанции. Наше знакомство началось так стремительно и спонтанно, что очень скоро я стал ее воспринимать как близкую родственницу. Знаете, как бывает, вначале мы не жили вместе, но виделись часто, потом стали проводить время вместе все больше, потом съехались и стали вести общую жизнь. Наверное, самое поразительное в этой истории – это ощущение духовной близости. Можно сказать, я встретил родную душу. При этом нас почти ничего не связывает. Вокруг меня никто ею не интересуется. Мои сверстники смотрят на эту мою страсть с подозрением. Но это не имеет значение, во всем, что я делаю в память о Марии, есть «сила судьбы». *La Forza del Destino*. Каллас любила про себя повторять, что она сама заложница и произведение собственной судьбы. В одном своем интервью она говорит: «*Destiny is destiny, no way out*» («Судьба – это неизбежность, тут выхода нет»). В общем, мы совпали абсолютно.

⁴ Тон-студия – студия звукозаписи.

⁵ Метрополитен-опера – один из лучших оперных театров мира.

⁶ Бельэтаж – название второго снизу яруса в театре.

Синдром Марии Каллас

А дальше началось то, что на языке психиатров 50-60-х годов называется «синдромом Каллас». Тому Вульффу все время надо было ее слушать, добывать новые и все более редкие ее записи. Главным их поставщиком стал для него YouTube. Как человек деятельный и практический, он быстро проник в разветвленную сеть поклонников Каллас по всему миру – от Австралии до Бразилии с заходом в Европу и даже Сейшельские острова. Причем это люди самых разных возрастов: от очень немолодых, еще помнящих живую Каллас на сцене, до совсем юных. Один парень переписывал все ее старые пластинки и ставил на YouTube, чтобы все могли скачивать ее записи 40-х годов. Том вступил с ним в переписку. Выяснилось, что это австралиец двадцати с чем-то лет, который знает про Каллас все и с ходу может отличить «Норму» 1955-го года от «Нормы» 1961-го.

– Одновременно с желанием узнать, кто такая Мария Каллас, подспудно во мне крепла уверенность, что ее жизнь – потрясающий сюжет для документального фильма. Режиссура, о которой я забыл думать, вдруг снова поманила меня. Мне захотелось снять фильм об этой необыкновенной женщине, тем более что я оказался в эпицентре невероятного информационного потока, обрушившегося на меня как цунами. На моем пути все время стали появляться люди, которые хотели рассказать мне о Каллас, у которых были какие-то неизвестные документы, связанные с ней. Я постоянно открывал все новые и новые ее записи, считавшиеся утраченными. Поначалу у меня не было мысли ни о выставке, ни о книге, я думал о документальном фильме. Я прочитал все ее биографии, посмотрел все фильмы о ней, все доступные интервью. За несколько месяцев я получил полный обзор того, что сделано было до меня за последние 40 лет. Особенно меня интересовали документальные фильмы. Кстати, их довольно много. Но странное дело, в них доминируют голоса тех, кто высказывает свои суждения о Марии. А все-таки самые сильные моменты этих фильмов, когда она говорит сама. Вообще, мой опыт работы над проектом «Maria by Callas» убедил меня, что ничего недоступного нет. Должно быть только желание. Большую часть работы я делал на свои средства. Спонсора не было, никаких грантов не было. Мне все последовательно отказали. Проект держался только на моей воле и надежде. Только потом подключилось издательство Assouline, вознамерившись издать большой альбом, но материал был собран мной. И они не сильно потратились. Только в последний момент появился продюсер у фильма. А до того я записал самостоятельно более, чем 40 часов интервью с людьми, знавшими Каллас. Работа над ним растянулась на 3 года. И только просмотрев их все вместе, я понял, что нет ничего сильнее и правдивее, чем собственные интервью Каллас. Поэтому от этих 40 часов в моем фильме почти ничего не осталось. И без них, наверное, не было бы ни фильма, ни выставки, ни книг. Многие интервью считались потерянными. Мне пришлось провести несколько суток в подвалах французского телевидения, роясь в пыльных коробках, предназначенных для уничтожения, потому что никто не знал, да и не слишком интересовался, что там. История повторится потом в Англии, в архивах на Би-би-си, и в США, и в Германии. Одна и та же ситуация: никто ничего не помнит, никто ничего не знает. Чувствуешь себя археологом и следователем-криминалистом одновременно. Что-то мне удалось обнаружить в частных архивах.

Фильм Тома Вольфа «Maria by Callas» был куплен в 47 странах. Целый год Том ездил с ним по миру, представляя его на разных фестивалях и участвуя в гала-премьерах. Благодаря ему миф о Каллас за последние годы обрел новый масштаб.

Прощальный монолог

Параллельно он подготовил к изданию еще и том этих писем, собранных в процессе работы над фильмом. Вначале книга вышла во Франции, потом в Италии и Греции. Теперь очередь дошла до России. Причем российская версия дополнена документами и рассказом о визите Марии Каллас в 1970 году в СССР. Все письма, собранные Томом Вольфом, – это ее прощальный монолог, незабываемый речитатив, по силе и страстности, ничуть не уступающий ее лучшим ариям. Но и это и документы подкупающей, абсолютной правдивости.

По ним становится ясно, что Каллас была очень прямодушной женщиной и честным художником, полагавшимся не столько на артистические озарения, сколько на безупречный профессионализм, который она достигала неимоверным трудом и упорством. Никаких поблажек себе, никаких компромиссов во всем, что касается музыки. Неудивительно, что новые поколения певцов считают ее записи классических арий эталонными, а музыковеды не прекращают спор о том, как ей удалось обратить недостатки собственного голоса в неповторимые достоинства. Понятно, что превзойти Каллас сегодня нельзя, но можно попытаться хотя бы приблизиться к ней.

Такую попытку в разное время совершат две прекрасные актрисы – Фанни Ардан и Моника Беллуччи. Одна – сыграла Марию Каллас в фильме Франко Дзеффирелли «Каллас навсегда» и озвучила закадровый текст в «Maria by Callas». Другая – дебютировала в 2019 году на театральной сцене в спектакле «Письма и воспоминания», поставленном самим Томом Вольфом. Фактически это две разные версии одной судьбы, рассказанные большими актрисами, каждая из которых сама по себе является воплощением мифа о *femme fatale*. Обертоны их прошлых ролей легко угадываются в звучании их совсем не оперных голосов, но стремящихся попасть в трагический регистр Каллас.

Том рассказывал мне, что доходило до поразительных совпадений. Мало того, что в спектакле с Моникой Беллуччи в качестве реквизита используется диван, реально стоявший в парижской гостиной Каллас. Так даже платья, в которых играет Моника, тоже раньше принадлежали певице. Их предоставил итальянский коллекционер, про которого доподлинно известно, что он никогда не расстается со своими сокровищами, купленными на аукционах за немалые деньги. Но ради такого случая он готов был пойти на неслыханные жертвы. А главное – платья Каллас подошли Беллуччи, будто были специально для нее сшиты. Ничего менять не пришлось.

Символично и то, что после тягостной, тревожной весны в Париж, успевший отвыкнуть от всяких зрелищ и увеселений, первой вернулась именно Мария Каллас. Вернулась в формате некоего иммерсивного проекта «Maria by Callas, L' Experience», который придумал неутомимый Том Вольф. Это уже технологии XXI века: свет, звук, стереозвучание... Полная иллюзия погружения в некий магический музыкальный космос. А на экране, который окружает тебя со всех сторон, пылают тысяча свечей, и Тоска – Каллас в своем пунцово-красном бархатном платье простирает к нам руки из бездны 3D и поет свое вечное «Vissi d'Arte».

Точно так же пел этот великий голос, ничем не усиленный, кроме акустики старинных оперных залов в разоренной, послевоенной Европе 40-50-х годов. Голос, обещавший счастье после всех пережитых ужасов и страданий. Голос, возвращавший людям утраченное ощущение исключительности человеческой личности. Голос Абсолютной Красоты, который больше не спутаешь ни с каким другим. Голос великой гречанки, победившей расстояния, время и небытие.

В этой книге он впервые зазвучит по-русски.

Сегодня мы говорим спасибо всем, кто сделал это возможным. Прежде всего, компании Nespresso в России. Наша огромная благодарность большой поклоннице оперного искусства г-

же Наталии Кузьминой и ее сыну, бизнесмену Энверу Кузьмину, генеральному директору компании «Реставрация Н». Не могу не выразить признательность продюсеру Александру Грицевичу, деятельно поддерживавшему идею издания «Писем», а также главному редактору Harper's Bazaar Дарье Веледеевой и редактору Денису Мережковскому, которые первыми опубликовали подборки писем Каллас в России. Наше искреннее восхищением всему коллективу переводчиков Марии Зониной, Дмитрию Савосину и Нине Хотинской.

И, конечно, хотел бы еще раз выразить безмерную благодарность г-ну Тому Вольфу, без которого издание этой книги никогда бы не состоялось.

*Сергей Николаевич,
Декабрь 2020*

Предисловие. Мария Каллас до и после пандемии

...Лето 2020 года. Париж после пандемии с трудом возвращается к обычной жизни. Остается ощущение тревоги, висящее в воздухе. Еще закрыты государственные музеи, а театры раньше срока объявили о завершении сезона. Пока неизвестно, когда они откроются осенью. Долгое затворничество и страх что-то странно сделали с людьми. Все нервны, раздражительны. Почти нет праздных туристов. И это тоже бросается в глаза, меняя не только настроение, но, кажется, и сам столичный ландшафт. Невольно глаз ищет, как зацепиться за что-то привычное, вечное, как, например, Триумфальная арка на площади Звезды, или фонтаны и скульптуры в садах Тюильри, или башни и шпили на острове Ситэ... Париж всегда Париж. И на первой же печатной афише в городе, извещающей о небывалом иммерсивном проекте в La Grande Halle De La Villette, значится великое имя Марии Каллас. Это как сигнал, что все еще вернется, все будет как прежде. Наши небесные покровители, наши боги и кумиры остаются с нами. Надо только набраться терпения. И эта книга писем Марии Каллас, вышедшая на русском языке, тоже в каком-то смысле памятник терпению и надежде. И, конечно, великому голосу, который будет звучать всегда!

А началось все три года назад. В витрине знаменитого парижского книжного магазина «Galignani» на улице Риволи я заметил обложку альбома, огромного и внушительного вроде тех, что выпускает французское издательство Assolune. Книга как атрибут интерьера, как некий монумент из глянцевого картона, упакованный в атласный переплет. Ей даже не книжные полки полагаются, а некие массивные пьедесталы, чтобы медленно листать, страницу за страницей, смакуя запах типографской краски и разглядывая шрифтовые изыски. Альбом о Марии Каллас, самой великой оперной диве XX века. Свои электронные ридеры припасите для звезд попроще. По статусу Каллас полагается только люкс ручной работы, только величественная тяжесть фолианта, который уже на выходе объявлен был библиографическим раритетом. По редакторской привычке ищу, кто же автор? И натыкаюсь на имя, которое мне ничего не говорит, – Том Вольф. Сразу представляю себе седого дедушку, который в юности слышал Каллас, а после этого долгие годы не мог отделаться от наваждения детства. Но это еще не все.

В Париже осенью 2017 года открылась большая выставка, посвященная Марии Каллас. Место новое, еще не слишком обжитое, называется La Sien Musicale – большой музыкальный комплекс, куда от центра на метро добираться не меньше получаса, а на такси по парижским пробкам и того дольше. Но ради Каллас можно преодолеть и не такие расстояния.

Приезжаю, подхожу к афише, чтобы пробежать глазами, кто куратор выставки, и снова – Том Вольф. Откуда он взялся? Сколько ему лет? Кем приходится певице? Каллас умерла больше 40 лет назад. Наследников у нее не было. Кто сейчас будет во всем этом рыться, искать улики, приводить доказательства, жить страстями, угасшими еще в прошлом веке? Но появляется некий новый Вольф. И вот фолиант в коробке, и выставка, и великое имя Марии Каллас снова не сходит с афиш, с журнальных и газетных полос. Ее много. Отовсюду доносятся ее небесные трели. И это заслуга Тома Вольфа.

Мы все в той или иной степени заложники придуманных мифов. Людям привычно жить в окружении легенд, знакомых с детства. Их тайное покровительство и постоянное присутствие подменяет нам зачастую живые связи и подлинное общение. Маленькие домашние алтари в их честь, разные годовщины и дни памяти – это попытка отстраниться от реальности, которая нестерпимо груба, попытка приблизиться к абсолюту, как бы далеко он ни обретался и ни был недоступен. Поэтому пафос сохранения и сбережения культуры мне лично хорошо понятен. Но тут какая-то совсем другая история. История страсти исследователя и биографа, которая буквально захватывает тебя сразу, как только ты переступаешь порог первого полутемного зала и идешь по извилистому лабиринту судьбы Марии Анны Софии Кекелии Калогеропулус,

известной под именем Марии Каллас. И дело не только в изысках дизайна и содержательности экспозиции, хотя все было подобрано с огромным вкусом и дотошной музейной тщательностью: вот свидетельство о рождении, вот первая афиша с ее именем, вот фото, на которой она выглядит аппетитной толстушкой в белой нейлоновой кофточке. Типичная секретарша в офисе средней руки. Неужели она была такой когда-то? Да была. И впервые вышла на сцену, наряженная в какие-то бесформенные балахоны или утопающая в кружевной пене по оперной моде тех лет, похожая в них на всех провинциальных примадонн разом. Но голос...

В этом, на мой взгляд, и состояло главное know how выставки: ты подносишь маленький транзистор к узкой щели в стене, и у тебя в наушниках начинает звенеть и вибрировать голос Каллас. Вначале сквозь помехи и царапание патефонной иглы, потом записи станут чище и технически совершеннее, потом приобретут объем и стереозвучание. Но, в сущности, качество записи не имеет большого значения. Мы, как замороженные, идем на этот голос, как сквозь темный, дремучий лес. Он манит, волнует, пугает, обещает неземные радости, требовательно зовет откуда-то из музейной тьмы. В нем нет безмятежной сладости бельканто. На дне его слышится какая-то полынная горечь. Иногда он кажется хрупким и ломким, как хрусталь, а иногда зычным, как полицейская сирена. Но это голос, которому нельзя не подчиниться.

И вот один «Трубадур», а потом второй, третий... И «Медея» 1956-го года под управлением Бернштейна звучит совсем иначе, чем четыре года спустя в Ла Скала. И сорок пять минут «Нормы» – чистое блаженство для меломана. А еще «Тоска» в Гранд-опера, убийство Скарпио. И эти три глухих крика, как три удара ножом – «Mori», «Mori», «Mori». Что чувствовали зрители на спектакле, если даже сейчас в записи шестидесятилетней давности тебя охватывает озноб? Или сцена сумасшествия в «Лючии де Ламермур» в легендарной берлинской постановке 1955 года, когда дирижировал Герберт фон Караян. Завораживающее пение городской безумицы, рвущее, изматывающее душу.

Ты буквально видишь, как под воздействием великой музыки эта женщина меняется, преображается у нас на глазах. Не пресловутая диета, ни проглоченный по легенде солитер, а именно музыка делает Каллас ослепительно прекрасной. С этим ее чувственным ртом, запрокинутым профилем, похожим на клюв хищной птицы, с этими неописуемыми глазами, трагическими, всевидящими, всезнающими. Что она там прозревала в своем будущем? Какая «Сила судьбы» ее вела? Какая тайна терзала?

Если верить биографам, то голос стал покидать Каллас уже в конце 50-х годов. Петь, как раньше, она уже не могла. Надо было думать о том, как уйти со сцены красиво. Со своим мужем Менингини она была несчастлива. Греческий миллиардер Аристотель Онассис был более подходящей кандидатурой. К тому же она искренне его любила и надеялась обрести с ним женское счастье. Но этот мастер пиара и ценитель международных див предпочел другой вариант – вдову 35-го президента США, самую знаменитую на тот момент женщину планеты, Жаклин Кеннеди. Об их треугольнике исписаны тонны бумаги и сняты километры киноплёнки. Не хочется повторяться. На выставке от него осталось несколько любительских кадров, где Онассис с Марией вдвоем нежатся на палубе яхты «Кристины», нисколько не смущаясь нацеленной на них камеры Грейс, принцессы Монако. И есть ее письмо, датированное ноябрем 1968 года, где она предсказала Онассису, что будет с ним и с ней. Все потом сбылось.

А голос звучит все глуше, все тревожнее. В нем все отчетливее слышны режущие ноты и какая-то печальная надтреснутость. Одна за другой выпадают из репертуара коронные партии, как драгоценные камни из оправы. Она не в состоянии больше их петь. Она то и дело отменяет спектакли. Она может только заученно улыбаться фотоаппаратам и менять туалеты, один роскошнее другого. Она цепляется за иллюзию нового начала – карьеры в кино. Ведь там не надо петь вживую? Всерьез увлеклась Пьетро-Паоло Пазолини, как когда-то Висконти. Ее тянуло к мужчинам, которым была не очень-то нужна. У тех, как правило, были другие интересы: кто-то хотел воспользоваться ее славой, кому-то требовалась ее протекция или имя. Стоит ли

удивляться, что, в конце концов, она спряталась от всех у себя в квартире на авеню Мандель, 36, в Париже. Почти никого к себе не пускала, не отвечала ни на чьи звонки и приглашения. И только вечерами перед камином пыталась петь в полном одиночестве, стараясь потихоньку восстановить разрушенный стрессами и перегрузками голос.

Марчелло Мastroяни, который тогда снимал квартиру в том же доме, буквально под ней, рассказывал, как был невольным свидетелем этих попыток. Так инвалиды после ампутации учатся ходить на костылях. Что-то из этих ее записей тоже можно было услышать на выставке в Siene Musicale. Арию «О Mio Bambino Caro» Каллас поет с прилежанием ученицы выпускного класса музыкальной школы. А потом раздастся бешеный шквал аплодисментов в качестве подтверждения, что она еще жива. Но после смерти Онассиса в марте 1975 года ей жить было незачем. В экспозиции был полностью воспроизведен интерьер гостиной, где она провела безвылазно свой последний год, сидя на диване перед телевизором.

Тогда я пробыл на выставке общей сложностью четыре часа и вышел с твердой уверенностью, что должен пообщаться с Томом Вольфом. Хотелось увидеть человека, который все это собрал, издал, придумал аудио партитуру выставки, раздобыл редкие видеофрагменты и бесчисленные документы. После недолгих поисков контактов выяснилось, что Том живет в Париже и будет рад пообщаться со мной. Первое, что меня удивило, – его молодость. Из пресск-релиза следовало, что ему не больше 32 лет. Второй шок я испытал, когда услышал его голос в трубке – он превосходно, без акцента говорил по-русски. Мы встретились в тон-студии на рю Шатобриан, где он тогда заканчивал работу над документальным фильмом о Марии Каллас. Очень худой, с породистым, длинным лицом, похожий на королевские портреты Бурбонов, какими их рисовал Веласкес.

История Тома довольно необычная. Родился в Ленинграде, но вначале 90-х, когда ему не было пяти лет, родители переехали во Францию на пмж. Отсюда его русский почти без акцента. Детство провел в Париже, мечтал стать режиссером. Но с кино долгое время ничего не получалось. Предел возможностей – видеосъемки спектаклей в Театре Шатле и записи интервью со знаменитостями. На жизнь хватало, но творчества никакого. В какой-то момент решил все поменять – дом, работу, страну. Уехал в Нью-Йорк учиться на врача. Обычная логика: если с искусством не задалось, по крайней мере, должна быть профессия, которая будет кормить.

В Манхэттене, где Том поселился, было тоскливо и одиноко. Однажды проходил мимо МЕТа, где в тот вечер давали оперу Доницетти «Мария Стюарт». В главной партии Джойс Дитонато. Возвращаться домой не хотелось. Со времен Парижа он ни разу не был в театре. Почему бы не сходить? Купил самый дешевый билет за 10 долларов. Думал, что посмотрит первый акт и уйдет. Но тут какой-то импозантный господин предложил ему место рядом на привилегированных местах в dressing circle. «Мы с женой давно купили эти билеты, но она захворала и не смогла прийти».

– Это были роскошные места. Сцена как на ладони. Никогда я не получал такого удовольствия от музыки, голосов, постановки. Стыдно признаться, но это была первая опера в моей жизни. Когда я вернулся домой, то сразу же полез в YouTube искать другие записи Доницетти. И тогда я впервые услышал, как Мария Каллас поет Лючию де Ламермур.

– И что это было?

– Какое-то полное ошеломление. Я не мог поверить, что это возможно, что на такое способен человеческий голос.

– Вы хотите сказать, что вы не знали, кто такая Мария Каллас?

– Слышал имя. Ничего более. Я даже не представлял, чем она занималась и в какое время она жила. Поэтому, когда я стал погружаться в ее мир, слушать ее записи, узнавать подробности ее личной жизни, у меня не было чувства какой-то временной дистанции. Наше знакомство началось так стремительно и спонтанно, что очень скоро я стал ее воспринимать как близкую родственницу. Знаете, как бывает, вначале мы не жили вместе, но виделись часто, потом стали

проводить время вместе все больше, потом съехались и стали вести общую жизнь. И даже до последних дней монтажа моего фильма я продолжал узнавать о ней что-то новое и неожиданное. Наверное, самое поразительное в этой истории – это ощущение духовной близости. Можно сказать, я встретил родную душу. При этом нас почти ничего не связывает. Вокруг меня никто ею не интересуется. Мои сверстники смотрят на это мою страсть с подозрением. Но это не имеет значение, во всем, что я делаю в память о Марии, есть «сила судьбы». *La Forza del destino*. Каллас любила про себя повторять, что она сама заложница и произведение собственной судьбы. В одном своем интервью, которое целиком войдет в наш фильм, она говорит: «*Destiny is destiny, no way out*» («Судьба – это неизбежность, тут выхода нет»). В общем, мы совпали абсолютно.

А дальше началось то, что на языке психиатров 50-60-х годов называется «синдромом Каллас». Тому Вольфу все время надо было ее слушать, добывать новые и все более редкие ее записи. Главным их поставщиком стал для него YouTube. Как человек деятельный и практический, он быстро проник в разветвленную сеть поклонников Каллас по всему миру – от Австралии до Бразилии с заходом в Европу и даже Сейшельские острова. Причем это люди самых разных возрастов: от очень немолодых, еще помнящих живую Каллас на сцене, до совсем юных. Один парень переписывал все ее старые пластинки и ставил на YouTube, чтобы все могли скачивать ее записи 40-х годов. Том вступил с ним в переписку. Выяснилось, что это австралиец двадцати с чем-то лет, который знает про Каллас все и с ходу может отличить «Норму» 1955-го года от «Нормы» 1961-го.

– Мне, конечно, было интересно узнать, кто он и откуда у него такие глубокие знания? Удивительно, но раньше он увлекался *heavy metal*, был самым настоящим *metal punk*. Курил наркоту с утра до вечера. Но однажды услышав голос Марии Каллас, влюбился в нее, стал слушать только ее, обрезал свои дреды, бросил наркотики и стал переписывать ее пластинки, рассылая по всему миру. И таких историй множество. Одновременно с моим любопытством и желанием узнать, кто такая Мария Каллас, подспудно во мне крепла уверенность, что это потрясающий сюжет для документального фильма. Режиссура, о которой я забыл уже и думать, вдруг снова поманила меня. Мне захотелось снять фильм об этой необыкновенной женщине, тем более что я оказался в эпицентре невероятного информационного потока, обрушившегося на меня как цунами. На моем пути все время стали появляться люди, которые хотели рассказать мне о Каллас, у которых были какие-то неизвестные документы, связанные с ней. Я постоянно открывал все новые и новые ее записи, считавшиеся утраченными. Поначалу у меня не было мысли ни о выставке, ни о книге, я думал о документальном фильме. Я прочитал все ее биографии, посмотрел все фильмы о ней, все доступные интервью. За несколько месяцев я получил полный обзор того, что сделано было до меня за последние 40 лет. Особенно меня интересовали документальные фильмы. Кстати, их довольно много. Но странное дело, в них доминируют голоса тех, кто высказывает свои суждения о Марии. А самые сильные моменты этих фильмов, когда она говорит сама.

– Я видел на выставке и ее письма к Онассису и Мененгини. Как вам удалось их найти?

– Они все сохранились у близких людей семьи Онассиса и Каллас. Просто ждали своего часа. Вообще, опыт мой работы над проектом «*Maria by Callas*» убедил меня, что ничего недоступного нет. Должно быть только желание.

– Ну а деньги?

– Да, конечно, это важно. Но, поверьте, не главное, большую часть проекта я делал на свои средства. Спонсора не было, никаких грантов не было. Мне все последовательно отказали. Проект держался только на моей воле и надежде. Только потом подключилось издательство Assolune, вознамерившись издать большой альбом, но материал был собран мой. И они не сильно потратились. Только в последний момент появился продюсер у фильма. А до того я записал самостоятельно более, чем 40 часов интервью с людьми, знавшими Каллас. Работа над

ним растянулась на 3 года. И только просмотрев их все вместе, я понял, что нет ничего сильнее и правдивее, чем собственные интервью Каллас. Поэтому от этих 40 часов в моем фильме почти ничего не осталось. И без них, наверное, не было бы ни фильма, ни выставки, ни книг. Многие интервью считались потерянными. Мне пришлось провести несколько суток в подвалах французского телевидения, роаясь в пыльных коробках, предназначенных для уничтожения, потому что никто не знал, да и не слишком интересовался, что там. История повторится потом в Англии, в архивах на Би-би-си, и в США, и в Германии. Одна и та же ситуация: никто ничего не помнит, никто ничего не знает. Чувствуешь себя археологом и следователем-криминалистом одновременно. Что-то мне удалось обнаружить в частных архивах.

– И все-таки, какой итог у всей этой истории лично для вас?

– Как это не прозвучит странно и даже смешно, но я прожил четыре года с невероятной женщиной. Мне кажется, я знаю о ней все. Монтаж этого фильма как подъем в Гималаи, потому что из всего этого материала собрать фильм на 1. 50, не добавляя нигде чужих голов, ни одного интервью. И найти равновесие между судьбой женщины и великой певицы – это подъем на какую-то немыслимую высоту. При этом подъеме у меня было ощущение, что мы были один на один все это время. Это связь на очень глубоком уровне: артистическом, личном, духовном... Я конечно, испытываю огромную благодарность всем, кто мне помог, но еще больше самой Марии Каллас за то, что она выбрала меня для этой работы. Потому что я убежден, все эти совпадения были неслучайны. И так это было невероятно сложно, наткаться на все отказы, идти дальше и добиваться своего. Какая-то сила все время меня держала и не позволяла впадать в отчаяние.

Фильм «Maria by Callas» был куплен в 47 стран. Целый год Том Вольф ездил с ним по миру, представляя его на разных фестивалях и участвуя в гала премьерах. Благодаря ему миф о Каллас обрел новый масштаб и звучание. Параллельно он готовил к изданию еще и том ее писем, собранных в процессе работы над фильмом. Вначале книга вышла во Франции, потом в Италии. Теперь очередь дошла до России. Причем российская версия дополнена документами и рассказом о визите Марии Каллас в 1970 году в СССР по приглашению министра культуры Екатерины Фурцевой. Существует множество фотографий Каллас на фоне московских и ленинградских достопримечательностей. Есть ее фото в компании с нашими звездами Еленой Образцовой, Галиной Вишневской, Тамарой Синявской, Мстиславом Ростроповичем. Она думала о том, чтобы приехать выступить в Россию, где ее так радушно принимали. Не сбылось, не спелось. В график ее прощального тура с Джузеппе Ди Стефано не вписалась ни Москва, ни Ленинград. И, может быть, даже это к лучшему. Для своих российских почитателей великая легенда Марии Каллас осталась не омраченной зрелищем очевидного заката. Несмотря на шумный зрительский успех, рецензии на выступления дуэта были довольно кислые. Сама себе самый строгий критик, Каллас не питала иллюзий на счет перспектив на продолжение карьеры. Она знала, что это финал, и, по всему была готова.

Но вряд ли она могла предвидеть, сколько возни, спекуляций и вранья будет вокруг ее имени после смерти. Как много посторонних и чужих людей будут наживаться на ее драмах и печалях. Все письма, собранные Томом Вольфом, – ее прощальный монолог, незабываемый речитатив, по силе и страстности, ничуть не уступающий ее лучшим ариям. Но и это и документы подкупающей, абсолютной правдивости. По ним становится ясно, что Каллас была очень прямодушной женщиной и честным художником, полагавшимся не столько на артистические озарения, сколько на безупречный профессионализм, который она достигала неимоверным трудом и упорством. Никаких поблажек себе, никаких компромиссов во всем, что касается музыки и ее интерпретаций. Неудивительно, что новые поколения певцов считают ее записи классических арий эталонными, а музыковеды не прекращают спор о том, как ей удалось обратить недостатки собственного голоса в неповторимые и несравненные достоинства. Понятно, что превзойти Каллас сегодня нельзя, но можно попытаться приблизиться к ней.

Такую попытку в разное время совершат две прекрасные актрисы – Фанни Ардан и Моника Беллуччи. Одна – сыграла Марию Каллас в фильме Франко Дзеффирелли «Каллас навсегда» и озвучила закадровый текст в «Maria by Callas». Другая – дебютировала на театральной сцене в спектакле «Письма и воспоминания», поставленном самим Том Вольфом. Фактически это две разные версии одной судьбы, рассказанные большими актрисами, каждая из которых сама по себе является воплощением мифа о *femme fatale*. Обертоны их прошлых ролей легко угадываются в звучании совсем не оперных голосов, стремящихся попасть в трагический регистр Каллас. И в тоже время есть что-то безумно трогательное в этом очень женском стремлении примерить на себя образ дивы, прожить ее драмы, погрузиться в перипетии ее судьбы. Отсюда актерский азарт обеих звезд, желание постичь тайну Каллас.

Том рассказывал мне, что доходило до поразительных совпадений. Мало того, что в спектакле с Моникой Беллуччи в качестве реквизита используется диван, реально стоявший в гостиной у Каллас. Так даже платья, в которых играет Моника, тоже раньше принадлежали певице. Их предоставил итальянский коллекционер, про которого доподлинно известно, что он никогда не расстается со своими сокровищами, купленными на аукционах за немалые деньги. Но ради такого случая он готов был пойти на неслыханные жертвы. А главное – платья Каллас подошли Беллуччи, будто были специально для нее сшиты. Ничего менять не пришлось.

Символично, и то, что после тягостной, тревожной весны в Париж, успевший отвыкнуть от всяких зрелищ и увеселений, первой вернулась именно Мария Каллас. Вернулась в формате некоего иммерсивного проекта «Maria by Callas, L'Experience», который придумал неутомимый Том Вольф. Это уже технологии XXI века: свет, звук, стереозвучание... Полная иллюзия погружения в некий магический музыкальный космос. А на экране, который окружает тебя со всех сторон, пылает тысяча свечей, и Тоска – Каллас в своем пунцово-красном бархатном платье, простирает к нам руки из бездны 3D и поет свое вечное «Vissi d'Arte».

Точно так же пел этот великий голос, ничем не усиленный, кроме акустики старинных оперных залов в разоренной, послевоенной Европе 40-50-х годов. Голос, обещавший счастье после всех пережитых ужасов и страданий. Голос, возвращавший людям утраченное ощущение исключительности человеческой личности и величия человеческой породы. Голос Абсолютной Красоты, который больше не спутаешь ни с чьим другим. Голос великой гречанки, победившей расстояния, время и небытие. В этой книге он впервые звучит по-русски.

Спасибо всем, кто сделал это сегодня возможным.

Сергей Николаевич

Париж, 1 июня 2019 года

Вступительное слово⁷

Дорогая мадам Каллас, дорогая Мария,

Я пишу Вам впервые, хотя вот уже пять с лишним лет назад отправился за Вами в неожиданное путешествие, которое буквально перевернуло мою жизнь. Пять лет я странствую по миру, следуя по вашим стопам, встречаясь с близкими Вам людьми, с теми, кто все еще с нами, ибо некоторые воссоединились с Вами на небесах, как наш дорогой Жорж Претр или Ваша верная Бруна. Эти встречи увлекали и вдохновляли меня, наполняя смыслом мою «миссию», целью которой были поиски Вашей правды, стремление представить Вас такой, какой Вы были, избавившись от штампов и сплетен, воздать почести Вашему имени и почитать Ваше искусство и Вашу память, чтобы они жили и впредь, передаваясь из поколения в поколение. Я был предан этой цели сердцем и душой, и посвятил себя ей, как Вы посвятили себя служению музыке и гению дорогих Вам композиторов.

Все началось однажды вечером, в январе 2013 года в Нью-Йорке. В тот день я открыл для себя бельканто. Джойс Дидonato пела в Метрополитен-Опере «Марию Стюарт» в постановке Дэвида Маквикара (достойного преемника Вашего Висконти). Таким образом, меня к Вам привел Доницетти, – в тот вечер, вернувшись в свою студенческую комнатку, я впервые услышал онлайн сцену сумасшествия Вашей Лючии, и следом – исполненный проникновенной любви голос Вашей Эльвиры в самой первой записи «Пуритан»⁸. Вы пели «*Il dolce suono mi colpì di sua voce!*» («Сладкий звук его голоса порастил меня!») и меня околдовывали эти чарующие звуки, «*Spargi d'amaro pianto*» («Оплачь горькими слезами») – и я рыдал вместе с Вами, «*Ah, rendetemi la speme*»... («Ах, возвратите мне надежду») – и я томился от любви, «*Qui la voce sua soave*» («Здесь Артуро голос чудный») и чувства переполняли меня. Чувства, до сих пор мне неведомые, никакая музыка еще не пробуждала во мне ничего подобного, это было что-то неземное, от чего трепетала моя душа.

Тогда я еще не знал, почему Вас называют Божественной. Впрочем, этот титул, подразумевавший, что Вы не принадлежите роду людскому, не пришелся Вам по душе, Вы ведь так хотели, так мечтали, чтобы в Вас признали именно человечность – возможно, потому что людям прощают больше, чем богам, а вас так редко прощали... И все же в этом пении было нечто божественное. Теодоро Челли описал его настолько лучше меня в статье, которая Вам так понравилась, что я поместил ее в финале этой книги, думаю Вы были бы не против. По сей день я затрудняюсь сказать, растрогали ли меня тогда чувства персонажей, мгновенно оживавшие в звуках Вашего голоса, или Ваши собственные чувства и волнение души, которое я ощущал.

Джойс Дидonato сказала мне несколько месяцев спустя: «тебе открывается новый мир», и действительно, Вы явили мне целую вселенную, волшебную, чарующую. В тот вечер я влюбился с первого взгляда, это была любовь художественная, музыкальная, чувственная, любовь к чудесному миру, в который я перенесся благодаря Вам. В мир Нормы, Виолетты, Леоноры и многих других героинь, которых Вы пробудили к жизни. В тот довольно мрачный период моей жизни, Вы принесли мне свет.

Вскоре я понял, что Вы одаривали не только меня, но и множество людей всех поколений, разной культуры и происхождения. И так продолжается уже более шестидесяти лет. Я начал переписываться с Джоном Дональдом, молодым австралийцем лет двадцати, который, будучи когда-то фанатом хард-рока, заплетал дреды до колен и страдал зависимостью от неко-

⁷ Том Вольф.

⁸ Опера Винченцо Беллини, написанная в 1835 году. Весьма трудна для исполнения, партии тенора и сопрано изобилуют высокими нотами, трелями и колоратурными пассажами.

торых вредных веществ, – вплоть до того дня, когда он тоже «встретил» Вас, года за два до меня. Через некоторое время после этой встречи он подстригся, прекратил употреблять наркотики, и стал одним из величайших знатоков Ваших, так называемых «пиратских» записей, которые были столь милы Вашему сердцу – только эти записи Вы и слушали дома, на закате жизни, затребовав их у самих «пиратов», у Дагоберто Хорхе, например, который посылал Вам их в нью-йоркскую «Плазу», или в Париж на авеню Жоржа Манделя⁹, как он мне сам рассказывал. Джон Дональд все дни напролет оцифровывал старые винилы, вручную спрессованные в нескольких экземплярах самим Даго и его друзьями сорок лет назад, и бесплатно выкладывал их в открытый доступ. Я был одним из тех счастливиц, которые этим воспользовались. Джон умел с ювелирной точностью объяснить в своих электронных письмах, часто длиною в несколько страниц, особо виртуозные пассажи спектаклей в Ла Скала, и различия между исполнениями одной и той же партии в разные годы. Живая энциклопедия Вашего искусства, находясь за тысячи километров от меня (мы, кстати, никогда не встречались лично), Джон, щедро делясь своими знаниями, стал моим проводником в Вашу вселенную. Он говорил: «She's out of this world, and second to none» (Она с другой планеты, и не имеет себе равных). Как же он был прав.

Вот и я в свою очередь решил стать таким «проводником». Мне казалось, что, если я поделюсь со всеми своим опытом, тем, что я сам пережил когда-то, познакомлю с Вашей жизнью и искусством новое поколение, это будет прекрасным подарком, который и мне станет высшей наградой. И только теперь я понимаю, что это оказалось моей миссией. Поиск Ваших близких обернулся сам по себе целой эпопеей, я собирал утраченные или ревностно охраняемые документы и архивы, объездил дюжину стран в надежде найти фотографии, фильмы и, конечно же, Ваши письма, что и позволило мне осуществить уникальный, многогранный проект (фильм, выставка, три книги и неизвестные записи), в центре которого царит Ваше слово, ибо я еще в самом начале пути понял, что Вы и только Вы можете поведать нам о своей необыкновенной жизни – впрочем, так Вы и говорили, добавляя: «After all I'm the one who's lived it» – «В конце концов, я же ее прожила».

Запустить этот гигантский проект, учитывая, что никто в него не верил, было совсем непросто. И я не без некоторого волнения смотрю, как приближается финал нашего долгого путешествия, кульминацией которого является эта книга. Вы были всегда рядом со мной, Вы казались почти вездесущей, и в самые трудные минуты сомнений, когда я сталкивался с многочисленными препятствиями, мне всегда был дан знак, свершалось маленькое чудо, и я мог продолжать свой путь. И еще меня постоянно и безоговорочно поддерживали Ваши близкие, вселяя в меня решимость и веру, без которых невозможно осуществление такого безумного предприятия.

С самого начала я подошел к этой работе и связанным с ней проектам с бесконечной любовью, бескорыстием и смирением, следуя Вашему принципу отдавать всего себя во имя чего-то большего, чем ты сам. Сегодня мои «произведения» уже мне не принадлежат. Фильм «Maria by Callas» объездил более сорока стран, книги отныне в руках читателей. Одноименная выставка оказалась сродни тибетской мандале – словно тысячи разноцветных песчинок, тщательно собранные воедино, просуществовали некоторое время, а потом их стёрло дыханием, возвышенным и изменчивым. Из всего этого я не извлекаю ни выгоды, ни прибыли, за исключением того, что я был «смирённым слугой Гения», как пела Ваша Адриана Лекуврер, и если мне и сопутствовал успех, то прежде всего и навсегда он принадлежит, естественно, Вам. Если мне удалось, благодаря усердному труду и преданному служению, внести свой скромный вклад в общее дело, это величайшее счастье для меня. В Париже, Вашем любимом городе, вместе с теми, кто Вам был близок и дорог, мы создали организацию, присвоив ей Ваше имя.

⁹ Адрес последней квартиры Марии Каллас.

На «Дотационный фонд Марии Каллас» возложена теперь миссия, которую я когда-то взял на себя. Моя же миссия увенчана этой книгой и подходит к концу, и мне кажется, я справился с ней, во всяком случае справился в силу своих возможностей, неизменно стараясь делать все так, как хотели бы Вы, честно и уважительно.

В таком умонастроении я и приступил к заключительной фазе моих странствий, собирая, переводя и аннотируя все тексты, принадлежащие Вашему перу, которые мне удалось достать, иногда не без труда, за эти шесть лет. Для меня это стало в каком-то смысле апогеем нашей истории, проникновением в Вашу сокровенную жизнь, – должен признаться, что, я открыл для себя вещи, о которых мог только догадываться. Мне показалось, что благодаря этим письмам, буквально заглянув вам в душу, я точнее понял истоки Вашего пения. Конечно, нельзя утверждать, что эта переписка включает в себя все, что Вы когда-либо писали, но, я полагаю, это безусловно исчерпывающий рассказ от первого лица почти о всей Вашей жизни. Вот почему я решил ни от чего не отказываться. Ведь даже самое обычное, на первый взгляд, письмо может оказаться сокровищем. От нас зависит, научимся ли мы читать между строк. Мне важно было сохранить Ваши тексты целиком, ни в чем не искажая Ваших слов, и представить их читателю в подлинном виде. Я, насколько это было возможно, постарался сопроводить их комментариями, чтобы следовать за нитью повествования и за Вами, шаг за шагом. Создание этой книги, равно как и фильма, обернулось в некотором роде составлением гигантского многофигурного пазла из архивов и документов, разбросанных по всему миру, извлеченных из коробок, подвалов и с чердаков – тех фрагментов, что сохранились чудом или стараниями Ваших родственников, друзей и поклонников, которые неизменно доверяли их мне. И я горжусь возможностью познакомить с ними сегодня Вашу публику, в данном случае – Ваших читателей, чтобы они узнали настоящую Каллас, певицу, но прежде всего – женщину. Вы говорили: «Во мне живут два человека, Мария и Каллас, и я обязана соответствовать последней. Но если меня внимательно слушать, мое пение все расскажет обо мне». Так вот, я верю, или во всяком случае надеюсь, что мы все узнаем о Вас из Ваших текстов, которые впервые позволяют приподнять завесу и краем глаза увидеть тайну, ничуть не умаляя ее магии. Фанни Ардан, голосом которой ожили ваши слова в моем фильме, сказала: «Думаю, Мария Каллас своим искусством помогла мне в жизни больше, чем кто бы то ни было.» Это одно из чудес, которые Вы совершаете.

Я знаю, дорогая Мария, что Вы просили близких друзей помочь Вам написать автобиографию, которая так и не увидела свет. Вы сказали Дорле Сория в роковом 1977 году: «Однажды я напишу автобиографию, и напишу ее сама, чтобы все расставить наконец по местам. Обо мне было сказано столько лжи». Я приступил к этой работе, помня о Ваших словах. И стремясь к максимальной подлинности, сам занялся переводом Ваших текстов, как можно точнее передавая Ваши слова и особые характерные выражения, которые, даже если и кажутся порой неловкими, так полно раскрывают Вашу личность и Ваши чувства. Я старался хранить верность Вашим словам, будь они написаны на вашем родном английском, греческом языке ваших предков или на итальянском, переставшем быть для Вас иностранным – точнее, на веронском диалекте, который вы переняли от мужа. Вы обращались с языками так же виртуозно, как с *embellimenti*¹⁰ бельканто, высказываясь порой весьма красочно и необычно. Я старался передать и эту особенность Вашей речи, сохраняя насколько это было возможно, пунктуацию и заглавные буквы, и Вашу манеру подчеркивать отдельные слова. Часто, читая вас, слышишь Ваш голос. Я также включил в эту книгу несколько адресованных Вам писем и телеграмм, чтобы пролить свет на некоторые эпизоды вашей жизни. Наконец, я добавил полную хронологию Ваших выступлений, концертов и звукозаписей, мне показалось, что это важно для того, чтобы проследить Ваш путь, или, скорее, полёт – как Икара к солнцу.

¹⁰ *Ит.* «украшения». Способ расцветить и разнообразить мелодию виртуозными форшлагами и трелями, что было важной частью стиля итальянской ранней романтической оперы.

В заключение мне хочется выразить благодарность, Вам прежде всего... и тут мне не хватит слов (как говорил Жорж Претр, «Молчание выразить невозможно») – а также Вашим близким, которые помогали мне с неизменной благосклонностью, доверяя письма, опубликованные здесь, по большей части впервые.

Желаю читателям и читательницам приятного путешествия в Вашей компании, ведь это великая честь и счастье – узнать Вас, научиться Вас понимать и любить.

*Ваш
Том Вольф*

Воспоминания. 1923–1957

Перевод с итальянского¹¹

В последнее время я часто получала предложения от итальянских и зарубежных журналов, в особенности от американских Time и Life, опубликовать мои воспоминания. И всегда отказывалась. Прежде всего потому, что воспоминания пишутся на более позднем этапе жизни, или, возможно, когда больше нечего сказать. Кроме того, должна заметить, что не соглашалась еще и по той причине, что я человек весьма скрытный. Я до такой степени ненавижу говорить о себе, что отвергла даже предложения опубликовать заметки о моих поездках, – в стремлении избежать, а это вряд ли получилось бы, всякого упоминания о собственных успехах, я же вечно предоставляю посторонним говорить обо мне, полагая, что имею дело с людьми умными, хорошими и великодушными. Увы, дав им свободу слова, я в итоге оказалась центральным персонажем бескончаемых сплетен, быстро облетевших мир. Вот для того, чтобы развеять все это нагромождение небылиц, я и решаюсь сегодня, хоть и не без некоторых колебаний, прояснить ключевые моменты своей личной жизни и карьеры. Поэтому этот рассказ абсолютно ни на что не претендует и начисто лишён – упаси Господи – всякого полемического задора. Этот текст следует читать в том же расположении духа, в котором я диктовала его.

Давайте начнём с даты моего рождения, как это принято в биографиях. Я появилась на свет в Нью-Йорке, под знаком Стрельца, утром 2-го или 4-го декабря, но в этом пункте мне трудно быть столь же определенной как в остальных, поскольку в паспорте у меня указано, что я родилась 2-го, тогда как мама уверяет, что родила меня 4-го – так что выбирайте, какое число вам больше по душе. Я лично предпочитаю 4 декабря¹², во-первых, потому что я, само собой, обязана верить маме, а кроме того, это день Святой Барбары, покровительницы артиллеристов, святой гордой и боевой, которая мне просто очень нравится. 1923 год. Место рождения – клиника на Пятой Авеню, то есть в самом центре Нью-Йорка, а не в Бруклине, куда, уж не знаю почему, некоторые журналисты решили во что бы то ни стало меня сослать. И дело не в том, что в самом факте рождения в Бруклине есть нечто уродливое или постыдное (мне кажется, в этом районе родилось много знаменитостей), просто я люблю быть точной. В актах гражданского состояния я записана как Мария Анна София Кекилия Калогеропулу. Мои родители – греки: мама, Евангелия Димитриаду, родилась в семье военных, на севере Греции, в городе Стилида, отец, сын фермеров, появился на свет в Мелигаласе, на Пелопоннесе. Поженившись, они поселились в Мелигаласе, где отец владел процветающей аптекой; и, вероятно, так бы там и остались, если бы не постигшее их горе, они потеряли своего единственного сына, Базилио, в возрасте всего трех лет. С тех пор отец постоянно пребывал в тревожном состоянии, мечтая уехать подальше от того места, где умер его сын, и постепенно у него созрело решение перебраться в Америку. Они уехали в августе 1923 года, за четыре месяца до моего рождения, взяв с собой мою старшую сестру Джасинту¹³, которой было тогда шесть лет. В Нью-Йорке отец открыл прекрасную аптеку, и поначалу все складывалось удачно. Дела шли в гору, мы жили в элегантных апартаментах в центре города. Потом грянул чудовищный кризис 1929 года, не обошедший стороной и нашу семью; аптеку продали, и с тех пор отцу не везло. Должна добавить, что он, возможно, был слишком порядочным и галантным человеком, чтобы отвоевать себе место в джунглях бизнеса. Кроме того, его, как всегда, подводило здоровье. Сейчас он работает химиком в одной нью-йоркской больнице, это хорошая должность. Отец ни за что не

¹¹ Продиктованы подруге Каллас журналистке Аните Пенсотти, в конце 1956 – начале 1957 г.

¹² Через несколько лет она передумала и в итоге решила до конца своей жизни отмечать день рождения 2 декабря, в соответствии со свидетельством о рождении.

¹³ По прозвищу Джеки.

согласится уехать из Америки, потому что прожив там уже тридцать четыре года, он полностью ассимилировался; правда, я брала его с собой на гастроли по Мексике и в Чикаго (как-то раз к нам присоединилась мама) и радовалась, что каждый вечер, пока я пою на сцене, он сидит в зале Оперы рядом с моим мужем.

Но вернёмся в моё детство. Никаких особых воспоминаний у меня не сохранилось, за исключением смутного ощущения, что родители не очень-то ладили друг с другом; теперь они живут отдельно и я очень из-за этого переживаю. Что касается моего призвания, то тут сомнений никогда не возникало. Отец рассказывает, что я пела уже в детской кроватке, выводя столь невероятные для младенца вокализы и брала такие высокие ноты, что поражались даже соседи. Мои родственники по материнской линии, кстати, всегда хвастались своими певческими способностями. Дед, например, обладал прекрасным драматическим тенором¹⁴, но будучи кадровым офицером, даже не помышлял о том, чтобы развивать его. Что уж о женщинах говорить. Появление в семье «лицедейки» грозило скандалом и несмываемым позором. Мама, однако, придерживалась иного мнения, и как только заметила мои вокальные таланты, решила как можно скорее сделать из меня вундеркинда. А у вундеркиндов настоящего детства не бывает. Я не в состоянии вспомнить любимую игрушку, куклу или какие-то детские забавы, зато песни – сколько угодно, мне приходилось репетировать их до одури, снова и снова, для сдачи экзамена в конце каждого учебного года; а главное, я никогда не забуду, какая мучительная паника охватывала меня посередине какого-нибудь трудного пассажа, когда мне вдруг начинало казаться, что я задыхаюсь, и я в ужасе думала только о том, что из моего онемевшего, пересохшего горла больше не вырвется ни единого звука. Никто не подозревал об этих внезапных приступах тревоги, поскольку, судя по всему, я сохраняла спокойствие и продолжала петь.

Окончив начальную школу, мои одноклассники записались в колледж или в другие учебные заведения, и мне так хотелось, последовав их примеру, стать старшеклассницей. Но меня лишили и этого: я – решила моя мать – должна каждое мгновение своего трудового дня посвящать обучению вокалу и игре на фортепьяно. Так что в одиннадцать лет я отложила в сторону учебники, и понемногу моими буднями стали невыносимые ожидания на прослушиваниях для вундеркиндов, на которые меня регулярно записывали, в надежде, что я буду участвовать в радиоконкурсах или выиграю какую-нибудь стипендию. Я, собственно, всегда училась благодаря стипендиям. Во-первых, потому, что после 1929 года мы были отнюдь не богаты, а кроме того, я всегда довольно пессимистически настроена относительно собственных способностей. И по сей день, даже если меня и обвиняют в излишней самонадеянности, я никогда не чувствую уверенности в себе и вечно терзаюсь страхами и сомнениями. Еще в детстве мне не по душе были полумеры: мама хотела, чтобы я стала певицей, и я была счастлива пойти ей навстречу; но только при условии, что я стану однажды *великой* певицей. Всё или ничего: в этом я определённо оставалась верна себе все эти годы. Таким образом, получение стипендии являлось гарантией моих талантов и подтверждало, что родители не обманулись, уверовав в мой голос. Успокоившись, я продолжала заниматься вокалом и играть на фортепиано, с каким-то даже остревением.

В конце 1936-го года мама решила вернуться в Грецию повидать родственников и взяла с собой нас с Джасинтой. Сестра уехала чуть раньше; мы присоединились к ней в феврале 1937 года. В Америке, для удобства произношения, отец сократил нашу фамилию, сохранив только первую часть и переделав «Калос» в «Каллас», чтобы звучало гармоничнее. Не знаю, как уж он оформил это официально, но помню, что уже в школе меня называли Мэри Каллас. В Греции,

¹⁴ Теноровый голос темного тембра, нередко обладающий большой силой и звучностью. Для драматического тенора написаны многие ярчайшие оперные партии – Отелло в «Отелло» и Радамес в «Аиде» Верди, Канио в «Паяцах» Леонкавалло, Калаф в «Труантот» Пуччини и почти все главные теноровые партии в операх Вагнера.

однако, я вновь стала Марией Калогеропулу. Когда я приехала в Афины, мне едва исполнилось тринадцать лет, но будучи уже такой же рослой, как сейчас, довольно упитанной и слишком серьезной, лицом и манерами, для столь юного возраста, я выглядела куда старше. Мама попыталась для начала записать меня в Афинскую Консерваторию, самую знаменитую в Греции, но ей просто рассмеялись в лицо. Что прикажете делать, – сказали они – с 13-летней девицей? Тогда, прикинувшись шестнадцатилетней, я поступила в другую консерваторию, Национальную, где начала учиться у педагога, вероятно итальянского происхождения, Марии Тривеллы. Впрочем, на следующий год, я, наконец, достигла своей цели, и блестяще сдав экзамен, поступила в Афинскую Консерваторию, где меня поручили прекрасной преподавательнице, которой суждено было сыграть важнейшую роль в моей творческой подготовке – Эльвире де Идальго.

Этой знаменитой испанской исполнительнице, которая запомнилась публике и бывшим держателям абонементов Ла Скала своей незабываемой и непревзойденной Розиной¹⁵, блиставшей и во многих других центральных ролях – этой прославленной диве, повторяю я с сердечным волнением, бесконечной преданностью и благодарностью – я обязана своим обучением и мастерством, артистической и музыкальной подготовкой. Эта изысканная дама не только передала мне свои драгоценные знания, но и вложила в меня всю душу, став свидетельницей моей афинской жизни, как творческой, так и семейной. Она бы рассказала обо мне лучше, чем кто-либо, потому что ни с кем больше у меня не сложилось столь близких и доверительных отношений.

Она вспоминает, что я приходила на занятия в десять утра и оставалась после на уроки всех других учеников, до шести вечера. Тем, что сегодня я владею таким обширным репертуаром я, наверняка, обязана своей неутолимой жажде знаний и наставлений, о которой я в то время и не подозревала. Тогда, в октябре или ноябре 1938 года, то есть восемнадцать лет назад, я дебютировала на сцене. В пятнадцатилетнем возрасте я впервые предстала перед публикой в столь желанной роли «примадонны»¹⁶. Я исполняла партию Сантуцци в «Сельской чести», и все прошло прекрасно. Правда я была в отчаянии, потому что от дикой зубной боли я пела с опухшим, исказившимся лицом. Со мной вечно что-то такое случалось в самые ответственные моменты карьеры. Вам предстоит убедиться, на протяжении моего рассказа о жизни, что мне приходилось мгновенно и неминуемо расплачиваться неприятностями или недомоганиями за все свои триумфы. Но, как бы то ни было, этот первый успех открыл мне путь на другие прослушивания, и через несколько месяцев меня выбрали на роль Беатрис в оперетте «Боккаччо» в афинской Королевской Опере.

Я помню, что моей единственной заботой в то время были руки. Я никогда не знала, куда их деть, они казались мне бесполезными и громоздкими. Кроме того, мой педагог [Эльвира де Идальго] – сетовала, – и как я теперь понимаю, была тысячу раз права – что я ужасно нелепо одеваюсь. Однажды, собираясь познакомить меня с каким-то важным человеком, она упрашивала меня нарядиться пошкарнее, но я предстала пред ней в темно-красной юбке, кофточке с воланами, тоже красной вырви-глаз, и вдобавок водрузив на завитые косы отвратительную шляпу, вроде той, что была на «Мюзетте»¹⁷. Я считала, что выгляжу более чем элегантно и ужасно смутилась, когда синьора Эльвира сорвала с меня этот кошмар с криком, что больше никогда не даст мне ни единого урока, если я не позабочусь впредь о своей внешности.

По правде говоря, я понятия не имела, как выгляжу. Одежду мне выбирала мама, не позволяя мне проводить перед зеркалом больше пяти минут. Я должна учиться, а не «трагитить время на всякие глупости»; скорее всего именно ее строгости я обязана тем, что сегодня,

¹⁵ Главная женская партия в «Севильском цирюльнике» Россини.

¹⁶ Буквально, по-итальянски, «первая женщина», то есть, главная женская партия в опере. Каллас часто сравнивала титул примадонны с позицией первой скрипки.

¹⁷ Экстравагантный персонаж «Богемы» Пуччини.

всего-то в тридцать три года, у меня за плечами огромный и значительный творческий опыт. Но, с другой стороны, я была полностью лишена развлечений подросткового возраста и его невинных, свежих, искренних и незаменимых радостей. Зато, – совсем забыла упомянуть об этом, – я набрала вес. Под тем предлогом, что для того, чтобы хорошо петь, надо быть крепкой и упитанной, я с утра до вечера до отвала наедалась булочками, шоколадом, кремом и хлебом с маслом.

Так я превратилась в пышку с пунцовым лицом, усеянным бесчисленными прыщами, сводившими меня с ума.

Но давайте по порядку. После «Боккаччо» генеральный директор Королевской Оперы пригласил меня на «Тоску». Репетиции продолжались без перерыва три с лишним месяца и надоели мне до такой степени, что даже сегодня эта опера занимает последнее место в списке моих предпочтений. Мы подходим к самом болезненному периоду моей жизни, к печальным годам войны, о которых я не люблю говорить даже с самыми близкими людьми, чтобы не разбредить так и не закрывшиеся раны. Я помню зиму 1941 года. Захваченная немцами Греция, и люди, уже долгие месяцы страдающие от голода. В Афинах еще никогда не бывало так холодно: впервые за последние двадцать лет афиняне увидели снег. Мы репетировали «Долину» Эжена д'Альбера, эта опера считается чем-то вроде немецкой «Сельской чести»¹⁸, и нам приходилось работать в полумраке ацетиленовых ламп, опасаясь бомбардировок. Всё лето я питалась исключительно помидорами и варёными листьями капусты, ради которых мне приходилось проделывать пешком бесконечные километры по окружающим деревням, выпрашивая у фермеров немного овощей. За корзинку помидоров или капустных листьев могли и расстрелять, немцы были безжалостны. Тем не менее, я никогда не возвращалась домой с пустыми руками. Как-то, зимой 1941 года, друг нашей семьи, будучи тогда женихом моей сестры, принес нам бутылочку растительного масла, немного желтой муки и картошки; никогда не забуду с каким оторопелым изумлением мама и мы с Джасинтой тряслись над этими сокровищами, чуть ли не опасаясь, что они могут вдруг исчезнуть в одно мгновение, как по волшебству.

Тот, кто не испытал мук голодного существования в оккупации, не может знать, что значит быть свободным и жить в покое и комфорте. До конца своих дней я уже не смогу бросать деньги на ветер и буду переживать – и это сильнее меня – видя, как выкидывают пищу, будь то ломоть хлеба, фрукты или кусочек шоколада. Позже, когда появились итальянцы, жить стало легче. С горечью глядя, как я неотвратимо хую, один поклонник моего таланта, владелец мясной лавки, реквизируемой захватчиками, познакомил меня с итальянским офицером, ответственным за распределение продовольствия союзным войскам. Раз в месяц он продавал мне буквально за копейки десять килограммов мяса, я привязывала его на себя и целый час шагала по солнцепеку, даже в самые жаркие месяцы, легко и радостно, словно несла букет цветов. Собственно, благодаря этому мясу мы и выжили. Холодильника у нас не было и хранить его мы не могли. Но мы продавали остатки соседям по этажу и на вырученные деньги покупали самое необходимое. А потом итальянцы «реквизировали» группу оперных певцов, меня в том числе, на несколько концертов, и мы попросили заплатить нам продуктами. Наконец, по прошествии года, мы снова ели рис и пасту, и пили настоящее молоко. В общем, итальянцы всегда были добры ко мне. Синьора де Идальго уговаривала меня выучить итальянский. «Он тебе пригодится, – повторяла она, – потому что рано или поздно ты окажешься в Италии. Только там ты сможешь начать настоящую карьеру. А исполнительное искусство и артистичность требуют досконального понимания каждого слова. «Я последовала ее совету, стараясь особенно не обольщаться. Италия и Ла Скала были для меня недостижимой мечтой, как будто находились на Марсе или на Луне, и я гнала от себя всякую надежду, чтобы потом избежать разочарований. Однако я заключила пари с синьорой Идальго, что через три месяца заговорю с ней по-

¹⁸ Опера Пьетро Масканы, одна из жемчужин веристской оперы.

итальянски. Только я понятия не имела, как это сделать. Не могла же я отправиться в штаб к фашистам, как предлагали некоторые, потому что мои соотечественники, разумеется, сочли бы меня предательницей. Денег на частные уроки у меня не было, поэтому я подружилась с четырьмя молодыми врачами, которые учились в Италии, и уж не знаю, каким чудом – может быть, потому что язык Данте сразу безумно понравился мне – три месяца спустя я выиграла пари.

Летом 1944 года у меня возникли первые трения с коллегами. Мы должны были ставить «Фиделио»¹⁹, и другая примадонна, из всех сил добивавшаяся этой роли, преуспела и получила ее; правда, она не удосужилась ее выучить. Поскольку репетиции надо было начинать немедленно, меня попросили заменить ее, и, прекрасно зная эту партию, я конечно же согласилась. Этот эпизод я рассказываю, чтобы подчеркнуть, что подготовленность была моим единственным, но очень мощным и честным оружием, ведь перед блистательно исполненной арией падают все преграды. На сцене, до того, как поднимется занавес, можно как угодно поддерживать артиста, но, когда занавес поднимается, ценится только мастерство. Говорят, я всегда выигрываю. Труд и подготовка – вот мой арсенал. Если, по-вашему, это слишком «суровые» средства, то я уж не знаю, что и сказать.

Сразу после спектаклей «Фиделио» в чудесном амфитеатре Герода Аттика в Акрополе, мы отпраздновали «освобождение», и вот тут коллеги пошли на меня войной. Но об этом позже. Тем временем руководство Королевской Оперы сообразовало наконец дать мне три месяца отдыха, и мама, не теряя времени даром, тут же нашла мне работу поблизости от штаб-квартиры англичан, где меня поставили на сортировку секретной почты союзников. Я начинала в восемь утра, но мне приходилось вставать полседьмого, потому что я ходила пешком, чтобы не тратить деньги на трамвай, а наша квартира на улице Патиссион, 61, находилась довольно далеко от места работы. В полдень англичане угощали нас щедрым обедом, но вместо того, чтобы остаться в штаб-квартире, я клала его в кастрюлю и относила домой, чтобы поделиться с матерью (в то время моя сестра Джасинта уже не жила с нами). На обеденный перерыв мне отводилось всего полтора часа, так что мне удавалось побыть дома всего минут пятнадцать. Так продолжалось всю зиму; и по сей день я все еще злюсь, что эта изнурительная гонка обернулась для меня, к сожалению, больной печенью и верхним давлением 90, и то если повезет.

Простите за это отступление, продолжим. 1945 год: мне пришлось время продлить контракт с Королевской Оперой, но от своего дяди по материнской линии, врача Королевского Дома (профессора Костантино Лурса), я узнала, что у Раллиса, главы греческого правительства того времени, уже побывали все мои коллеги. Они пришли выразить протест, угрожая тотальной забастовкой, в случае если меня снова возьмут в Оперу на статус примадонны. Какой стыд: их оскорбляло, что молодая женщина двадцати одного года смеет тягаться с артистами их таланта и возраста. Дядя не знал, что мне посоветовать; но, поскольку Господь всегда приходит на помощь тем, кто не сворачивает с пути истинного и ни причиняет никому зла, в тот момент, когда я меньше всего этого ожидала, американское консульство подарило мне обратный билет в Америку. Я верну деньги, сказали мне, когда смогу.

Директор Королевской Оперы был очень смущен, когда вызвал меня, чтобы сообщить, что не может ангажировать меня на позицию примадонны. Я подождала, пока он, заикаясь, рассыпался в извинениях и только потом объявила ему, что уезжаю в Америку, добавив: «Будем надеяться, что вам никогда не придется пожалеть об этом». Но перед отъездом из Греции мне захотелось показать напоследок, на что я способна, спев в «Der Bettelstudent» («Нищем сту-

¹⁹ Единственная опера Людвиг ван Бетховена. Партия сопрано в ней очень трудна и требует большого технического мастерства для исполнения.

денте») Миллёкера, труднейшей оперетте²⁰ для сопрано. Опере пришлось поручить эту партию мне, никто другой с ней бы просто не справился.

Я поднялась на борт «Стокгольма» (за год до этого, в июле, он столкнулся с «Андреа Дориа»). Отцу я не стала писать о своем приезде – мама отсоветовала, уж не знаю, по какой причине. Или, скорее знаю, но не вижу смысла говорить об этом. Я понятия не имела, что ждет меня в Америке, где живет отец по прошествии стольких лет, и с кем. Я взяла с собой три-четыре платья, и пустилась в путь без гроша в кармане. Мама и сестра не захотели проводить меня в Пирей, сказав, что не смогут совладать с эмоциями. Зато пришли мои друзья, в том числе физиолог Папатеста, который жил в квартире под нами. Они угостили меня прощальным обедом. Я прекрасно это помню. Было два часа дня, до посадки оставалось несколько минут. Все они дружески меня напутствовали: «Осторожно, не потеряй деньги, куда ты их положила? – Не беспокойтесь, – ответила я, – у меня денег вообще нет». Они не поверили. Взяли мою сумку, обшарили ее, но ничего не нашли. «Стокгольм» отходил из Пирея в три часа, а в это время все банки закрыты. Никто из них не смог мне помочь, и я весело простилась с ними. Я отправлялась навстречу неизвестному; но почему-то чувствуя с удивительной определенностью, что бояться мне нечего.

Так, в двадцать один год, в полном одиночестве и без гроша в кармане, я пустилась в путешествие в сторону Нью-Йорка. Сегодня, оглядываясь на двенадцать лет назад, я сознаю, что, возвращаясь в Америку в конце мировой войны, я вполне могла столкнуться с серьезнейшими проблемами и подвергнуться немыслимым опасностям, и уж тем более не найти следов отца и старых друзей. Но, как я уже говорила, мне не было страшно, и дело не только в каком-то особом мужестве, или легкомыслии, присущим моему юному возрасту, тому были и более глубинные основания – интуиция и безграничная вера в покровительство Господа, который, не сомневалась я, никогда меня не оставит.

Вы сами убедитесь, по ходу моего рассказа, что десница божья всегда была простерта надо мной – уж позвольте мне так выразиться – во все самые драматические моменты моей жизни. Я впервые испытала это в шесть лет. Мы гуляли с родителями, как вдруг я увидела на другой стороне улицы Джасинту, игравшую в мяч с няней и нашей двоюродной сестрой. Со мной такое часто случается – это черта моего характера, моя особенность – меня вдруг накрывает приступ внезапной нежности, за что мне сразу становится стыдно, затрудняюсь сказать почему, возможно, я стесняюсь слишком бурного проявления эмоций. В тот момент, заметив сестру, я бросилась к ней, чтобы поцеловать ее, и тут же, краснея и смущаясь, понеслась обратно, через дорогу, на которую как раз на бешеной скорости выехала машина. Она сбила меня с ног, отбросив в конец улицы. Американские газеты (тогда они заинтересовались мной впервые) прозвали меня по этому случаю «Мария везучая», потому что мне почти чудесным образом удалось встать на ноги, двенадцать дней пролежав без сознания, притом, что вся больница, от главного врача до сторожа, считали, что я при смерти. Так что прозвище «Мария везучая» я вполне заслужила, и это касается еще одной печальной страницы моей жизни, в ее греческий период. 4 декабря 1944 года – я прекрасно запомнила эту дату, потому что это день моего рождения – в Афинах разразилась гражданская война. Я уже говорила, что работала при штабе британского командования и начальство рекомендовало мне не покидать штаб-квартиру, учитывая, что я занималась там весьма деликатным делом – в мои обязанности входила сортировка сверхсекретной почты, поэтому я неминуемо стала бы жертвой коммунистических репрессий и наверняка подверглась бы пыткам. Но в то время мы жили на улице Патиссион, в

²⁰ Оперетта – жанр музыкального театра, близкий к опере, но отличающийся от нее обязательным наличием танцев и разговорных диалогов. Для исполнения оперы необходимыми и достаточными являются хорошие певческие навыки, в оперетте же артист обязательно должен обладать еще и актерскими.

зоне, занятой красными, и я побаивалась оставлять маму в одиночестве. Так что меня отвезли домой на джипе и несколько дней я провела, запершись в своей комнате.

Мало того, что я умирала от страха, меня еще рвало после того, как я решилась съесть банку давно просроченной фасоли, больше ничего съедобного у нас не нашлось (к тому же у меня аллергия на все виды сухих бобовых). В такой ситуации мне не удалось бы обеспечить нас с мамой продуктами, и мы наверняка умерли бы с голода (в то время умирали очень многие,) если бы мне не помог мой друг доктор Папатеста, который в ущерб себе делился со мной своим и без того скудным рационом.

Однажды ко мне зашел бледный, плохо одетый и чумазый как угольщик мальчик – он утверждал, что ему поручено явиться ко мне по приказу офицера британского командования. Я, перепугавшись и заподозрив ловушку, попыталась довольно грубо его выставить; но он оказался ужасно настойчивым, чуть ли не агрессивным, так что мне пришлось смириться и выслушать его. Он действительно был тайным агентом британцев, которые послали его, чтобы умолить меня вернуться, они опасались за мою жизнь и изумлялись, что коммунисты до сих пор меня не арестовали. Ему пришлось долго меня уговаривать, но в конце концов он убедил меня, что я во что бы то ни стало должна вернуться в английскую зону, и я тут же позвонила доктору Папатесте, попросив его позаботиться о маме.

Наша квартира (мои мать и сестра все еще живут в ней) выходила на красивый проспект, ведущий к площади Конкордия. Но в моих воспоминаниях он остался таким, каким я увидела его тем утром, – серым и безмолвным, густо усыпанным осколками и щебнем, выпавшим из разлетевшихся вдребезги окон при непрерывных пулеметных обстрелах. Ужасная, удушающая тишина длилась недолго, ее ежеминутно прерывала чудовищная «стрельба по невидимой цели», – коммунисты повторяли такие обстрелы через равные промежутки времени, и под них мог попасть кто угодно, – они и были специально предназначены, чтобы действовать людям на нервы. Мне и сейчас трудно понять, как я, охваченная отчаянием, умудрилась пробежать под шквалом огня по разгромленному городу и добраться целой и невредимой до британской штаб-квартиры.

Я описываю этот эпизод только для того, чтобы продемонстрировать, что я не преувеличиваю, когда я говорю – и вы еще не раз это прочтете – что Господь всегда приходил мне на помощь. И знаете, кто встречал меня у трапа в Нью-Йорке? Тот, кого я меньше всего ожидала увидеть: мой отец, который узнал новость о моем прибытии из одной грекоязычной газеты, выходившей в Америке. Нет, мне не под силу описать то бесконечное облегчение, с которым я наконец прижалась к нему. Обнимая его как будто он уцелел после катастрофы и плача от радости у него на плече. Я уже говорила, что отец был вовсе не богат; но в течение полутора лет, которые я прожила с ним, он обращался со мной, как королевой, чтобы хоть как-то сгладить то, что мне пришлось выстрадать. Он обставил мне новую комнату, подарил элегантную обувь и одежду. Я была счастлива, и понемногу начала вновь обретать веру в себя, потому что всякий раз, когда греческий корабль становился на якорь в порту, моряки и офицеры спешили к нам домой, чтобы поприветствовать «знаменитую певицу Марию Калогеропулу» и рассказать отцу, как многие из них, во времена «Фиделио», ходили пешком от Пирея до Акрополя (настоящее безумие, – кто знает Афины, тот поймет), наплевав на немецкие облавы, просто чтобы меня услышать. Их слова согревали мне душу: в то время, как вы помните, я думала только об учебе и о том, как заработать на жизнь, эксплуатируя свой природный вокальный дар, и даже не осознавала, что постепенно росла моя слава и популярность у публики. Воодушевившись таким признанием, я набралась мужества и решила завоевать себе место в Нью-Йорке. В конце концов, – повторяла я себе, – я певица, у которой за плечами семь лет напряженной карьеры. Я наивно надеялась, что найду ангажемент²¹. Но кто в Америке знал бедную

²¹ Приглашение выступить в опере или концерте.

маленькую Грецию? Кто захочет прислушаться к девушке двадцати одного года? Вскоре я с горечью поняла, что придётся начинать всё сначала.

В те дни, слоняясь без дела, я часто заходила в аптеку к отцу, и именно там ее владелец однажды познакомил меня с бывшей певицей, которая пригласила меня к себе, чтобы я послушала ее учеников и высказала свое мнение. Я проводила у нее по три-четыре часа каждую субботу; иногда помогала ей, давая советы ученикам. Помню, как-то в одну из этих суббот – незадолго до Рождества – некто Эдоардо Багарози зашел навестить эту бывшую певицу, его приятельницу, и поздравить ее с наступающим. Меня попросили спеть. Внимательно послушав меня, Багарози предложил мне принять участие в его оперном сезоне, с рабочим названием «United States Opera Company» – «Опера Соединенных Штатов». Он обещал, что я буду примадонной в «Турандот», и, возможно, также в «Аиде»²².

Тем временем мне удалось записаться на прослушивание в Метрополитен; но мы не сошлись во мнениях с дирекцией, предложившей мне партии, на мой взгляд не подходившие мне в то время, а именно «Фиделио» (я не хотела петь по-английски) и «Баттерфляй», от которой я твердо отказалась, будучи убеждена, что слишком «пышная» для этой роли²³. Я и на самом деле весила восемьдесят килограммов, а восемьдесят килограммов – это многовато, хотя и не слишком, для женщины ростом 1,72 метра²⁴. Я получила и другие предложения, и от них тоже решила отказаться, и тогда Эльвира де Идальго рекомендовала меня Романо Романи, педагогу знаменитой Розы Понсель²⁵, который на мою просьбу об уроках ответил: «Не вижу в этом необходимости, вам сейчас главное работать.» Меня также прослушал бедный маэстро Мерола из Сан-Франциско, и осыпав меня комплиментами, завел хорошо мне знакомую песню: «Вы так молоды... как я могу рассчитывать на вас... какие у меня гарантии... «И заключил свою речь такими словами: «Сначала сделайте карьеру в Италии, тогда я вас ангажирую». – «Спасибо, – ответила я, огорченным и раздраженным тоном, – от души вас благодарю, но, когда я сделаю карьеру в Италии, вы наверняка мне больше не понадобятся.»

Я хорошо помню, что в то время не вылезала из кинотеатров, но не из любви к кино, а просто чтобы не сойти с ума от мучительных мыслей о своем неопределенном будущем... Наконец-то пришло время петь «Турандот» с United States Opera Company. Но в последнюю минуту сезон отменили из-за недостатка финансирования. Тогда на моих глазах впали в нищету мои знаменитые коллеги – Гальяно Мазини (бывший на пике популярности), Мафалда Фаверо, Хлоэ Элмо, теноры Инфантино и Скаттолини, баритон Данило Чекки, Никола Росси-Лемени, Макс Лоренц, сестры Конечны, артисты Парижской оперы, бедный маэстро Файлони и другие, чьих имен я уже не помню. Они поспешно организовали концерт, чтобы заработать на обратный путь, и на следующий же день вернулись домой все итальянские певцы, кроме Росси-Лемени, который остался в Нью-Йорке, соблазнившись расплывчатыми обещаниями работы. Надеюсь на лучшее, мы с ним занимались вместе в квартире Багарози, потому что у меня дома не было пианино, и Росси-Лемени сказал мне в один прекрасный день: «Меня только что ангажировали на следующий сезон на «Арену ди Верона»²⁶, и я слышал, что Джованни Дзенателло,

²² Партии принцессы Турандот в одноименной опере Пуччини и Аиды в одноименной опере Верди весьма трудны для исполнения, петь их в начале карьеры – довольно рискованный шаг, говорящий о смелости Марии Каллас и ее уверенности в своем мастерстве.

²³ Из любви к правдоподобию, потому что в опере Пуччини персонаж Чио-Чио-Сан – хрупкая японская девочка.

²⁴ Мария Каллас будет весить на двадцать пять килограммов меньше, когда, наконец, выступит в роли мадам Баттерфляй в Чикаго в 1955 году.

²⁵ Роза Понсель (1897–1981) – драматическое сопрано, одна из величайших певиц XX века. Она дебютировала в Метрополитен-опера в спектакле с Энрико Карузо. Несмотря на некоторые проблемы с верхними нотами, она была одной из главных звезд этого театра на протяжении 19 сезонов. 26 декабря 1931 года Мария Каллас слушала радиотрансляцию спектакля «Норма» из Метрополитен с участием Розы Понсель. Это была вторая за историю МЕТ радиотрансляция и, вместе с рождественской атмосферой Нью-Йорка 30-х, она наверняка несла в себе ощущение настоящего живого чуда.

²⁶ Древний амфитеатр в Вероне, который с начала 20-го века используется как сцена для исполнения оперных спектаклей.

знаменитый тенор и генеральный директор Арены, никак не может найти Джоконду по своему вкусу. Хочешь, я попрошу его тебя прослушать? Он живет здесь, в Нью-Йорке, и это можно устроить прямо сейчас». Я, естественно, согласилась. В то время слово «Верона» было лишено для меня всякого смысла. Никогда бы не подумала, что в этом городе, который сейчас так мне дорог, будет положено начало самым важным событиям в моей жизни. Позже я расскажу, что именно в Вероне познакомилась со своим будущим мужем, в Вероне состоялся мой первый итальянский триумф, в Вероне меня представили Ренате Тебальди.

Итак, я поехала к Дзенателло и ушла от него с контрактом на «Джоконду»²⁷, с гонораром 40 000 лир²⁸ за представление. Хотя мама и знала, что мы с отцом не купались в роскоши – напротив, еле сводили концы с концами – она во что бы то ни стало захотела вернуться в Нью-Йорк и, чтобы оплатить ей это путешествие, мне пришлось одолжить денег у моего крестного, профессора Леонидаса Лантзуниса, заместителя директора ортопедической клиники Нью-Йорка. Когда я собралась уезжать в Италию, я была вынуждена обратиться к нему снова.

И вот я опять пускаюсь в плавание, как водится с пустым кошельком (у меня было всего 50 долларов, отец не мог дать мне больше), почти без вещей (зимнюю одежду я оставила маме), но – иначе и не скажешь – с огромным багажом надежды и робкой радости, присущей тем, кто чуть ли не с ужасом наблюдает, как материализуется их мечта, казавшаяся несбыточной. 29 июня 1947 года я сошла на берег в раскаленном от жары Неаполе, в сопровождении Росси-Лемени и сеньоры Луизы Багарози, жены Эдоардо, решившей начать карьеру певицы в Италии. Мы оставили чемоданы на складе в Неаполе, собираясь забрать их позже, и налегке отправились поездом в Верону. Мы достали только одно свободное место, и всю ночь просидели на нем, сменяя друг друга, и так и не сомкнув глаз, потому что стоящие нетерпеливо поглядывали на стенные часы в ожидании своей очереди. В день моего прибытия в Верону ко мне в отель «Академия» приехали мой бедный друг Гаэтано Помари, заместитель интенданта²⁹ «Арены», и Джузеппе Гамбатто, вице-мэр и любитель искусств. Они пригласили меня на ужин в мою честь, который должен был состояться на следующий день. Я, разумеется, согласилась, и там, не прошло и суток после того, как я ступила на итальянскую землю, я пожала руку своему будущему мужу Джованни Баттисте Менегини. Позвольте мне здесь подробно рассказать о встрече с мужчиной моей жизни: эту главу своей истории все женщины вспоминают с особым удовольствием. В то время мой муж жил под одной крышей с бедным Помари, потому что его квартиру конфисковали во время войны; будучи страстным поклонником оперы, он с готовностью принимал участие в долгих дискуссиях, которые всегда предшествовали открытию сезона в Вероне. Накануне моего приезда, он в шутку спросил: «Какую миссию вы возложите на меня по случаю «Джоконды»? Позвольте мне на этот раз отвечать за балерин. – Вот уж нет, – ответили ему организаторы, – ты займешься примадонной, эта американка приезжает завтра, и мы как раз рассчитывали передать ее под твою опеку».

Баттиста в те дни выглядел очень усталым. Крупный кирпичный завод, директором и совладельцем которого он был, занимал все его время. В тот вечер, отправляясь из офиса на ужин, он решил, что лучше будет просто передохнуть – на следующее утро ему как обычно предстояло выходить очень рано. Поднимаясь по лестнице (его квартира находилась прямо над рестораном «Педавена», где мы ужинали), он наткнулся на официанта – Джиджотти, я даже помню его имя, – который сказал ему на веронском диалекте: «Пойдемте, сеньор, иначе мистер Помари рассердится». «Титта» (как я его называю) притворился, что не расслышал,

Из-за специфики акустики пространства, хорошо звучат в нем только мощные голоса.

²⁷ Веристская опера Амилькаре Понкьелли.

²⁸ Примерно 430 долларов по курсу 2020 года.

²⁹ Управленческая должность в оперном театре. В ведении интенданта находится широкий круг вопросов, от репертуарной политики до финансового обеспечения постановок.

но, поскольку официант не отставал, поколебавшись нескольких секунд – решающих для моей жизни – он развернулся и быстро спустился к нам. Помню, когда нас представили, он был одет во все белое, и я подумала: «Это честный и искренний человек, он мне нравится. «Потом я забыла про него, еще и потому что нас не посадили рядом, да и без очков (как вы знаете, я очень близорука) я весьма смутно различала его черты. Но потом Луиза Багарози, сидевшая рядом со мной, передала мне приглашение от Менегини. Баттиста предлагал отвезти ее, меня и Росси-Лемени в Венецию. В ту минуту я согласилась, но на следующий день передумала: мой багаж еще не прибыл, и единственный имеющийся у меня наряд был на мне. Росси-Лемени, однако, так настаивал, что ему удалось меня уговорить. В итоге я поехала с Баттистой в Венецию, и во время этого путешествия и родилась внезапно наша любовь.

Должна сказать, что в то время Титта еще не слышал, как я пою, это произошло недели через три, когда маэстро Серафин прибыл из Рима дирижировать моей «Джокондой», чем я безумно гордилась. Прослушивание организовали в театре Адelaide Ристори, и все прошло прекрасно. Я была счастлива, Серафин полон энтузиазма, а Баттиста и подавно.

Но, как обычно, во время генеральной на «Арене» мне пришлось заплатить высокую цену за свой успех. Во втором акте, чтобы не свалиться в декоративное море, окружавшее сцену, я пошла по коридору, предназначенному когда-то для выхода хищников. Там, к счастью, оказались деревянные мостки, иначе я бы разбила голову о камни. Но щиколотку я вывихнула, и вместо того, чтобы сразу наложить повязку, решила продолжить репетицию. (Со мной часто случались такие приступы профессиональной ответственности, и всегда в ущерб себе). К концу третьего акта щиколотка так опухла, что я на ногу не могла ступить. Мне вызвали врача, но было уже поздно, и я из-за боли всю ночь не сомкнула глаз. Помню, что испытывала тогда особую благодарность и нежность к Титте, который до рассвета просидел на стуле у моей кровати, пытаясь утешить меня и помочь.

Этот незначительный инцидент раскрыл мне душу моего мужа, ради которого я готова пожертвовать жизнью, немедленно и с радостью: я поняла тогда, что никогда не встречу более великодушного человека, и что Бог был очень добр ко мне, поставив его на моем пути. Если бы Баттиста захотел, я без сожаления отказалась бы от своей карьеры, потому что в жизни женщины (я имею в виду настоящую женщину), любовь занимает гораздо более важное место, вне всякого сомнения, чем любой творческий триумф. И я искренне желаю тем, кто этого лишен, четверти или хотя бы десятой доли моего супружеского счастья.

Вернемся к «Джоконде». Итак, я дебютировала на «Арене» с перевязанной ногой, еле передвигаясь по огромной сцене. Но к приему в Кастельвеккьо, данном в честь всех певцов веронского сезона, я уже пришла в себя. Там я наконец и увидела мою дорогую коллегу Ренату Тебальди, которой я всегда восхищалась и восхищаюсь по-прежнему. Рената – я называла ее так во времена нашей дружбы, и не вижу причины сейчас изменять этой привычке – пела в «Фаусте», но мы не были представлены, явно по забывчивости принимающий стороны. Помню, какое восторженное впечатление произвела на меня эта красивая молодая женщина, жизнерадостная и сердечная, с гармоничными чертами лица.

Я еще не раз вернусь к Ренате на этих страницах.

После спектаклей «Джоконды» в Вероне я пребывала во власти иллюзий, надеясь, что сразу получу множество ангажементов. В действительности же, мне поступило только одно предложение от театрального агента Лидуино Бонарди, – спеть «Джоконду» в Виджевано. Я отказалась, но некоторое время спустя горько пожалела об этом, и в конце концов, на безрыбье, решила ответить согласием, но слишком поздно – мне уже нашли замену. Тем временем меня вызвали на прослушивание в Ла Скала, и маэстро Лаброка, в то время художественный руководитель театра, попросил меня спеть арии из «Нормы» и «Бала-маскарада». Дрожа от страха, я ожидала его вердикта, и сама изумилась, вдруг признавшись ему, что у моего голоса

слишком много недостатков³⁰. «Постарайтесь их исправить, – сказал Лаброка, – и через месяц я вас вызову. Возвращайтесь спокойно домой, уверяю вас, вы получите роль Амелии в «Балемаскараде.»»

Я напрасно прождала месяц, потом второй (сколько же слез я пролила на плече у Титты), и тогда Господь снова пришел мне на помощь. Однажды маэстро Серафин решил поставить «Тристана и Изольду» в венецианском «Ла Фениче», планируя назначить на роль Изольды молодую американскую солистку, певшую в веронской «Джоконде», которой он дирижировал. Он поручил маэстро Нино Каттоццо, генеральному директору «Ла Фениче», найти меня, и Каттоццо позвонил в Верону подруге моего мужа (я предпочитаю не называть ее имени), чтобы она в тот же вечер дала ему мой адрес и сказала, знаю ли я эту партию и готова ли принять предложение. Я, само собой, пребывала в неведении. Но вечером, руководствуясь смутным предчувствием, Баттиста посоветовал мне на следующий день еще раз зайти к Лидуино Бонарди, узнать, нет ли у него случайно какого-нибудь контракта для меня. И на кого же я наткнулась, войдя в агентство? На маэстро Каттоццо, который, не получив ответа, собирался в Милан на поиски другой Изольды. Он приветствовал меня с радостным изумлением: «Как же я рад вас видеть, вы, значит, передумали? – В смысле? – Разве вам не звонили по поводу «Тристана» в «Ла Фениче?» Я спустилась с небес на землю, все поняла, и очень расстроилась.

Каттоццо сказал, что Серафин сам будет завтра в Милане на прослушивании и спросил, знаю ли я «Тристана». Из страха потерять возможный ангажемент, я, не задумываясь, ответила «да», и когда Серафин приехал в Милан, отправилась с ним в прекрасный дом синьоры Кармен Скальвини, с которой мы знакомы не были, но она тогда отнеслась ко мне очень по-доброму. Прослушивание прошло хорошо и маэстро хотел уже было поздравить меня, но я не выдержала и сказала ему всю правду, то есть, что «Тристана» я учила давно, да и то только отрывок из первого акта. Но Серафин не сдался; он предложил мне приехать на месяц в Рим и вместе с ним разучить оперу. Так я и поступила, и подписала контракт с «Ла Фениче», причем не только на «Тристана», но и на «Турандот». Гонорар, не сразу, но удалось поднять: подумайте только, от 40 000 за спектакль в Вероне до 50 000! Никто и не думал возражать!

Однажды вечером, после очередного «Тристана», сидя у себя в гримерке, я услышала, как открылась дверь и, в проеме появился высокий силуэт Тебальди, которая, вероятно, приехала в Венецию петь одну из своих первых «Травиат» с Серафином. Как я уже говорила, мы были знакомы шапочно, но на этот раз тепло пожали друг другу руки, и Рената осыпала меня такими искренними комплиментами, что я пришла в восторг. Помню, одна ее фраза особенно меня заинтриговала, она употребляла обороты, которые я, иностранка, недавно приехавшая в Италию, никогда не слышала. «Мамма миа, – сказала она, – после такой утомительной партии я была бы как выжатый лимон...»! Я думаю, что между двумя женщинами одного возраста и профессии редко возникает такая живая, спонтанная симпатия. Через некоторое время, в Ровиго, где она пела в «Андре Шенье», а я в «Аиде», моя симпатия к ней переросла в сердечную привязанность. В конце моей арии «*Cieli azzurri*» я услышала крик из ложи: «Браво, Мария!». Это был голос Ренаты. С этого момента мы стали – не побоюсь этого слова – близкими подругами. Мы часто встречались, обмениваясь советами по поводу одежды, причесок ну и нашего репертуара, разумеется. Впоследствии, к сожалению, наши рабочие обязательства не позволяли нам в полной мере насладиться этой дружбой; мы успевали лишь ненадолго пересечься между поездками, но я думаю, я даже уверена, с таким же взаимным удовольствием, что и всегда. Она восхищалась силой моего драматизма и физической выносливостью; я – невероятной

³⁰ Недостатком голоса Марии Каллас считалось то, что он имел несколько различные по звучанию грудной, средний и головной регистры, тогда как идеалом была и остается их слитность, ровность и незаметность перехода от одного к другому. Такая «пестрота» была природной особенностью ее голоса, а не недостатком вокальной техники.

нежностью ее пения. В связи с этим я должна уточнить, что я так часто бывала внимательным зрителем Ренаты исключительно ради того, чтобы понять, в чем состоит своеобразность ее манеры пения, и мне очень грустно, что на меня в связи с этим обрушились какие-то нелепые обвинения, например, в том, что я на самом деле пыталась ее «запугать». Неужели публика, сама Рената, и тем более люди, которыми она себя окружает, не могут понять, что я – и мне не стыдно в этом признаться, – всегда нахожу чему поучиться, слушая всех своих коллег, и не только таких знаменитостей, как Тебальди, но и самых скромных и посредственных. Даже из голоса самого последнего ученика можно что-то для себя извлечь. И я, бесконечно терзая себя в постоянном изнурительном стремлении к совершенству, никогда не откажусь от того, чтобы слушать своих коллег.

Перед тем, как сделать это длинное отступление про Тебальди, речь шла о спектаклях «Тристана» и «Турандот» в «Ла Фениче». Не мне, конечно, говорить, но в обеих операх меня ждал большой успех. Затем я пела «Силу судьбы» в Триесте (где критики, которые всегда были очень строги со мной, посетовали, что я не умею двигаться на сцене), «Турандот» в Вероне, в Термах Каракаллы в Риме, и, наконец, снова «Тристана» в Генуе, в мае 1948 года. Часто, вспоминая об этом генуэзском Тристане, я смеюсь до слез. Поскольку театр Карло Феличе, сильно пострадавший от бомбардировок, еще не восстановили, спектакли перенесли в театр Граттачело, т. е. в кинотеатр с крохотной сценой. Вы только представьте нашу компанию – я, с моими семьюдесятью пятью роскошными килограммами (на пятнадцать больше, чем сегодня), Елена Николаи, довольно высокая и крупная, Никола Росси-Лемени тоже высокий и крупный, Макс Лоренц, того же роста, и баритон Раймондо Торрес, им под стать.

Представьте себе, как все эти гиганты, передвигаясь на крошечной сцене, бились с этой оперой, требующей широких, торжественных и исключительно драматических жестов. Я помню, как исполняя партию Изольды, приказывала Брангене (ее пела Николаи) бежать на нос корабля и передать Тристану, что я хочу с ним поговорить, но мне так и не удалось сохранить при этом серьезное выражение лица. Действительно, мы буквально сидели друг у друга на голове, Елена с трудом могла отойти в сторону, максимум на два-три метра и, чтобы заполнить чем-то время действия, она как заведенная кружилась вокруг собственной оси, а мы помирали со смеху. В любом случае, это было чудесное представление, и генуэзцы не скоро его забудут.

Несколько месяцев спустя, когда мы с Серафином репетировали в Риме «Норму», которой я должна была открывать сезон Театра «Коммунале» во Флоренции, я почувствовала первые симптомы аппендицита. И решила не обращать внимания на это неудобство; но в декабре, на премьере «Нормы» в «Ла Фениче», я поняла, что судороги в правой ноге становятся все более мучительными, настолько, что мне было ужасно больно опускаться на колени. Пришлось лечь на операцию, отказавшись от «Аиды» во Флоренции, и у меня еще три-четыре дня держалась температура 41.

Баттиста опасался за мою жизнь. Однако я быстро шла на поправку, и еще не окончательно выздоровев, с привычной для себя безудержностью взялась за подготовку «Валькирии»³¹ для венецианского «Ла Фениче». И вот что я хочу сказать по этому поводу: никогда не следует путать долг и амбиции. За свою достаточно долгую сценическую карьеру я успела прекрасно усвоить этот неумолимый закон: представление должно продолжаться, даже если главные герои умирают, – и я работаю до седьмого пота только из чувства долга, амбиции тут ни причем.

В этот на редкость загруженный период моим самым большим огорчением были частые расставания с Титтой. Я начинала чуть ли ненавидеть свое ремесло, потому что ради продолжения карьеры мне приходилось постоянно разлучаться с ним, и я мечтала положить этому конец.

³¹ В то время Вагнера пели на итальянском.

Наступил январь 1949 года. Когда я пела «Валькирию» в Венеции, мне сообщили, что Маргарита Карозио заболела гриппом, и не сможет больше петь в «Пуританах» (все в том же «Ла Фениче»). Узнав эту новость, – мы с дочерью и женой Серафина сидели в холле отеля «Реджина» –, я почти автоматически подошла к роялю, и принялась, наскоро пролистывая партитуру, импровизировать отдельные арии. Мадам Серафин выпрямилась в кресле. «Как только Туллио приедет, – сказала она, – ты ему это споешь.» Полагая, что она шутит, я спокойно ответила «да». Но назавтра, в десять утра, – еще крепко спала, – меня разбудил звонок маэстро Серафина, который приказал мне срочно бежать вниз, даже не умываясь, чтобы не терять времени.

Я надела халат и спустилась, толком не проснувшись и не понимая, чего от меня хотят. В музыкальном зале кроме Серафина сидели еще маэстро Каттоццо и второй дирижер; они чуть ли не хором велели мне спеть арию из «Пуритан», которую я симпровизировала накануне. Я ошеломлённо посмотрела на них, и клянусь, что в тот момент мне действительно показалось, что они все сошли с ума; но все-таки подчинилась и спела, а потом, не моргнув глазом, выслушала их предложение подготовить «Пуритан», чтобы заменить Маргериту Карозио. Они дали мне на все про все шесть дней. Я вообще не знала эту оперу; кроме того, я продолжала еще петь в «Валькирии». Мне до сих пор сложно поверить, что я справилась с этой задачей. В тот же день, это была среда, я несколько часов репетировала «Пуритан», а вечером пела в «Валькирии»; в четверг – еще несколько часов занятий; в пятницу тоже, плюс «Валькирия» вечером. В субботу днем, вся на нервах, что, я надеюсь, понятно, я выдержала первую оркестровую репетицию «Пуритан»; в воскресенье днем спела последнюю «Валькирию» и следом – генеральную «Пуритан»³². Первое публичное представление «Пуритан» состоялось во вторник, как и было запланировано, и прошло с большим успехом. Потом я пела «Валькирию» в Палермо, «Турандот» в Неаполе, «Парсифаля» в Риме (выучив его за пять дней), и умудрилась еще между делом дать в Турине свой первый радиоконцерт со следующей программой: «Смерть Изольды» [Тристан и Изольда], «Cieli azzurri» [«Аида»], «Casta Diva» [«Норма»] и ария из «Пуритан»³³.

Я, конечно, описываю все это с излишней дотошностью, потому что некоторые люди, точнее, мои враги, часто обвиняли меня в том, что я хочу петь все подряд. Как вы могли заметить, я вообще никогда ничего не хотела: путь к такому богатому и необычному репертуару мне открыли судьба и настойчивость моих друзей, а вовсе не мои пресловутые непомерные амбиции.

Я уже сказала, что не почивала на лаврах, несмотря на растущий успех. Я мечтала о об уютной жизни в собственном доме и о покое, который приносит любой женщине успешное замужество. Я бы вышла за Баттисту прямо в день нашего знакомства, но у нас такая разница в возрасте, что он, как честный человек, не хотел меня торопить, чтобы я потом не пожалела о своем поступке. Он предпочитал, чтобы я все спокойно обдумала, и была уверена, что совершаю правильный шаг; но к началу 1949 года я уже все обдумала. Весной я собиралась на гастроли в Буэнос-Айрес, и мне хотелось, чтобы в паспорте я была записана как Мария Менегини, а не Мария Каллас.

³² Перейти от Вагнера к Беллини – настоящий подвиг, и очень немногие певицы на это способны. Ведь это абсолютно разные вокальные стили, даже диаметрально противоположные, крайне редко солистка может на протяжении всей своей карьеры спеть и то, и другое. И уж тем более чередовать эти роли в течение одной недели. Это практически уникальный случай, для этого требуются выдающиеся вокальные и артистические навыки.

³³ «Qui la voce», одна из ее любимых арий, которую она выбрала для записи пластинки на 78 оборотов в следующем году, это была ее первая студийная запись. (Турин, ноябрь 1949 года). На той же пластинке записаны сцена смерти Изольды и ария «Casta Diva» из «Нормы». Для этой записи, ввиду весьма скромного бюджета, делали только по два дубля на название. Это уникальное свидетельство голоса Марии Каллас того времени.

В общем, мы решили пожениться и начали заниматься сбором необходимых документов. Мне, как православной, надо было получить разрешение Ватикана; но профессор Мортари, священник из Вероны, заверил Баттисту, что, получив все бумаги, мы с легкостью решим эту проблему, потому что Ватикан никаких препон такого рода не ставит. В апреле мои документы прибыли из Нью-Йорка и Афин, бумаги Титты тоже были готовы. Мой отъезд был назначен на 21 апреля, и у нас не оставалось времени на организацию свадебной церемонии с морем цветов, «Аве Марией» и приемом, как мне того хотелось бы.

По этой причине мы решили отложить бракосочетание на 15 августа, день моих именин, по возвращению из Аргентины. Тем не менее, мой муж, с предусмотрительностью, свойственной деловым людям, предпочел иметь под рукой все документы, которые уже отправили архиепископу, чтобы он скрепил печатью полученное разрешение.

Утром 21 апреля, за несколько часов до отъезда из Вероны, Баттиста послал свою секретаршу за бумагами; но к полудню его помощница, вообще-то очень деловая и находчивая, еще не вернулась. Когда она, наконец, появилась, по ее мрачному виду мы поняли, что возникли неожиданные затруднения. Архиепископ, по словам секретарши, заверил ее, что документы еще не готовы, но, – добавила она, – ей показалось, что за этой провололочкой стоит, возможно, противодействие со стороны родственников. И в самом деле, как позже выяснилось, два человека не поленились пойти к архиепископу и намекнули ему, что было бы хорошо, если бы церковные власти поставили на нашем пути непреодолимые препятствия. Ни мой муж, ни я не хотим называть имена этих людей, потому что это касается только наших семей и их экономических интересов. В любом случае, Баттиста не терял времени даром. Он велел мне (я с изумлением узнала эту новость и бесконечно ей обрадовалась) быть наготове, потому наше бракосочетание назначено на 15:00 в мэрии Дзевио, недалеко от Вероны. Сам он помчался в Весковадо, и расстроенным, но твердым тоном умолил монсеньора Дзанканелла вернуть наше дело, поскольку, не имея возможности обвенчаться, мы сочетаемся браком по гражданскому обряду.

Очевидно, его слова произвели впечатление, равно как и вмешательство, в тот же день, друга Титты, инженера Марио Орланди. В церкви Филиппини в Вероне всё уже было готово к нашему венчанию в пять часов вечера. Поскольку я, как уже было сказано, православного вероисповедания, обряд был совершен в примыкающей к церкви часовне. Нас было шестеро: священник, который говорил такие трогательные слова, что у меня потекли слезы, дьякон, двое свидетелей, Титта и я. Мы обменялись кольцами и поклялись друг другу в вечной любви. Я надела синее платье и покрыла волосы черным кружевом. Мне просто некогда было купить себе что-то новое. Церемония прошла очень быстро. В очередной раз я была лишена осуществления самых заветных желаний и женских фантазий: приготовлений к свадьбе, подарков и цветов.

Никаких приготовлений, никаких подарков, ни одного цветка. Только огромная любовь и волнующая простота. Сразу после венчания я вернулась в отель собрать вещи – багаж будет следовать за мной в Буэнос-Айрес. Той ночью Титта проводил меня в Геную, а на следующий день я в расстроенных чувствах поднялась в одиночестве на борт лайнера «Аргентина», отправлявшегося в Буэнос-Айрес.

Во время этого сиротливого печального путешествия, я, пересекая экватор, заболела гриппом, на окончательное выздоровление ушло пять недель. Поэтому «Турандот» и «Норма» в театре «Колон» в Буэнос-Айресе связаны в моей памяти с безмерной усталостью, поскольку мне пришлось, несмотря на высокую температуру, встать с постели и собрав всю свою волю, заставить себя спеть все спектакли. Турне по Южной Америке, продлившееся до середины июля, превратилось для меня в нескончаемую пытку, и никакие восторги публики не могли возместить мне расставание с Титтой, за которого я вышла замуж в один прекрасный день три месяца назад, и наутро после венчания вынуждена была от него уехать.

Наконец я вернулась в Италию к мужу, который тем временем обставил уютную квартиру над офисом своей компании, на виа Сан-Фермо 21, сразу за Ареной. Но радость супружества с самого начала была омрачена многочисленными недоразумениями с его семьей, в первую очередь связанными с финансовыми проблемами, и, к сожалению, это наложило несмыслимый отпечаток на нашу жизнь. В любом случае, я не хочу обсуждать эту историю, слишком деликатную и личную. В декабре того же 1949-го года, я впервые торжественно открывала «Набукко»³⁴ оперный сезон неаполитанского театра «Сан-Карло»; затем меня пригласили на «Тристана» в Римскую оперу и одновременно с этим я приняла предложение спеть «Аиду» в Брешии. Помню, как маэстро Серафин отговаривал меня от таких подвигов тем более, что через две недели после моей «Аиды» Рената пела ее в «Ла Скале». Но я совершенно спокойно отнеслась к такому совпадению, и не сочла нужным отказываться от контракта с Брешией по такой пустячной причине. Так что мне пришлось мотаться на поезде из Брешии в столицу и обратно. В обмен на такие перегрузки я попросила миланское артистическое агентство об одном одолжении: достать мне костюмы и парики, которые я уже несколько раз носила в «Аиде», – они тогда брали их в аренду у портного во Флоренции. Мне, конечно, это клятвенно пообещали, но, костюмы не появились даже к генеральной. Зато синьора Скальвини, с которой мы давно не виделись, была на месте. Она захотела узнать причину моей явной тревоги и заверила меня, что возьмет это под личную ответственность и костюмы будут доставлены. Прошло еще два дня, и придя вечером на премьеру, я обнаружила балахон кирпично-красного шелка, доходивший мне до пят, с отверстием для головы посередине и швами по бокам. Все это чистая правда, и поверьте, я не преувеличиваю. Что уж говорить о парике, который подошёл бы, в лучшем случае, ребенку. В бешенстве – а что, разве у меня не было на то причин? – я наорала на синьору Скальвини, которая как раз в эту минуту появилась в моей гримерной: «Что за костюмы они вам всучили? Они просто над вами издеваются!»

Этот прискорбный инцидент все же не испортил спектакль, ибо, как всегда, в отчаянном положении у меня возникают отличные идеи. В последний момент – спектакль уже задерживался на полчаса – я вспомнила, что у певицы, назначенной на роль Амнерис (мне кажется, это была Пиразини) были не только костюмы от театра, но и свои собственные. Я решила померить театральные, и к счастью, они очень неплохо на мне смотрелись. Опять же к счастью, я брюнетка, а не блондинка. Поэтому я и спела той ночью Аиду без традиционного парика, уложив волосы в пышный пучок. Но сюрпризы на этом не закончились. Сразу после знаменитой арии «*Cieli azzurri*», в ту минуту, когда публика уже собиралась зааплодировать, кто-то с галёрки выкрикнул на брешианском диалекте: «Тихо, ария еще не закончилась». Оркестр замешкался на несколько мгновений, чего, как вы понимаете, было вполне достаточно, чтобы лишить меня аплодисментов перед закрытием занавеса³⁵. Но всякий раз, когда я становлюсь жертвой несправедливости – и теперь я это знаю точно – в финале меня ждет теплый прием, настоящий триумф, и тот вечер не стал исключением. Тем не менее, я вернулась в Рим, очень сожалея, что из-за собственного упрямства не прислушалась к советам Серафина.

После «Тристана» я пела в Риме «Норму» и снова «Аиду» в Неаполе; затем отправилась на гастроли по Мексике с моей дорогой коллегой Джульеттой Симионато³⁶, и наша поездка, полная всяческих перипетий, чуть не стоила Джульетте жизни. Все закончилось хорошо, поэтому сегодня я могу вспоминать с улыбкой об этой истории, но долгое время она была неизменной причиной моих ночных кошмаров. Мы с Симионато прибыли Нью-Йорк, в адское

³⁴ 1 Партия Абилай в этой опере Верди входит в число самых требовательных для голоса.

³⁵ Особенно в итальянских театрах есть традиция аплодировать певцу после удачно взятой высокой ноты, которая часто располагается близко к концу арии, но далеко не всегда ее завершает.

³⁶ Джульетта Симионато (1910–2010) – меццо-сопрано, выдающаяся певица, имевшая успех на протяжении всей своей почти сорокалетней карьеры.

пекло, измученные бурным морским путешествием. Самолет в Мехико вылетал поздно вечером, и я пригласила свою подругу поехать со мной домой к родителям.

Никто не предупредил меня, что мама была в больнице (ей только что сделали небольшую операцию на глазу), и к моему изумлению дома меня никто не встретил. Мне некогда было сосредоточиться, Джульетта умирала от жажды, так что, бросив чемоданы прямо в прихожей, я побежала на кухню и открыла холодильник. Там я обнаружила банку «7up», это американская разновидность лимонада, и протянула ее Джульетте. Она выпила залпом полбанки и ее тут же начало рвать. Потом она сказала, что напиток показался ей странным на вкус: должно быть – предположила она – там было машинное масло. В смятении и ужасе, я бросилась к телефону и позвонила отцу в аптеку. Он посоветовал напоить Джульетту молоком и немедленно, как только Симионато придет в себя, ехать в больницу, чтобы узнать у мамы, какую адскую смесь она туда налила. Никогда не забуду, с каким обескураживающим простодушием мама спокойно ответила: «Это не масло, а инсектицид.»

Последующие часы стали одними из самых тревожных в моей жизни. Симионато все еще было плохо, и я совсем потеряла голову. В итоге мне удалось отыскать своего крестного, который, как я уже говорила, руководил Ортопедическим институтом Нью-Йорка, и я все ему рассказала, в ужасе спрашивая, что делать. Но его слова не только не успокоили меня, а напротив, ввергли в настоящую панику. Он объяснил, что, если не дай бог, случится несчастье, меня обвинят в том, что я отравила итальянскую коллегу, потому что во время инцидента мы были дома одни, и никто не сможет дать показания о том, как на самом деле развивались события. Совсем недавно, несколько дней назад, когда мы сидели вместе за столиком в «Биффи – Скала»³⁷, я наконец открыла Джульетте истинную природу этого «волшебного напитка», – до тех пор у меня просто не хватало на это смелости.

Сезон в Мехико оказался очень трудным, отчасти из-за ужасного климата. О нем я рассказывать не буду, потому что, если стану останавливаться на каждом эпизоде своей жизни, мне хватит историй на два-три тома!

Здесь я должна сделать отступление. В то время я не могла похвастаться отменным здоровьем: я постоянно болела гриппом, страдала от тошноты, у меня ныли кости. Что, как всегда, не мешало мне петь. Вернувшись из Мексики, я позволила себе трехнедельный отпуск, после чего сразу приняла предложение маэстро Куччия спеть в опере-буфф Россини «Турок в Италии», очень этому обрадовавшись (я тоже имею право повеселиться) – таким образом я получила возможность выйти из своего привычного репертуара великих музыкальных трагедий, и глотнуть свежего воздуха, пустившись в уморительное неаполитанское приключение.

Я репетировала это сложнейшее произведение под управлением маэстро Гаваццини в Риме, где мне удалось ближе познакомиться с Лукино Висконти, который уже и раньше осыпал меня комплиментами, но у нас никогда не было времени пообщаться. Я помню, что очень удивилась, увидев, как внимательно человек такого масштаба смотрит все наши репетиции, а они длились минимум по три-четыре часа, дважды в день. С тех пор мы очень сблизились, с Лукино Висконти нас связывали безмерное восхищение друг другом и драгоценная дружба. И именно из этого взаимного уважения и выросло наше тесное сотрудничество в последние годы.

Я уже говорила о своих вечных недомоганиях. Мой муж не понимал, чем объяснить мое состояние, но вскоре выяснил, попросив без моего ведома перевести мамино письмо, которое до такой степени меня расстроило, что я слегла. Он прочел письмо, обнаружив в нем кучу упреков в мой адрес, несправедливых обвинений и обидных ругательств. И, выйдя из себя, сам ей ответил, написав, в частности, что, женившись на мне, пошел против собственной семьи, и что цель его жизни – сделать меня счастливой, поэтому он не может смириться с тем, что

³⁷ Знаменитый ресторан в двух шагах от театра Ла Скала, где артисты обычно собираются после спектакля.

она, моя мать, старается как можно больнее меня уколоть. За этим последовал новый обмен неприятными письмами, и в итоге мы полностью разорвали с ней отношения.

Я приношу извинения читателям за это долгое отступление, оно трудно мне далось, но теперь я возвращаюсь к своей биографии. Мы подошли к концу 1950 года. Что касается моих рабочих планов – меня ждал «Парсифаль» на RAI³⁸ в Риме, «Дон Карлос» в Неаполе и Риме, а затем 15 января 1951 года должна была состояться моя первая «Травиата» во Флоренции. Я пела в «Парсифале» и одновременно разучивала «Дона Карлоса» под управлением маэстро Серафина. Но во время репетиций «Дона Карлоса» мое состояние настолько ухудшилось, что я уже и капли воды не могла проглотить. Тогда Баттиста, как я ни пыталась его образумить, заставил меня вернуться в Верону, где я тут же слегла с желтухой. Я провалялась с этой тоскливой хворью сорок дней, так что у меня было полно времени обдумать семейные проблемы и прийти к заключению, что мне следует прежде всего заняться своим здоровьем и позаботиться о спокойствии мужа.

В спектаклях в Неаполе и Риме мне нашли замену; но от «Травиаты» я отказываться не хотела. Поэтому на следующий день после Богоявления, едва держась на ногах (я почти месяц просидела на одном молоке), я приехала во Флоренцию и начала заниматься. Волею Божьей настал вечер генеральной, и по этому случаю мы поцапались с маэстро Серафином, который упрекнул меня в том, что я явилась в театр этакой скромницей, слишком просто одетая; короче, на его взгляд, я не выглядела «примадонной». Я ответила, что не люблю вести себя как «дива», и предпочитаю, чтобы коллеги (напрасные иллюзии) любили меня как раз за простоту, равно как и хористы, оркестранты и все те, кто живет в мире театра (а вот это уже не иллюзия). Никаких последствий у этого недоразумения не было, и «Травиата» прошла прекрасно. Сразу после этого я открывала «Нормой» сезон в Палермо, тогда мне и позвонил генеральный директор Ла Скала Антонио Гиринджелли.

Он попросил меня встретиться с ним – что я и сделала, вернувшись в Милан; но у него было только одно предложение: «ввестись» в «Аиду» Тебальди, потому что Рената заболела. В апреле прошлого года, во время Праздника города, мне предлагали петь «Аиду» в Ла Скала, и я, уступив настойчивым уговорам дирекции, решила согласиться. Но после этих спектаклей, как уже бывало, я не получила от них никаких известий и мне не представилось возможности вновь переступить порог этого величайшего оперного театра. Поэтому я решительно и твердо заявила Гиринджелли, что считаю себя певицей, достойной петь премьеры, а не вызываться по случаю «вводов» на чужие роли.

Потом я отправилась во Флоренцию на «Сицилийскую вечерню»³⁹. Тогда же Тосканини, безуспешно искавший леди Макбет, которая бы ему понравилась, решил вызвать меня на прослушивание. Но его дочь Уолли, попросив мой адрес в миланском артистическом агентстве, не получила его. Ей сказали, что я особа с ужасным характером, чуть ли не истеричка, и они никогда не допустят, чтобы меня прослушивал сам Тосканини. К счастью, Уолли на этом не успокоилась и нашла меня другим путем. Тосканини – я вспоминаю этот эпизод с бесконечным волнением, тем более что сегодня маэстро уже нет с нами – прослушав меня, предложил мне роль [леди] Макбет, в постановке в Буссето⁴⁰. Но в то время, как помнят читатели, у маэстро возникли первые проблемы со здоровьем, и он был вынужден сделать перерыв. Так я потеряла эту прекрасную, столь желанную (и, увы, как оказалось, единственную) возможность и высокочающую привилегию петь под его управлением. Когда я пела в «Сицилийской вечерне» во Флоренции, у меня состоялась наконец-то решающая встреча для моей карьеры: ко мне при-

³⁸ Итальянское радио и телевидение.

³⁹ Опера Джузеппе Верди.

⁴⁰ Город, неподалеку от которого родился Верди.

ехал Гирингелли, и на сей раз предложил открыть «Сицилийской вечерней» оперный сезон Ла Скала 1951-1952 гг. В моем контракте, кроме того, фигурировали «Норма», «Похищение из сераля» и несколько спектаклей «Травиаты», которые в итоге не состоялись по причинам, которые я либо не знаю, либо не хочу объяснять, потому что сейчас оно просто того не стоит. Я, понятное дело, с радостью согласилась, и в предвкушении этого долгожданного события, скрепя сердце собралась на гастроли в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро. В Сан-Паулу мне предстояло открыть сезон «Аидой» и затем петь «Травиату». Далее мой путь лежал в Рио, где планировались «Норма», «Тоска», «Джоконда» и «Травиата». Однако за несколько дней до отъезда я получила из Сан-Паулу сообщение, что я, конечно, открою сезон «Аидой», но премьера «Травиаты» отдана Тебальди, я же буду петь во второй вечер. Уверяю вас – и, прошу мне поверить – я не слишком из-за этого огорчилась, более того, охотно согласилась вестись на два спектакля на роль моей коллеги в «Травиате».

В Сан-Паулу я приехала как обычно с распухшими ногами (я расскажу позже о причинах этих постоянных отеков) и отнюдь не в добром здравии. Вот почему после генеральной «Аиды», которая несмотря ни на что прошла прекрасно, я вынуждена была с огромным сожалением отказаться от премьеры, и утешил меня только успех моей «Нормы» в Рио-де-Жанейро. Именно в Рио-де-Жанейро между мной и Ренатой возникли первые трения. Мы очень давно не виделись и были счастливы встретиться снова (я, по крайней мере, была искренне этому рада). Я помню, как мы все вместе – она, я, ее мать, Баттиста, и Елена Николаи с мужем – чудно проводили время в весёлых ресторанах Рио. Потом, в один прекрасный день, синьор Барретто Пинто, генеральный директор Оперы (человек весьма оригинальный, имевший большой вес в финансовых и политических кругах, он был женат на одной из богатейших женщин Бразилии), пригласил певцов принять участие в благотворительном концерте. Мы не знали – я и по-прежнему не в курсе – в пользу кого или чего был организован этот концерт, но в любом случае я согласилась, и Рената предложила – мы все ее поддержали – не выступать на бис. Но когда пришла ее очередь, Рената, завершив под гром аплодисментов «Аве Марию» из «Отелло», к нашему изумлению исполнила следом романс из «Андре Шенье» и «Vissi d'arte» из «Тоски».

Мне стало как-то не по себе (я же подготовила только свою коронную арию, «*Sempre libera*» из «Травиаты»), но я объяснила этот поступок Ренаты единственно возможным образом – ребяческим капризом. И только позже, во время ужина, который состоялся после концерта, я поняла, что моя дорогая коллега и подруга изменила свое отношение ко мне. Каждый раз, когда ей приходилось заговаривать со мной, в ее голосе слышался оттенок горечи, которую ей не удавалось скрыть. Тогда я вспомнила, что совсем недавно, как-то вечером, войдя в театр, она проследовала мимо меня, даже не кивнув в знак приветствия, а когда я пела «Норму», столкнувшись со мной в коридоре после спектакля, бросила мне довольно злобно: «Брава, Каллас», впервые назвав меня «Каллас», а не «Мария». Пустяки, конечно, но меня это задело. После мы ужинали за круглым столом вместе с Николаи, и Рената Тебальди завела разговор о своем якобы провале в «Травиате» в Ла Скала, предупреждая меня о трудностях, с которыми я, по ее мнению, неминуемо столкнусь в Милане. Я довольно остроумно ей ответила, но помню, что Титта постоянно пихал меня локтем, чтобы я прекратила этот разговор. Все бы и закончилось на этой пикировке, пусть даже довольно бурной, если бы не инцидент с «Тоской».

После благотворительного концерта в Рио-де-Жанейро, Рената Тебальди уехала в Сан-Паулу, где она должна была петь в «Андре Шенье». Я же в ожидании премьеры «Тоски» осталась в Рио. Наша с ней дискуссия по поводу «Ла Скалы» не имела последствий: наши отношения оставались теплыми, хотя, без сомнения, уже не столь близкими как раньше. Но во время моих спектаклей «Тоски» произошел неприятный случай. Закончив романс во втором акте, я ясно услышала, как кто-то из зала, прорываясь сквозь аплодисменты, выкрикнул имя другой певицы, Элизабетты Барбато, и я почувствовала отторжение определённой части публики. Мне удалось сдержаться, не позволить себе впасть в панику и отчаяние, и в финале я была возна-

граждана долгими, искренними овациями. Однако, на следующий день, генеральный директор оперного театра, Барретто Пинто, о котором я уже говорила, вызвал меня к себе в кабинет, и не особенно церемонясь, сообщил, что я больше не буду петь на вечерах абонемента. Иными словами, меня «забукали»⁴¹, как говорится на театральном жаргоне.

Поначалу, застигнутая врасплох, я потеряла дар речи; но потом (я всегда бунтую, когда чувствую, что на меня возводят напраслину) отреагировала весьма живо. Я кричала, что в моем контракте предусмотрены, помимо «Тоски» и «Джоконды», предназначенных исключительно для держателей абонементов, две «Травиаты», не входящие в абонемент, и что он обязан их оплатить, даже если не позволит мне петь. Барретто Пинто пришел в ярость. «Прекрасно, – сказал он (да у него и не было другого выхода), – пойте «Травиату», но предупреждаю заранее, никто на вас не придет». Но он обманулся в своих ожиданиях, на оба спектакля билеты были раскуплены, и залы полны. Тем не менее, он не смирился со своим оглушительным поражением и продолжал, как мог, чинить мне препятствия. Хорошо помню, что когда я зашла к нему за гонораром, он повернулся ко мне и сказал буквально следующее: «За то, как вы пели, мне вообще не следовало бы вам платить». У меня потемнело в глазах и схватив наугад первый попавшийся предмет, я уже собиралась бросить его ему в голову. Если бы меня не удержали, схватив вовремя за руку, не знаю, что бы случилось.

Я рассказала об этом неприятном эпизоде своей карьеры, потому что он связан и с другими безрадостными событиями. Как я уже говорила, пока я пела «Тоску» в Рио-де-Жанейро, Рената пела «Андре Шенье» в Сан-Паулу. И естественно, поскольку меня «забукали» – и еще как – мне было любопытно узнать имя сопрано, которая собиралась ввестись на мою роль в «Тоске». И с болью в сердце я узнала, что это была Рената, певица, которую я всегда считала дорогой подругой, гораздо больше, чем просто коллегой. Кроме того, поговаривали, что Тебальди заказала копию моих костюмов для «Тоски» у того же портного, который шил их мне; и это еще не все: она, – сказали мне, – сама ездила к нему на примерку, перед отъездом в Сан-Паулу, то есть в тот момент, когда еще никто не мог предвидеть, что меня «забукают». До сих пор, каждый раз, вспоминая эти события давних дней, я повторяю себе, что Рената не хотела разорвать нашу дружбу таким образом, что, возможно, причиной тому стало прискорбное и необъяснимое недоразумение. И даже если она сама и ее окружение сделали это специально, я все еще пытаюсь убедить себя, что мы просто друг друга не поняли и искренне надеюсь, что когда-нибудь сможем во всем разобраться.

После этого досадного случая в Рио я вернулась в Италию. Я была уязвлена и расстроена, но все же мне пришлось призвать на помощь всю свою энергию и энтузиазм: мне впервые предстояло открывать оперный сезон Ла Скала, и мне казалось, что еще никогда в жизни я не сдавала настолько сложный экзамен. Но миланская публика так принимала мою «Сицилийскую Вечерню» под управлением маэстро де Сабата, что все мои опасения улетучились. На следующих спектаклях я чувствовала себя уже гораздо увереннее, и гордилась, что сумела завоевать самую требовательную аудиторию в мире.

Потом я пела во Флоренции «Армиду» Россини (мне пришлось выучить ее за пять дней) и, завершив сезон «Пуританами» в Риме, отправилась в Мексику, где, в числе прочих партий, пела в «Лючии ди Ламмермур», – это очень значительное произведение и мне хотелось «опробовать» его сначала за границей, прежде чем включать в свой итальянский репертуар.

По возвращении из Мексики, я спела «Джоконду» и «Травиату» на «Арене ди Верона», а потом, в сентябре или октябре, уехала в Лондон на несколько спектаклей «Нормы». Я тогда впервые оказалась в Англии, и помню, что, когда вышла на сцену, у меня вдруг замерло сердце.

⁴¹ В Европе оперный театральный этикет отличается от российского: принято выражать свое недовольство, кричать «Бу», оттуда выражение «забукать спектакль»

В Лондоне развернули невиданную рекламную компанию, и я была в ужасе при мысли, что обману их ожидания. Обычное дело для нас, артистов: мы годами бьемся за то, чтобы сделать себе имя, и когда, наконец, успех сопровождает любой наш шаг, приходится постоянно держать планку и стараться превзойти себя, чтобы не разочаровать публику, которая ждет чудес от своих кумиров. Но мы, к сожалению, всего лишь люди, со всеми слабостями, свойственными человеческой природе. Я, например, считаю себя очень эмоциональной актрисой, но эта эмоциональность только усложняет мой и без того изнурительный труд. Когда я пою, то даже если я внешне спокойна, меня терзает невыносимый страх, что мне не удастся продемонстрировать все, на что я способна. Голос – таинственный инструмент, который часто преподносит нам печальные сюрпризы. Поэтому остаётся лишь верить себя Господу в начале каждого спектакля, и смиренно говорить Ему: «В Твоих руках судьба моя.»

Я не суеверна, а если и суеверна, то не так как все; но я не могу расстаться с небольшой картиной маслом, на которой изображено Святое Семейство, – ее приписывают Чиньяроли.

Эту картину подарил мне муж по случаю моей первой «Джоконды» на «Арене ди Верона», и я с ней не расстаюсь – горе мне, если она не стоит у меня в гримерке. Возможно, это чистое совпадение, но дважды я забывала взять ее с собой, и оба раза мне пришлось, по независящим от меня обстоятельствам, отказаться от выступлений.

Поэтому в прошлом году, обнаружив, что забыла эту драгоценность (я пела «Лючию» в Вене), я тут же позвонила своей подруге в Милан, умоляя ее немедленно приехать ко мне в Австрию и привезти мою маленькую Мадонну.

Но вернемся к премьере «Нормы» в лондонском Ковент Гардене. Несмотря на мои опасения, спектакль прошел прекрасно, и публика очень радостно меня принимала. Я вернулась в Милан, петь в «Макбете» Верди на открытии оперного сезона 1952-1953 гг. Однако во время спектакля, буквально сразу после того, как прозвучала последняя нота в сцене лунатизма, я отчетливо услышала сквозь аплодисменты два-три свистка. Это был не обычный свист, который издают губами, очевидно, смутяня использовал настоящий свисток. Мне стало дурно, но чудесная, беспристрастная, щедрая публика встала на мою защиту, превратив мой успех в настоящий триумф. Тем не менее, свистун-одиночка не сдавался, и заявил о своем присутствии и на представлениях «Джоконды» и «Трубадура». С тех пор он не пропускает ни одного моего выступления в Ла Скала. Я уже даже к нему привыкла, более того, чуть ли не полюбила его!

После окончания «Трубадура» и концертного тура по городам Италии, я пела «Медею» Керубини во Флоренции. Как обычно, мне пришлось выучить партию за неделю, но эта роль требовала и высочайшего артистического мастерства. Восторг, с которым меня принимали – это был поистине незабываемый вечер – поразил меня и наполнил гордостью. В июне я отправилась в очередную поездку в Лондон, где проходили официальные церемонии коронации Елизаветы II. Я пела «Аиду», «Норму» и «Трубадура». Вернувшись в Италию, я позволила себе немного передохнуть в промежутке между «Аидой» на «Арене ди Верона» и «Нормой» в Триесте. Но и пока шла «Норма» я была вынуждена снова мотаться между Миланом и Триестом, – приближался новый оперный сезон в Ла Скала, и дирекция неожиданно заменила «Митридата» (премьера планировалась между «Валли», которой открывался сезон, и «Риголетто») на «Медею» Керубини. Дирижировать должен был маэстро [Леонард] Бернштейн, но он, к моему изумлению, с большой неохотой на это согласился. В конце концов мне стало известно – и я уже, разумеется, перестала так удивляться – что он прислушался к советам группы «друзей», которые, пытаясь его запугать, долго расписывали ему мой вздорный характер, истерики и тому подобное.

Как бы то ни было, дирекция Ла Скала назначила мне встречу с Бернштейном, и стоило ему меня услышать, как все его сомнения рассеялись.

В то время газеты начали писать, или скорее прозрачно намекать, на наше пресловутое соперничество с Тебальди, и я помню, что именно по случаю «Валли» на страницах «Еигорео»⁴² появились мудрые советы моего дорого друга, писателя и музыкального критика Эмилио Радиуса. Почему бы, – писал Радиус, этим певицам не пожать публично друг другу руки, красноречиво доказав, что забыты все обиды, и таким образом заткнуть рот сплетникам? Со времен Рио-де-Жанейро у меня не было случая повидаться с Ренатой, и прочтя Радиуса, я решила пойти послушать ее в «Валли», которую она пела в те дни, и поприветствовать ее с бельэтажа. Так я надеялась отдать ей дань уважения, и была уверена, что на следующий день, на моей «Медее», Тебальди последует моему примеру. В общем, я поехала в Ла Скала и горячо ей аплодировала, чего моя дорогая коллега действительно заслуживала. Я все время улыбалась, надеясь, что она поймет мои намерения, и ждала от нее дружеского знака, что позволило бы мне зайти потом к ней в гримёрную. Но ни знака, ни приветствия я так и не дождалась; на премьеру «Медии» Рената тоже не пришла. Зато появилась на третьем (или четвертом) спектакле, войдя в ложу бельэтажа, где уже сидел мой муж, в тот самый момент, когда поднялся занавес. Баттиста любезно поздоровался, взял у нее пальто и спросил, как поживает ее мать. Титта получил вежливый ответ, но он до сих пор убежден, что она его не узнала. И действительно, как он мне рассказал, вскоре после того, как я вышла на сцену, Тебальди встала, нервная и раздраженная и, поспешно надев пальто и ни с кем не попрощавшись, вышла из ложи, хлопнув дверью.

В том сезоне в Ла Скала состоялись два моих самых памятных триумфа – в «Медее» и потом в «Лючии». Кстати, о Лючии, я помню, что после секстета я сделала так, чтобы тенор Джузеппе ди Стефано смог один выйти на аплодисменты зрителей (он все еще был в депрессии после не слишком удачной постановки «Риголетто» и нуждался в инъекциях успеха). Я говорю это не для того, чтобы упомянуть свои заслуги, просто, как вы знаете, меня постоянно упрекают, что я никогда не позволяю коллегам разделить со мной радость оаций.

В октябре, спев «Мефистофеля» в Вероне, я отправилась в Чикаго, куда меня пригласили на «Норму», «Травиату» и «Лючию», и по возвращении пела на открытии сезона Ла Скала 1954-1955 гг. «Весталку», впервые вверив себя режиссуре Лукино Висконти.

Сразу после «Весталки» у меня в программе стоял «Трубадур», но тенор Дель Монако внезапно отказался от этой роли потому, что – по его словам – у него только что случился приступ аппендицита. Поэтому «Трубадура» заменили на «Андре Шенье», и так получилось, что мне пришлось выучить эту оперу за пять дней. И, само собой, меня обвинили в том, что я сама подстроила эту замену. И так, я вышла на сцену в «Андре Шенье» и, во время арии третьего акта, как всегда, подали голос все те же унылые нарушители спокойствия. В финале я сама предложила, чтобы Дель Монако, собиравшийся уезжать в Америку, вышел один перед аплодирующей публикой – во-первых, потому, что он был главным героем, а во-вторых это был его последний спектакль в Ла Скала в этом году. Марио Дель Монако никогда не вспоминал о моем жесте. Зато почему-то распространилась невероятная история об «ударе по ноге». Как вы знаете, согласно этой причудливой байке, во время представления «Нормы» я пнула его в голень, да с такой силой, что он застонал и начал хромать, и все ради того, чтобы помешать ему выйти со мной на аплодисменты!

Но лучше вернусь к автобиографии, мы приближаемся уже к ее последней главе. Подходит к концу 1955 год, я готовлюсь к премьере «Травиаты». Репетиции совершенно вымотали меня, потому что некоторые мои коллеги отлынивали от работы, особенно тенор Ди Стефано, который никогда не приходил вовремя. В вечер премьеры нам пришлось ждать его несколько часов, потому что ди Стефано, – как он сам объяснил нам с невинным видом – не мог петь раньше полуночи.

⁴² Итальянский журнал, аналог Paris Match.

Умирая от усталости, мы спели премьеру и после того, как нас всех вместе вызывали несконечное количество раз, я вышла перед публикой одна, по приглашению маэстро Джулини и Лукино Висконти. Ди Стефано покинул театр, демонстративно хлопнув дверью своей гримборной. На следующий день он уехал к себе на виллу в Равенну, и накануне второго спектакля мы остались без тенора. К счастью, Джачинто Пранделли любезно согласился ввестись на эту роль, и нам удалось (незаменимых нет) сыграть все спектакли.

Я забыла сказать, что незадолго до премьеры «Травиаты» мне начали приходить анонимные письма (я тоже их получаю – это, увы, не является исключительной привилегией Тебальди), предупреждавшие меня, что я буду освистана. И все же, к моему изумлению, никто не нарушил ни первого, ни второго представления, и я очень обрадовалась неожиданному перемирию. Но они лишь применили военную хитрость, чтобы расставить ловушку поопаснее. И вот на третий вечер, как только я запела «Gioir»⁴³, до меня донесся какой-то шум на галерке. Застигнутая врасплох я чуть было не прервалась на полутакте и пришла в такое бешенство, что от зрителей, я думаю, это не ускользнуло. В тот вечер (а в зале присутствовали многочисленные критики, которых тоже предупредили анонимными письмами и звонками, что надо прийти меня послушать, потому что «их ждет развлечение»), я сама попросила – и я не боюсь в этом признаться – чтобы никто из коллег не выходил со мной на поклон. Я хотела, чтобы публика ясно и нелицеприятно высказала мне свое мнение и публика выразила его благодарным шквалом аплодисментов, который затушил мою ярость.

В сентябре, после небольшого перерыва на отдых, во время которого я напряженно работала над записью пластинки, я спела в двух спектаклях «Лючии» в Берлине, после чего, как и в прошлом году, отправилась в Чикаго на открытие сезона – в программе стояли «Пуритане», «Трубадур» и «Мадам Баттерфляй», которую я никогда раньше не пела. Вечером после последнего спектакля «Баттерфляй» произошел один из самых прискорбных инцидентов в моей карьере. За год до этого в Чикаго синьор Багарози подал на меня в суд, и я, чтобы враги не донимали меня во время спектаклей, попросила добавить в контракт особый пункт о том, что дирекция театра обязуется оградить меня от любых неприятностей до конца моих выступлений. Последним спектаклем «Баттерфляй», которую в виде исключения возобновляли уже в третий раз, закончился мой сезон в Чикаго. Но когда я вышла на поклон, перед аплодирующим залом, за кулисами уже обсуждали – и у меня нет слов, чтобы выразить свое отвращение – как «сдать» меня шерифам, то есть тем, кто вручает судебные повестки.

Многие из читателей вспомнят, что видели в прессе фотографии возмущенной, разъяренной Каллас, которая грозит и требует правосудия. Но возмущение мое вызвали вовсе не бедные шерифы, ведь они, в конце концов, просто выполняли приказы (в Америке повестка в суд считается действительной только в случае, если лицо, выдавшее её, физически вручит ее получателю), а те, кто расставил мне ловушку и бессовестно предал меня.

Вернувшись в Италию, я в четвертый раз открывала оперный сезон Ла Скала, на сей раз «Нормой». И, конечно, спектакли сопровождались уже привычными выкриками возмутителей спокойствия и привычными объяснениями с коллегами. Одно из них, самое бурное, произошло между моим мужем и Марио Дель Монако, который уже не знал на ком сорвать свое бешенство из-за какого-то моего вымышленного высказывания, которое ему процитировали в тот день.

В январе 1956 года Ла Скала возобновила «Травиату» и теперь мне следовало бы рассказать о «драме с редиской», хотя это уже очень старая история. Я и правда, на поклонах из-за своей близорукости приняла пучок редиски за букет цветов. Несколько пучков упали на сцену

⁴³ Каденция на слове «Goir», взлетающая до сверхвысоких нот, предваряет знаменитую кабалетту «Sempre Libera», которая является одним из самых известных музыкальных моментов этой оперы.

и покотившись по ней, попали прямо в руки Лукино Висконти, который, сидя в будке суфлера, умирал со смеху. А поскольку несезонные овощи нельзя было просто так купить в магазине перед спектаклем, они все явно спланировали заранее и, судя по всему, тщательно подготовились. Ну правда, кто идет в театр с пучками редиски в кармане? В любом случае, такие мелкие пакости всегда оборачиваются против тех, кто их творит, вернее тех, кто их затевает; и я уже давно не переживаю по этому поводу.

После «истории с редиской» я пела «Лючию» в Неаполе; затем опять в Ла Скала – «Цирюльника» и «Федору», и снова «Лючию» в Вене. В Вене некоторые мои коллеги, как водится, строили козни против меня. К концу спектакля у меня осталось только одно желание – переодеться, разгримироваться и уйти из театра. Но маэстро Караян умолил меня выйти на поклонны вместе с ним, вопреки венскому обычаю, – там принято, чтобы в конце представления дирижер выходил к публике в одиночестве. Я нехотя согласилась, ну и кому-то это не понравилось. В любом случае, привыкаешь ко всему, и капризы коллег больше меня не задевают. И сегодня – я говорю о этом с бесконечной усталостью, – мне приходится все начинать сначала, потому что эти хитросплетения пустячных размолвок, обид, упреков и сплетен, ставшие достоянием общественности, вынуждают меня сделать это признание – искреннее, прямодушное и невеселое. В ноябре прошлого года, как вы знаете, я пела в Нью-Йорке, в «Метрополитен». Я была наслышана о мистере Бинге⁴⁴, меня с самого начала предупреждали на его счет. И все же он показался мне настоящим джентльменом, утонченным человеком и предупредительным директором. Пока я репетировала «Норму», в журнале «Тайм», вышла обо мне статья, изобилующая общими местами, – по большей части это была чистая выдумка. Мне хотелось дать опровержение, но я подумала, что нас, как всегда, рассудит время. Тем не менее, эта публикация все же неблагоприятно сказалась на общественном мнении в Америке, это касалось текущих конфликтов⁴⁵, и не только: статью тут же перепечатала итальянская пресса и таким образом она стала оружием в руках моих врагов, в нелепой и несправедливой кампании, развязанной против меня.

К сожалению, теперь я вынуждена защищаться и оправдываться за ошибки, которые никогда не совершала. Неправда, что, когда я пела «Норму» в «Метрополитен» повторился эпизод с редиской: если бы я получила такое овощное подношение и в Америке, я спокойно сообщила бы нем, как в свое время о происшествии на «Травиате». Неправда, что я заявила журналисту: «Рената Тебальди не похожа на Каллас, она беспозвоночная». Эту фразу кстати приписали – и тому, кто читает по-английски, это очевидно – даже не мне, а вообще другому человеку. Кроме того, я не понимаю, почему Ренату так оскорбили эти безобидные слова. Что же мне тогда говорить о статье, в которой перетирают темы, вообще не подлежащие публичному обсуждению, как, например, мои отношения с матерью? И о публичном обвинении Ренаты, заявившей, что я «бессердечная»? Я только рада, что моя коллега в своем письме главному редактору «Тайм» наконец-то призналась, что сама старалась держаться подальше от театра Ла Скала, в атмосфере которого, по ее словам, «она задыхается». Я искренне рада, потому что до недавнего времени, среди бесчисленного множества фантазий на мой счет, было и обвинение в том, что я препятствую, при помощи своих дьявольских заклинаний, возвращению Ренаты Тебальди на сцену театра, который она всегда так любила.

Мой рассказ окончен: я был откровенна, может быть даже чересчур, но истина одна, и она не боится лжи. Через несколько дней я снова буду петь в Ла Скала, сначала «Сомнамбулу»,

⁴⁴ Рудольф Бинг (1902–1998) – генеральный менеджер Метрополитен-опера в 1950–1972 годах. Его деятельность, начавшись в период зстоя и упадка театра привела ко второму его расцвету, который более или менее продолжается по сей день.

⁴⁵ В частности, с матерью, в чьих словах, процитированных «Тайм», было много вранья о дочери, – это был своего рода шантаж, чтобы получать от нее еще больше денег. Другой конфликт, о котором идет тут речь, возник у Каллас с Багарози, подавшим на нее в суд.

потом, по случаю Праздника города, – «Анну Болейн» и наконец «Ифигению» [в Тавриде]. Я знаю, что враги не дремлют, но я буду стараться, насколько это в человеческих силах, не разочаровывать свою публику, которая любит меня, и чье уважение и восхищение я не хочу утратить. «Осторожно, Мария, – часто повторял мне мой дорогой друг и замечательный критик Эудженио Гара, – помни китайскую пословицу: «оседлавший тигра не может с него слезть». Нет, дорогой Эудженио, не беспокойся – я сделаю все возможное, чтобы никогда с тигра не слезать⁴⁶.

февраль 1957 года

⁴⁶ Гара добавил и эти пророческие слова: «Художник, достигший вершин своего искусства, находится в весьма неудобной ситуации – он уже никогда не сможет понизить планку»

Письма. 1946–1977

1946

Эльвире де Идальго – по-итальянски

Нью-Йорк, понедельник, 28 января 1946 г.

Дорогая, дорогая моя синьора,

Боюсь, Вы не получили мое письмо, – мама пишет, что Вы от меня писем не получаете. Поэтому, не получив ответа от Вас, я подумала, что и до Вас мое письмо не дошло. Я написала Вам все свои новости, так что теперь придется начинать все сначала. Моя мама или сестра принесут Вам это письмо, в котором я повторю то, что писала в предыдущем.

Вы были совершенно правы, говоря, что от Метрополитена ничего не осталось. Я повторяю и подтверждаю это – он уничтожен. Жаль. Там не осталось ни голосов, ни индивидуальностей – ничего. Держатся пока только Баккалони⁴⁷, Пинца⁴⁸ и еще один-два человека, чьих имен я сейчас не вспомню.

Я даже скажу Вам почему – они хотят всех заставить переучиться (молодых, которые еще не сделали себе имя) на свой манер. Представляете! Немецкая школа⁴⁹. В Греции произошло то же самое. Разевают рот во всю ширь – и на высоких нотах им больше некуда его открывать, потому что рот у них уже распахнут до отказа на средних и низких нотах, так что шире просто не получается. Смех, да и только.

Кроме того, там больше нет маэстро⁵⁰ – ни Серафина, ни де Сабаты, ни Тосканини – никого! Конечно, не считая Симара и Содеро – не знаю, помните ли Вы их. Но, боже мой, какая же в Метрополитене царит германомания, и они наверняка не первые. Спектакли стали ужасные, у них там сплошная – и ты все время боишься, что это произойдет – какофония – не знаю, как еще это назвать.

Некоторые студенты даже платили за вход. Нет, надежды не осталось, правда, ни малейшей. Я не собираюсь петь здесь, пока не сделаю себе имя где-нибудь в другом месте. И потом они и мне наверняка скажут петь на немецкий манер. Или французский.

Вообразите только, их первое сопрано – Личия Альбанезе. Вы наверняка знаете ее по Италии. Если помните ее, могу Вас заверить, что в Италии она была куда лучше. Здесь она себя разрушила. Здесь все рушится, потому что господин Джонсон⁵¹, вместо того чтобы заботиться о своем театре, заботится только о том, чтобы привезти сюда артистов из Италии, с прекрасной итальянской школой, и заставить их петь в немецкой манере!

⁴⁷ Сальваторе Баккалони (1900–1969) – бас, непревзойденный исполнитель комических ролей.

⁴⁸ Эцио Пинца (1892–1957) – бас, имевший голос выдающейся красоты и силы. Был солистом Метрополитен на протяжении 22 лет, и за это время исполнил практически все значительные роли басового репертуара.

⁴⁹ В Мет в середине 1930-х годов немецкий, преимущественно, вагнеровский репертуар значительно потеснил итальянский. А ведь со времен Карузо (начало XX века) итальянские певцы, итальянский репертуар, и, следовательно, итальянская вокальная школа господствовали на сцене театра почти безраздельно.

⁵⁰ В итальянском языке «маэстро» может означать как дирижера, так и профессора по вокалу. В то время такие дирижеры, как Туллио Серафин часто занимали обе должности. Так, Серафин, в частности, не только дирижировал операми, в которых пела Мария Каллас, но и принимал участие в ее вокальном и артистическом обучении.

⁵¹ Эдвард Джонсон, бывший тенор труппы, а в то время директор Метрополитен-оперы – прослушав юную Марию, он предложил ей петь «Фиделио» на английском и «Мадам Баттерфляй».

Я пришлю Вам одну из моих пластинок⁵², и Вы увидите разницу, потому что я пела так, как Вы меня учили. Они мне тут совсем заморочили голову своими предложениями (мои здешние друзья). Надо петь выше, легче, направлять голос в нос, чтобы взять выше, и прочие глупости. Вы всегда говорили мне, как петь правильно. Оставить голос таким, какой он есть. Вот мой, например, скорее темный, довольно округлый – не так ли? Поэтому если я попытаюсь высветлить его, то утрачу все, даже легкость звукоизвлечения. И тогда вместо естественности появится вымученность, и я потеряю высокие ноты. Вы помните? Я должна открыть рот с улыбкой – и петь. И не думать – выше, в нос и т. д.!! Мой голос этого не приемлет. Надо просто иметь опору дыхания. Диафрагму – да? Когда она надежная и крепкая, голос перестает дрожать. Я должна поблагодарить вас за методику пения, которой Вы меня научили. Что еще скажешь? Я пытаюсь вспомнить все, чему у Вас научилась. Возможно, даже я иногда не понимала Вас. И, сейчас, поняв, благодарю Вас от всей души.

Я надеюсь уехать за город в ближайшие дни, так что смогу передохнуть.

Прошу Вас, прочтите моим глупым товарищам там у Вас, что я пишу о Вашем вокальном методе, ведь они правда очень глупые. Даже я поглупела почти как они, просто я была талантливее.

Де Сегуролла⁵³ ослеп, бедняга. Он все еще в Голливуде.

Я виделась с Романо Романи. Он совсем пропал. Дает уроки и полнедели проводит в Балтиморе, где сейчас живет Роза Понсель. У них была любовь, ну не знаю, в общем сейчас я еду туда, к нему, на четыре дня. Что и как меня не интересует, и пишу я это только Вам, потому что Вам любопытно будет узнать: Понсель больше не поет.

Мне не удалось найти Фредерика Стара. Я познакомилась с сыном Багарози – помните? Давний мой агент. Уверю Вас, скоро Вы получите от меня хорошие вести.

Представляете, Джонсон сказал, что я должна петь «Баттерфляй» и Дездемону в «Отелло». Упаси Господи!! Я обернулась и сказала: «Простите? Наверное, я ослышалась, потому что предлагать мне «Баттерфляй» просто глупо, при моем-то росте». Но, увы, я все прекрасно расслышала! Лучше заткнуться и вообще ничего никогда не петь, чем петь вот это вот. Ведь правда.

Потом он предложил мне выучить «Фиделио» по-английски – но я не хочу начинать с «Фиделио». И я права. Я надеюсь дебютировать, возможно, «Нормой», то есть тем, на чем я сделаю себе имя. Сделав себе имя, можно петь все что угодно. Но такое средненькое начало меня не устраивает. Скажите мне, права я или нет! Торопиться мне некуда. Отдых пойдет мне на пользу, я очень устала.

Слава Богу, с папой мы живем хорошо, он уже не знает, как выказать мне свою любовь, и вот сделал мне подарок: чудесную спальню. Я прямо как принцесса!

Господь все же помог мне, и теперь, когда мне так необходим покой, он у меня есть, равно как и все удобства. Я не особенно развлекаюсь, мне хочется, насколько это возможно, сохранить силы для торжественного момента. А мой долг – оберегать голос, доставшийся мне от Бога.

Помню, Вы однажды сказали мне: достигнув того, к чему стремишься (и лучше самых высот), ты сможешь задуматься о личной жизни. Моя жизнь на данный момент полностью посвящена строгому распорядку, которого требует пение. Клянусь.

Вы, должно быть, рады, что я так себя ощущаю, правда?

⁵² В то время Мария еще не сделала ни единой официальной записи – но, надо полагать, она обратилась в один из нью-йоркских магазинов, где голос можно было записать прямо на месте и выйти с готовой грампластинкой.

⁵³ Андрес де Сегурола (1874–1952) бас, солист Метрополитен опера с 1901 по 1920 год, позднее – киноактер, импресарио и учитель пения.

Моя дорогая, я оставляю Вас, потому что мне пора уходить, но я скоро еще напишу Вам. Только прошу Вас, ответьте – я буду так этому рада. Напишите мне все свои новости и поделитесь впечатлениями о том, что я рассказала. И не бойтесь меня задеть.

Я жду от Вас письма как можно скорее и надеюсь, что Вы пребываете в добром здравии и настроении.

Надеюсь, Вы думаете обо мне.

Всегда Ваша

Мария.

1947

Август 2, 5, 10, 14, 17	«Джоконда» ПОНКЬЕЛЛИ лир. Туллио Серафин	ВЕРОНА Арена
----------------------------	---	-----------------

Эдди Багарози⁵⁴ – *по-английски*

Среда, 20 августа 1947 г.

Дорогой Эдди!

Сегодня утром, по прошествии двух месяцев, мы наконец получили от тебя письмо. Конечно, «мы» – ведь мы с Луизой уже почти слились воедино. Я была просто счастлива узнать, что ты избавился от всех своих проблем, Эдди, я искренне желаю тебе всего самого наилучшего – я всегда этого желала и всегда буду желать – несмотря на тот факт, что ты никогда этого не понимал.

Я знаю, ты жалуешься, что я не пишу, мой дорогой, и ты наверняка прав, но ты так и не догадался, что на то есть свои причины. Вообще-то, я начала писать тебе длинное прекрасное письмо, со всеми новостями, но по причинам, которые ты поймешь позже, порвала его и решила не писать. Но это вовсе не означает «с глаз долой, из сердца вон»! Я отказываюсь с этим смириться и прошу тебя никогда этому не верить, даже если все тебе говорят обратное – вот и все, я знаю, ты достаточно умен, чтобы читать между строк.

Что касается моих новостей, то я вижу, ты хорошо осведомлен, поэтому не буду утомлять тебя подробностями. В результате того несчастного случая я пострадала довольно серьезно, не только физически, но и морально. Не знаю, как я нашла в себе достаточно мужества и сил, чтобы спеть все 5 спектаклей⁵⁵ – это мне дорогого стоило! Луиза была очень добра ко мне, и я никогда вас обоих не забуду.

Себастьян написал мне сюда, умоляя написать ему и послать расписание моих выступлений в Италии, чтобы он мог договариваться с Grand & Opera Comique. Ты сказал, что я не должна соглашаться, поэтому я ему и не ответила.

Серафин от меня без ума, и я почти уверена, что если он поедет зимой в Англию, то позовёт меня – он дал мне это понять. Здесь Лидуино⁵⁶ слушал мой четвертый (лучший) спектакль и хотел поговорить со мной. Я попросила его зайти в отель. Он заглянул ко мне в гримерку и спросил, останусь ли я. Я ответила, что это зависит от того, что он мне предложит и что я выберу. Тогда он сказал Луизе: Ма, al principio non si put fare molto⁵⁷, и т. д. (К счастью для него, я этого не слышала, а то все могло бы закончиться совсем по-другому!). В общем, мы увиделись на приеме в Кастельвеккьо, и он не спускал с меня глаз, как бы приглашая поговорить с ним. Да пошел он к черту! Боже мой, как мне надело получать гроши за свои выступления. Они хотят ставить «Норму», но у них нет сопрано, и ее некому петь. В общем, хотят ставить – пусть ставят, но они мне за это заплатят, и заплатят хорошо. Второй раз то нелепое представление чуть ли не со сломанной ногой и почти задарма не повторится. Все удивляются, что я не подала на них в суд. Ладно, забыли.

⁵⁴ См. «Воспоминания», с. 31.

⁵⁵ Намек на вывихнутую щиколотку во время «Джоконды» на Арена-ди-Верона (см. «Воспоминания», с. 34).

⁵⁶ Лидуино Бонарди, миланский агент (см. «Воспоминания», с. 35).

⁵⁷ «Но в начале карьеры мало что можно сделать».

Я благодарю небо за то, что оно послало мне это ангельское создание⁵⁸, так что впервые в жизни мне больше никто не нужен. Что касается замужества, я все еще хорошенько обдумываю, обещаю тебе, но ведь дело в том, что *своего* человека находишь так редко. Ты, хорошо зная меня, мой характер и все остальное, поймешь, что, если я говорю, что счастлива с ним, это значит, что он именно тот, кто мне нужен. Он немного старше меня, намного, честно говоря, – ему 52 года, но он поддерживает форму во всех смыслах, иными словами, он это я, если ты понимаешь, что я имею в виду. Он это я, а я это он. Он прекрасно меня понимает, и я его понимаю тоже. В конце концов, в жизни важны именно счастье и любовь, настоящая, спокойная, серьезная любовь и глубокие чувства – это важнее, чем проклятая карьера, от которой тебе остается одно только имя. И потом в ней есть место и свету, и тьме. Даже Серафин, будучи поначалу без ума от меня, считал мою Джоконду слишком тяжеловесной – уверяю тебя – я, возможно, была бы счастливее, если бы пела партии меццо-сопрано. Мой голос все неизменно считают слишком тяжелым и грубым. Но потом они, конечно же, жалуются, что, кроме меня, драматического сопрано нет, так что, поверь, я правда устала от всего этого оперного мира. Я впервые нашла своего человека. Что ж мне теперь, его бросить и остаться несчастной до конца своих дней? В нем ведь есть все, что я только могу пожелать, и он просто-напросто меня обожает. Это не любовь, а нечто большее. Пожалуйста, напиши мне и скажи, что делать. Ты умный и неэгоистичный, скажи.

Пока что я хочу какое-то время не петь, потому что из-за ноги я ужасно устаю. Я, вероятно, поеду с Луизой в Милан, потому что хочу отвезти ее на нашей машине, может быть, мое присутствие пойдет ей на пользу. В эту субботу у нее день рождения, надо бы ее развлечь. Еще я ненадолго съезжу в Грецию. Баттиста, вероятно, поедет со мной, если не будет слишком занят, а оттуда мы вместе отправимся в Швейцарию. Там есть какая-то невероятная картина, и он хочет мне ее показать. Пожалуйста, не повторяй никому то, что я пишу. Мне не нравится, когда мои личные дела становятся общим достоянием, прошу тебя.

Я рада, что написала это письмо, мне кажется, будто я поговорила с тобой. И мне кажется, что ты ближе, гораздо ближе ко мне. Пожалуйста, не сердись, что я не часто пишу тебе. Просто я такой же плохой корреспондент, как и ты. И еще – не будь со мной эгоистом, не понимай меня неправильно. Мои чувства к тебе не изменились после моего отъезда.

Мне хотелось бы, чтобы ты сразу ответил мне, прямо, и с юмором, и не как агент, а как Эдди, мой друг.

Поцелуй от меня мою маму и скажи ей, что, когда мы вернемся из Швейцарии, она сразу приедет ко мне. Расскажи ей все мои новости, чтобы мне не пришлось слишком много писать – у меня болит рука. Передай ей, что я неизменно люблю и уважаю ее, а не написала потому, что, получив известие о моем несчастном случае, она бы сошла с ума.

А не писала я, потому что не могла – болела, температурила, мучилась и вставала только на спектакли. До сих пор удивляюсь, как мне удалось их выдержать. Полагаю, у меня есть все, что для этого необходимо.

Дорогой, я уже явно утомила тебя таким длинным письмом. Постарайся дочитать его до конца, не раздражаясь, и вспомни, если сможешь, наши лучшие мгновения, проведенные вместе, а не худшие – я вот помню все счастливые минуты, и всегда горжусь, что такой человек, как ты, – мой близкий друг. Поверь, я люблю вас обоих неустанно. Поцелуй от меня свою семью и наших друзей, а наших врагов всех на хр..., от моего и твоего имени (попробуй отгадать слово и заполнить пробелы!).

В тревожном ожидании твоего письма не теряю надежды, что я по-прежнему для тебя

твоя Мария.

⁵⁸ Баттиста Менегhini, ее будущий муж.

Эдди Багарози – *по-английски*

Вторник, 2 сентября 1947 г.

Дорогой мой Эдди!

Я все жду твоего ответа, но чувствую, что получу его еще не скоро. Общение наше оставляет желать лучшего. С тех пор как я написала тебе последнее письмо, я, конечно, передумала. Я взвесила все «за» и «против», думала-думала и пришла к заключению, что замуж не выйду. Сейчас это было бы глупо с моей стороны, даже если я его люблю; как бы то ни было, он все равно мой: меня поддерживает богатый и влиятельный человек, и я могу сама выбирать, где и когда мне петь.

Мне предложили Испанию, Барселону в ноябре – спеть «Норму» и «Силу судьбы». Наверное, мне следует согласиться, да? Что касается Ла Скала, то в летнем сезоне ничего интересного для меня пока нет. Этой зимой я, наверное, буду петь в разгар сезона. Посмотрим. Мне поступали и другие предложения, но какого черта я должна без удержу петь второстепенные и третьестепенные оперы, когда могла бы посвятить себя самым великим вещам – отдохнув и расслабившись? Слава богу, мне повезло, я в деньгах не нуждаюсь, и в настоящий момент пытаюсь успокоить нервы после того несчастного случая и злополучных 5 спектаклей, которые мне пришлось петь, несмотря на жуткие боли и ужасное состояние. Но я горжусь собой, Эдди, потому что никто другой не смог бы совершить то, что совершила я в подобной ситуации. Конечно, теперь, оглядываясь назад, я думаю: «А хорошо ли я спела эти 5 «Джоконд»? Нет, не может такого быть». Я находилась в каком-то ступоре, пела без всякого воодушевления, почти в полубессознательном состоянии. Луиза тоже это почувствовала.

Что касается Луизы, то она, наверное, написала тебе о своих новостях, и, мне кажется, она довольна. Она разве что беспокоится, что тебе не удастся сделать так, чтобы она здесь осталась. Кстати, у нее почти прошли приступы, она не кричит по ночам и т. д. Поверь мне, все беды в голове.

Мой дорогой, как ты там? Луиза сообщила мне новости, и я очень обрадовалась. Продолжай в том же духе, приятель! И даже не смей думать, что я о тебе забываю или смогу забыть. Только обстоятельства заставляют нас вести себя иначе. Когда мы наконец увидимся, я тебе все расскажу! Но знай одно: Мэри Анна⁵⁹, в отличие от всех остальных, не изменится, хоть ты и был со мной жесток в последние месяцы перед моим отъездом. Я ничего не сказала. И продолжала приходить к вам с Луизой – но перестала писать, да, я чудовище и т. д. Улавливаешь разницу – но что ж поделать.

Дорогой, мне сейчас придется тебя оставить, желаю тебе всего наилучшего. Пожалуйста, напиши мне немедленно, и ответь на все мои вопросы о карьере, и скажи, правильные ли решения я принимаю (мне кажется, да). Только вот мы с Луизой больше не живем вместе. Мы с Баттистой зайдем к ней в эти выходные.

Окажи мне, пожалуйста, одну услугу. Попробуй держать мою маму на расстоянии. Я ее вообще не хочу сейчас видеть. Я пытаюсь расслабиться; с ней это будет невозможно, сам знаешь! Только не говори ей об этом, само собой. К тебе она прислушивается, так что делай что хочешь, но здесь я ее видеть не хочу!! Надеюсь, она еще не выехала! Оставайся в хорошей форме и добром здравии, как и был.

Извини, что характер у меня переменился, просто Баттиста не особенно поощряет мои шутки. А по твоим шуткам я так скучаю! Конечно, я прикидываюсь ангелом – почему бы и нет, черт побери!

⁵⁹ Так маленькую Марию звали в Нью-Йорке.

И еще сделай одолжение, пожалуйста, не рассказывай все это & (автор старался сохранить манеру письма самой Каллас, поэтому знаки эти мы не убираем) мои истории личные дела & нашим общим друзьям – мне бы очень это не понравилось – даже твоему брату Гаю и Бобу. Не отдавай им на растерзание мою частную жизнь, пожалуйста, пожалуйста!

Кстати, поклонись от меня всей своей семье, поцелуй маму и девочек и передай привет Гаю и Бобу.

Ну а тебе я выражаю свое неизменное уважение и привязанность,

*как всегда
твоя Мария.*

17 сентября состоялось ее первое прослушивание в Ла Скала (см. «Воспоминания», с. 35) с Марио Лаброка, но продолжения не последовало. Вскоре после этого она получила предложение от Серафина и начала готовить «Тристана и Изольду» (Вагнера).

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Понедельник, 22 сентября 1947 г.

Мой дорогой Баттиста!

Вчера я разорвала свое письмо, а сегодня пишу тебе новое.

Надеюсь, я тебе не надоедаю.

Баттиста, мне просто необходимо сказать тебе, что я тебя люблю так сильно и искренне, что иногда даже страдаю от этого. Прошлая ночь и вчерашний день превратились для меня в настоящую пытку. Уйти от тебя было бы слишком суровым наказанием для меня. Вряд ли я смогла бы это выдержать! Жизнь не должна причинять такую сильную боль, и я не думаю, что такую боль заслужила. Мне так нужен ты, твоя любовь. Вчера я решила уйти, потому что мне показалось, что накануне вечером я слишком тебе надоела. Да, я была полна решимости, но у меня нашлась куча отговорок, чтобы не собрать вещи окончательно. Так много отговорок, чтобы не уйти, и столько надежд, что ты не захочешь, чтобы я ушла, что мне едва удалось заполнить полчемодана, я так его и оставила.

Будь ты подogaдливее, ты бы понял, что я ждала от тебя просто жеста или слова, чтобы удержать меня. Вчера твоя любовь ко мне подверглась испытанию. Мне необходимо было услышать, увидеть, что я не обуза для тебя, что я тебе не надоедаю. Мне было так плохо вчера, так плохо. И я счастлива, что ты остался со мной. Я бы очень страдала, если бы ты ушел ночью. Мне необходимо было остаться в твоих объятиях, чувствовать твою близость так, как я почувствовала ее вчера. Ты весь мой, и я благодарю тебя за это. Я не прошу ничего, кроме твоей любви и твоих чувств ко мне.

Теперь ты знаешь мои недостатки. Ты знаешь, как избавиться от дурных мыслей и любых разногласий между нами. Одно твое слово способно осчастливить меня, и всего одним словом или жестом ты волен сделать меня несчастной. Ты умен и тонок. Ты меня понимаешь. А я обещаю, что сделаю все, что в моих силах, чтобы исправить свои ужасные недостатки. Я просто прошу тебя потерпеть немного.

Так мне видится это сегодня, и «сегодня» зависит от твоего желания. Если ты устал от меня, скажи, и я немедленно уйду. Ты требуешь, чтобы я приняла решение, но сегодня я уже не хочу уходить. Думаю, и вчера я не смогла бы уйти. Вчера я «не могла» уйти; сегодня «не хочу».

Милый Баттиста, я твоя вся целиком, от самых тончайших моих чувств до самой мимолетной мысли. Я живу ради тебя. Твоя воля стала моей, я делаю все, что ты хочешь, но не принимай эту любовь, чтобы запретить ее у себя шкафу. Попробуй полюбить ее. Мне нужен твой

дом. Каждому дому нужен кто-то, кто позаботится о нем. Не забывай, что женщина мыслит, живет и зависит от своего мужчины. Ты мой мужчина. Ни одна женщина, Баттиста, не полюбит тебя больше, чем люблю тебя я. Отныне у тебя есть обязанность в жизни. Жить и быть здоровым ради меня. Главное – здоровым. Не усердствуй слишком на работе, и я постараюсь принести тебе немного радости и удовлетворения, если смогу, а мне достаточно, чтобы ты был со мной. Я твоя и буду твоей всегда. Запомни это. Вчера я в этом убедилась, я не смогу жить без тебя.

Дорогой, это очень длинное письмо, и оно покажется тебе слишком утомительным. Но мне необходимо высказать тебе все это. Я твой сердечный друг, твоя наперсница, твоя опора в усталости, я пытаюсь сейчас быть всем этим для тебя. Как бы мне хотелось быть гораздо большим, но я не знаю, как. Я постараюсь быть достойной тебя.

Я хочу знать, хочешь ли ты быть со мной так же сильно, как раньше...

Твоя Мария.

Эдди Багарози – *по-английски*

25 октября 1947 г.

Привет тебе!

Дорогой, я получаю от тебя столько писем, что уже не знаю, с какого начинать, вот хулиган! И у тебя еще хватает наглости просить меня почаще писать!

Ну как ты? Я слышала, дела у тебя идут хорошо, и я очень этому рада! И еще я узнала про Кармен – поздравь ее от меня и скажи, что хватит ей любить Николу [Росси-Лемени], потому что!.. Такого отвратительного характера мне еще не попадалось. Поверь мне, Эдди, я даже смотреть на него не смогла бы, а уж любить и подавно. Он такой эгоцентрик, что хочется его стукнуть, и, кроме того, у него прилично звучит только середина голоса... По правде говоря, он ужасно меня разочаровал. Либо его голос улетучился ко всем чертям, либо он просто никакой не бас – внизу там ничего нет, да и наверху тоже. А на такой площадке, как Арена [ди-Верона] – поверь мне, мальчик мой, – он звучал, в общем, плохо. Конечно, тут встает вопрос везения. У него оно есть. Лидуино тоже любит его и ставит везде, где только может. Но не дай ему себя обдурить: он даже «Аиды» ни одной не спел после «Фауста» – только маленькие партии. Эдди, дорогой, – поверь, я так говорю не потому, что мне не нравится его семья или его характер, – просто это чистая правда.

Ну а что касается меня, то я как сумасшедшая готовлю «Тристана». Боже, как это тяжело и долго. Я правда не знаю, успею ли вовремя – к концу декабря, – но, разумеется, буду стараться изо всех сил, обещаю тебе. И еще я собираюсь в конце сезона, в январе-феврале, петь «Турандот». Так что я в общем довольна! А ты нет? А потом Серафин собирается репетировать со мной «Тристана» – мне придется поехать в Рим – и я в ужасе оттого, что мне придется расстаться с Баттистой. С негодяем таким. Я все еще люблю его. И, боюсь, он меня тоже, бедняга. Он, знаешь ли, ужасно милый! Ты таким его, наверное, и представляешь, зная мой характер и темперамент. Мне бы так хотелось, чтобы вы познакомились, он тебе понравится. Вот, например, я только что получила от него записку (он послал мне деньги на оплату транспорта и написал ответ на записку, которую я ему отправила). Дело в том, что он только что получил в собственность свою контору (я имею в виду, что теперь он владеет зданием), поэтому я послала ему три розы – наш с ним символ, означающий «люблю тебя», – приложив карточку с пожеланиями удачи и так далее. И вот что он мне отвечает:

Моя дорогая!

Это тонкий жест, полный изысканной доброты и изыска, и я очень им тронут.

Спасибо! Баттиста.

Очень мило, правда? Ах, он всегда так чуток.

Вот, мой дорогой, то, чего я хотела, и что ты так и не смог понять. Милый, о таких вещах не просят, они случаются сами по себе. Мы с ним созданы друг для друга, вот и все. Драматичность этой истории состоит в том, что он человек в возрасте, а я до смешного молода. До смешного, потому что, как ты знаешь, я намного старше духом и характером. Ну, остается надеяться, что все будет хорошо.

Боже, как тут холодно, а радиатор выключен. Я замерзаю!

Что касается Луизы, мы больше не живем вместе, и это весьма печально, мы с ней очень дружны, но бедняжке не повезло. Им тут просто не нравится ее голос. Особенно после того, как Серафин, послушав ее, сказал, что она ему не понравилась, – с тех пор ее тут все игнорируют. Такое впечатление, что темные голоса нигде не нужны. Мне надо бы и свой высветлить. Слава Богу, я сохраняю равновесие, но это дается нелегко. В общем, придется мне схитрить. Возвращаясь к Луизе, лично я не думаю, что Лидуино вообще намерен дать ей хоть какие-то спектакли. Между нами, они все тут любят раздавать обещания, говорят «вы мне так нравитесь», а потом, отвернувшись, заявляют обратное у тебя за спиной. Им не хватает духу сказать напрямую, что они о тебе думают. Я вне себя от ярости. Мне бы так хотелось ей помочь – но, во-первых, я сама (увы) еще не вполне завоевала позиции, и, даже если у меня уже есть какое-никакое имя, оно не обладает пока нужным весом и, соответственно, властью. Кроме того, черт возьми, ее голос просто их не интересует. И, понятное дело, она не приложила никаких усилий, чтобы ее оценили по достоинству, чтобы стать востребованной и т. д. (ты знаешь характер Луизы, ей все не так). Только умоляю тебя, Эдди, не говори ей, что я написала тебе обо всем этом, а то, будь уверен, я вообще больше слова тебе не скажу, я серьезно. Хорошо бы они оставили ее в покое. И, конечно же, она не собирается искать кого-нибудь влиятельного и облеченного властью, ты понимаешь, что я имею в виду, впрочем, думаю, это как повезет, потому что я уж точно Баттисту не искала. Более того, я дважды пыталась избежать знакомства с ним, но Луиза и Никола практически силой затащили меня на тот ужин, да и вообще, у меня тогда после сидения в поезде распухли ноги, и приличного наряда не было, поверь, я являла собой жалкое зрелище!!

Как поживает твое семейство? Пожалуйста, передавай им привет. Скажи Гаю, что ему просто не повезло. Он был не в моем вкусе – ха! (Я шучу, конечно). Поцелуй его от меня, и Боба тоже. Как он? Крепко-крепко поцелуй от меня свою маму. Черт побери, Эдди, смягчи свое каменное сердце и время от времени навещай свою собаку, ты же знаешь, как она тебя любит.

Ладно, заканчиваю это длиннющее письмо, звонко целую тебя в обе щеки – и ммммм... может быть, в твои красивые соблазнительные губы – только я боюсь изменить Баттисте, это было бы весьма опасно, так что последний поцелуй беру назад, и целую не в губы, а в лоб. Чао, Эдди, и прошу тебя, считай меня своим самым-самым лучшим другом

Мария.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

30 октября 1947 г.

Любовь моя,

Сегодня, получив твое письмо, я так была счастлива. Вместе с этим письмом я отправляю тебе еще одно, я написала его вчера или, вернее, сегодня утром и не успела еще отправить. В нем я сообщаю тебе все свои новости.

Я сейчас чувствую себя очень усталой. Мы работали больше двух с половиной часов. Серафин объяснял мне каждое слово, одно за другим. Дорогой, если мне удастся сыграть это

так, как учит он, получится наверняка прекрасно. Просто у меня очень много работы, в этой опере массу всего надо выучить, потому что мне хочется не только исполнять ее, но и заучивать одновременно наизусть.

Да, дорогой мой Баттиста, я постараюсь достичь этой цели прежде всего, чтобы ты был счастлив. И потом у меня теперь есть не только ты, но еще и Серафин. И его я тоже должна осчастливить. А кто осчастливит меня? Я делаю все, что могу, чтобы все были счастливы, но остаюсь наедине со своей славой и никому не нужными чувствами.

Ладно, оставим философию, а то становится слишком горько и печально. Я вижу, что ты как раз влюблен в Каллас актрису, а про душу мою забываешь. Вот, например, ты написал прекрасное письмо, и оно очень мне дорого, но мне хотелось бы найти в нем немножко Баттисты и Марии вместо Менегини и Каллас. Посмотрим, обнаружу ли я своего Баттисту в твоих следующих письмах.

Любовь моя, сегодня, у меня очень сильно болит нога. Я даже чуть не расплакалась, настолько мне было плохо. Когда я выходила из автобуса, ступенька оказалась такая высокая, что мне стало дико больно. Боже, сколько мне еще с этим мучиться! И потом, у меня такие сильные головные боли, что иногда я становлюсь сама не своя. Не знаю, что и сказать, но мне очень плохо, когда я далеко от тебя. Баттиста, ты не представляешь, как я скучаю по тебе. Мне не терпится увидеть тебя, почувствовать тебя рядом с собой.

Я сейчас в голосе, если тебе это интересно, и скажу тебе, что чем больше я пою «Тристана», тем лучше становлюсь. И потом, это очень страстная роль, и мне она по душе. Я сделаю все возможное, чтобы быть такой, какой ты хочешь меня видеть, обещаю тебе. Прошу только, не забывай меня. Думай немножко обо мне. Люби немножко. Любимый, мне так тут одиноко.

А ты чем занят? Как ты? Пожалуйста, ешь как следует, я не хочу, чтобы ты похудел к моменту нашей встречи, и будь осторожен!! Ты ездил в Милан? Какие новости? Напиши мне, что происходит. У меня нет ничего, кроме твоих писем.

Дорогой, любовь моя, в эту самую минуту, пока я пишу тебе, пришла от тебя телеграмма. Как же ты радуешь меня. А ведь я тебе ничего не сказала. Но мне так хотелось получить из Падуи телеграмму от тебя, как обычно. Я так тронута, дорогой, что мне не стыдно признаться: я плачу. Только ты знаешь, как сильна моя любовь к тебе. Так что только ты можешь меня понять.

Спасибо, спасибо и еще раз спасибо. Я уже не чувствую усталости, все прошло. Я счастлива.

Знаешь, сегодня Серафин рассмешил меня, объясняя сцену, где Изольда желает Тристану смерти, потому что думает, что он разлюбил ее. Серафин сказал: «Предупреди Баттисту, пусть будет начеку. Такие женщины, как ты и Изольда, весьма опасны. Сама посуди, если в один прекрасный день он тебя разлюбит, ты вполне способна будешь напоить его зельем Изольды. Для Баттисты это кончится печально».

Дорогой, должна тебя оставить. По-моему, я и так тут много написала.

А поскольку я пишу плохо, воображаю, как тебе скучно.

Думай обо мне, как я думаю о тебе. И будь здоров. Я живу надеждой увидеть тебя в ближайшее время.

Я всегда есть, была и буду твоей единственной Марией.

PS: если ты получаешь письма для меня, пожалуйста, пересылай их мне. Я оставила маме твой адрес, так что, возможно, они придут прямо тебе. И окажи мне еще одну услугу: отдай Родольфо записку, приложенную к этому письму, чтобы он смог забрать мое несчастное пальто, которое я отдала в чистку. Тут оно как раз по погоде. И если можешь, отправь его мне или привези. Спасибо, дорогой.

Второе письмо, написанное в тот же день

30 октября 1947 г.

Dearest Battista!

Прежде всего хотелось бы узнать, как у тебя дела и все ли в порядке. Затем я хочу сказать, что очень по тебе скучаю – даже слишком.

Вчера вечером я впервые ужинала в одиночестве. Передать не могу, как мне было плохо. Я бы вообще не пошла есть, если бы это не было мне так необходимо. Имей в виду, с тех пор, как я от тебя уехала, я питаюсь исключительно листьями зеленого салата и яйцами. У меня просто нет аппетита. Что же будет со мной дальше, если уже через несколько дней после того, как мы расстались, я в таком состоянии?

Ты ведь очень занят, да? Что ты делаешь? Держи меня в курсе новостей. Прошу тебя, любимый.

А теперь мои новости, которые тебе наверняка не терпится узнать. Итак, вчера у меня состоялся первый урок с Серафином, и все прошло очень хорошо. Его жена потом вышла ко мне и наговорила кучу комплиментов. Она сказала, что я чудо как хороша, и вокально, и внешне, и что я идеальная Изольда. Затем она спросила, как мне удалось так быстро выучить роль, притом что у нее и многих других ушло на нее два года. У меня и правда много работы. Серафин считает, что это не займет больше трех недель. Надеюсь, меньше, но поглядим.

Теперь расскажу тебе о поездке. Конечно, о комфорте нечего и говорить, ты сам видел. К утру у меня опухли и покраснели глаза. И я подумала: «Хорошо, что ты меня не видишь.» Выглядела я ужасно! Шел дождь. Небо было такое серое, что я задыхалась, пока искала гостиницу, потому что в той, которую мне посоветовал Серафин, уже не было мест. В итоге пришлось обойти семь или восемь гостиниц, прежде чем я обнаружила эту. У меня довольно милая комнатка, немного сырая (надеюсь, не простужусь!) и, к сожалению, без ванной комнаты. Я плачу 900 плюс сборы и т. д. Все вместе почти 1100 лир⁶⁰. Я еще поищу пансионаты, но они дорогие и у них нет ни горячей воды, ни ванной комнаты, да и кормят там еле-еле. Другие, более современные пансионаты, обходятся в 3000-4000 в день.

Я не зову тебя приехать, потому что, как ты знаешь, я ненавижу заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь. Но я была бы так счастлива, любимый, если бы ты смог сбежать. Не бросай меня тут одну. Мне так одиноко, ты же знаешь, очень одиноко. Теперь я оставлю тебя, пожалуйста, пиши мне. И когда у тебя будет немного времени, прошу, подумай немного обо мне!!

Чао, любимый, будь здоров и, пожалуйста, ешь хорошо. Я не хотела бы, чтобы ты еще больше похудел. Всегда твоя Мария.

PS: не волнуйся, я спою Изольду. Это точно! PPS: когда ты приедешь, если приедешь, Серафин тоже хотел бы с тобой повидаться.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Суббота, 1 ноября 1947 г.

Dearest Battista mio,

только что получила твое письмо от четверга и была очень-очень этому рада. Мое счастье и цель в жизни – получать письма от тебя и поздравления от маэстро.

⁶⁰ Приблизительно 35 евро (по курсу 2019 г.)

Я столько думаю о тебе, о том, что ты делаешь, думаешь ли обо мне, и еще о многом другом. Ты знаешь все мои чувства и понимаешь их, так что много писать необязательно. И потом я так плохо пишу!

Очень рада была узнать, что Никола хорошо обо мне отзывается. Я тоже отношусь к нему с симпатией. И потом он твой брат, единственный, которого я знаю. Я напишу ему сегодня.

А теперь о моих новостях. Вчера Каттоццо позвонил Серафину, и маэстро столько ему про меня сказал хорошего, что я чуть не расплакалась. Он сказал, что я с ним уже несколько дней, что мы много занимаемся, и я буду прекрасна. Ты доволен, любовь моя?

Потом его жена пришла поприветствовать меня и наговорила мне массу комплиментов о естественной легкости моего пения и т. д. И еще она подарила мне свой парик Изольды, причёсанный, из настоящих волос. Очень мило с ее стороны, тебе не кажется? Конечно, ты в курсе, что все настроены против маэстро, потому что он взял на роль иностранку (меня) и т. д. То есть все настроены против меня. В Америке тоже вышла статья против меня, Такера (тенора) и Серафина. Терпение.

Дорогой, твоя жизнь мало чем отличается от моей. Я работаю. В 4 часа дня иду к Серафину, ухожу в 6:30 – 7 вечера, ужинаю, затем возвращаюсь в отель и в 9:30 – 10 засыпаю. Утром встаю в 8 часов и занимаюсь. Вот так, тебе нравится? Я много думаю о тебе, и утром время пролетает незаметно, потому что я получаю с почтой твое письмо.

Больше мне нечего тебе написать. Не знаю, как долго я еще здесь пробуду, не думаю, что больше двух недель, но, дорогой, по прошествии двух недель я еще не до конца выучу роль. Я пойму, чего он [Серафин] хочет, и смогу свободно чувствовать себя с партитурой, но мне предстоит еще выучить все наизусть. А это огромная работа. Но для нее мне понадобится только пианино, и больше ничего. Я довольна гостиницей, тут чисто, полотенца меняют каждый день и т. д., но очень не хватает ванной комнаты, и я страдаю от этого. Я бы переехала, но это обойдется дороже, и ты будешь меня ругать.

Рим – большой красивый город, во всяком случае, та небольшая его часть, которую я видела, мне нравится, просто, когда тебя нет рядом, все некрасиво.

Сегодня, мой дорогой, раздался телефонный звонок. Я стояла голая в ванной и слышала, как рядом разговаривала женщина, как она плакала в трубку и т. д. Я, как дурочка, стояла голая, мерзла и слушала конец ее разговора, из которого стало понятно, что ее молодой человек собирается ее бросить. В итоге я сама, чуть не расплакавшись, проторчала там больше получаса. Закончив разговор, она тут же, расхохотавшись, позвонила какой-то своей подруге. Я чуть в обморок не упала. Только вообрази, она все время притворялась, а он, бедняга, ей поверил до такой степени, что убедил себя ее не бросать. Вот будет несчастье, если тебе попадется подобная женщина. От такого нагромождения лжи я чувствовала себя глупее, чем когда-либо в жизни. Пресвятая Дева!!

Другая новость заключается в том, что Серафин, когда я решила передохнуть, подошел поближе и попытался погладить меня по ноге, несчастный! Слава богу, я была у него дома, и он не решился на большее! Ну надо же! Итак, мой любимый, я прощаюсь, крепко-крепко тебя целую и всегда люблю, может быть, даже больше обычного, потому что ты далеко. Когда же я тебя увижу? Твоя Мария.

PS: теперь у меня в комнате стоит телефон, только зачем он мне? Пошли мне деньги вовремя, пожалуйста.

Второе письмо, написанное в тот же день

Суббота, 1 ноября 1947 г.

Любовь моя,

не могу не написать тебе несколько слов, так, по крайней мере, у меня создается впечатление, что я разговариваю с тобой и что ты ближе ко мне.

Едва вернувшись, я безумно захотела тебя увидеть. И вот видишь, ты рядом, мне так необходимо поговорить с тобой, услышать твой голос, я звоню тебе, я иду к тебе. Но я здесь одна, тебя нет. Как бы мне хотелось, чтобы ты в эту минуту был со мной. Потому что внезапно во мне возникло желание близости, захотелось услышать, как ты говоришь (ведь ты так хорошо говоришь). И чтобы ты посмотрел на меня своим особенным взглядом. И назвал меня моим любимым именем, понимаешь?

Оставляю тебя, любовь моя. Извини что побеспокоила, но я так тебя люблю, так тебя целую, твоя Мария навсегда.

PS: пиши мне часто-часто. Я уже написала и отправила письмо Николе, как ты меня и просил.

PPS: Передай от меня привет сеньоре Дзанни, Гаэтано, Эрнесто, Бепи и т. д.

Третье письмо, написанное в тот же день

Любимый мой, пишу тебе сегодня уже третье письмо. Думаешь, я сошла с ума?

Но для этого письма есть еще одна причина. Ведь через несколько дней я окажусь подле тебя! Маэстро говорит, что пока что нет смысла уставать еще больше. Он объяснит мне все, что считает нужным, и потом, через несколько дней, он думает, дня через три-четыре, я вернусь к тебе, а 4 или 5 декабря он сам приедет по делам в Венецию и вызовет меня работать к себе, и еще несколько дней будет в моем распоряжении. Потом я смогу вернуться в Верону и уеду оттуда уже только к началу репетиций. Так я не устану. И он прав. Потому что, как я тебе уже писала, за три-четыре дня я смогу хорошо подготовить роль, но еще мне, конечно, придется выучить ее наизусть. Но для этой работы мне будет достаточно пианино! Так что я довольна!

Так как, дорогой, мне быть с поездкой? Может, тебе удастся ее организовать оттуда? Лучше бы так. Как это сделать тут, понятия не имею. Напиши, что мне делать, любовь моя. Надеюсь, ты не очень огорчаешься, что так скоро меня увидишь!.. Я вот обрадовалась этому, так обрадовалась, что, когда он сказал мне об этом, чуть не расцеловала его.

Уехать мне посоветовала его жена, потому что, хорошо зная его, боится, что я переутомлюсь. Ведь мы работаем по 2,5–3 часа каждый день, с этой оперой шутки плохи.

Мне больше нечего тебе написать: только то, что мне не терпится тебя увидеть. Жду от тебя новостей. Скажи, как мне быть с возвращением. Думай обо мне, любовь моя, будь здоров и люби свою Марию.

PS: у меня так сильно болит нога, что я не знаю, что и делать.

Бывает, что я даже плачу от ужасной боли.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Воскресенье, 2 ноября 1947 г.
5:00 вечера.

Милый Баттиста,

любовь моя, я счастлива! Пока я иступленно занималась, (хотя неподалеку отсюда каждые четверть часа звонит колокол, можешь представить, как это мешает), от тебя пришла телеграмма.

Баттиста, какой ты милый, как нежно ты думаешь обо мне. Я очень это ценю. Я тронута до слез. Я чувствовала себя совсем покинутой сегодня, потому что не получила почты от тебя...

Урок сегодня был утром, мы закончили в 12:30, поэтому всю вторую половину дня я провела одна и занималась в одиночестве. Печаль моя казалась сегодня бесконечной! Такой прекрасный день, теплый, солнечный, правда прекрасный, а мой Баттиста так далеко! Но я надеюсь, что к концу недели я наконец окажусь там, где хочу быть, рядом с тобой!

Если я вложу в свою Изольду все чувства, которые испытываю к тебе, получится замечательно! А уж я постараюсь!

Дорогой, извини за бумагу, на которой я пишу, но другой у меня нет, а магазины закрыты.

Прощаюсь с тобой, думай обо мне, будь здоров. Подумай обо мне еще, поешь хорошо и потом снова подумай обо мне

Твоя Мария.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Понедельник, 3 ноября 1947 г.

Мой дорогой Баттиста,

Спасибо, что переслал мне письмо. Оно от моей сестры. Потом я получила твое письмо, написанное 1 ноября. Немного грустное письмо, может, потому что это День всех святых, и еще потому, возможно, что тогда ты ничего от меня еще не получил. Но, дорогой, я сразу тебе написала в тот день, так что виновата не я, а почта, которую я ненавижу, потому что она вечно нас подводит. Как ты, мой дорогой? Ты мало пишешь, а мне бы так хотелось большего. Я тебе много пишу, думаю, ты не можешь упрекнуть меня в обратном. Я никогда так много, как тебе сейчас, не писала, и я делаю это с радостью, потому что мне начинает казаться, что ты ближе ко мне, что я с тобой разговариваю...

Я рада, что тебе нравится твой кабинет. Мне бы тоже хотелось оказаться в такой спокойной, благоприятной для работы атмосфере. Представляю, как твоя церберша радуется моему отсутствию. Уж передай ей от меня большой привет и попроси слишком сильно не радоваться, потому что она скоро меня увидит!

Маэстро все время спрашивает, как ты и когда вы увидите. Но, знаешь, если я вернусь в конце недели, то тебе нет смысла сюда приезжать, тебе не кажется? И еще я подумала, что хорошо бы мне в четверг улететь самолетом и встретиться с тобой в Падуе, тогда мы сможем вернуться вместе. Что скажешь? Но, как ты понимаешь, денег у меня недостаточно, надо, чтобы ты отправил мне их прямо сейчас.

Любимый мой, мне больше нечего тебе написать. Разве что прошу тебя быть здоровым и думать обо мне, как я думаю о тебе. Я люблю тебя и всегда остаюсь только твоей Марией.

PS: Изольда передает тебе привет, у нее все хорошо, но работы полно – с моей стороны. Вот видишь, не такая уж я глупая! Сегодня замечательный день, солнце, голубое небо, жарко, вот было бы счастье, если бы и в Вероне была такая погода. Но мы не можем желать всего на свете. Мне жарко, когда я с тобой... не думай, не в том смысле!.. а может и в том!! Надеюсь, ты своего жара не растратил полностью. И что мне достанется немножко, когда я вернусь!!!

Второе письмо, написанное в тот же день

Понедельник 9:00 вечера

Мой дорогой Баттиста,

я уже собираюсь спать, но прежде хотела с тобой поздороваться. Как ты, любовь моя? Думаешь ли обо мне? Как знать. Что нового?

Сегодня я была вознаграждена. Серафин остался мной доволен больше обычного. Он сказал, что все начинает выстраиваться, притом что мы сейчас на втором акте, самом трудном. С ним был некий маэстро Сампаоли, он пришел меня послушать. (Серафин хотел, чтобы он меня услышал, это было очевидно, потому что он сидел в соседней комнате и только потом нас представили). Он был в восторге и предложил мне петь «Турандот» в Бари. Но я не смогу, потому что в то же время я должна петь ее в «Ла Фениче». Тем не менее я очень обрадовалась его предложению.

Дорогой, да поможет мне Бог и сохранит мне здоровье и присутствие духа, потому что «Ла Фениче» – это, конечно, прекрасная возможность, но еще большая ответственность. Ты должен помочь мне быть в форме и в хорошем настроении. Ведь понятно, о чем я? Ты должен сделать меня счастливой, тогда у меня появится желание хорошо петь. Сейчас я в голосе, и это заметно. Высокие ноты совершенно свободны и совсем меня не утомляют. Да и низкие тоже в порядке. Я на самом деле в хорошей вокальной форме, надеюсь, так оно и будет дальше!

Я пока точно не знаю, когда тебя увижу, но надеюсь, что уже в конце недели. Мне так хочется вернуться и увидеть тебя, мне очень тут одиноко. Иногда мне становится так грустно, что я начинаю на все смотреть пессимистически. Только твои письма и телеграммы могут составить мне компанию. Каждое утро я с нетерпением жду, когда придет почтальон и принесет мне твое новое драгоценное письмо!

Знаешь, я послала открытку Калабрезе. Полагаю, он обрадуется. Как ты думаешь? Затем я написала Николе, и еще я много пишу тебе. Видишь, сколько! Ты еще устанешь от такого количества писем и от того, что вынужден будешь читать и отвечать мне, ведь правда? Мой дорогой, прощаюсь с тобой, целую тебя, люблю навсегда твоя

Мария.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Вторник, 4 ноября 1947 г.

Дорогой Баттиста,

сегодня я с такой радостью ждала от тебя письма, но оно не пришло, не знаю почему. Не хочу даже думать, что ты не написал мне. Я уверена, что написал, но почта нас подводит. Это мне испортило весь день. Я уже не просто в плохом настроении, мне очень даже грустно. Когда приходят вести от тебя, я хотя бы чувствую себя лучше и вполне готова начать длинный монотонный день, посвященный занятиям и ничему другому. Но сегодня я только грущу.

Как ты, любимый, что делаешь? Надеюсь, что в своем новом кабинете ты меня не забыл и не расхотел еще меня видеть. Сегодня даже больше, чем во все предыдущие дни, мне хочется сесть на поезд и вернуться домой. Но в моей жизни всегда по тем или иным причинам присутствуют долг и ответственность. И какой мне толк от такой жизни? Прощаюсь с тобой, целую и с огромным нетерпением жду письма от тебя.

Всегда твоя Мария.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Суббота, 22 декабря, в 12:30

Любовь моя,

хочу написать тебе несколько слов, чтобы поблагодарить тебя за доброту и деликатность. Прежде всего за телеграмму, которую ты собираешься послать маме. Не могу тебе описать,

какое счастье и удовольствие я испытываю от твоего поступка! А также за то, что ты беспокоишься о Луизе. Понимаешь, для меня это значит больше, чем ты думаешь, потому что это свидетельствует о твоей доброте и душевности, а главное, о том, что тебе небезразличны мои близкие. Ты очень-очень порадовал меня! Благодарю и люблю тебя еще больше, если это вообще возможно!

И еще я благодарна тебе за то, что ты почувствовал мое душевное состояние и решил провести Рождество со мной. Любовь моя, ты заслуживаешь всей любви, что я могу дать тебе, но и ее, наверное, будет недостаточно.

Оставляю тебя, милый Баттиста, и повторяю тебе снова и снова: спасибо, спасибо, спасибо!

Вечно твоя Мария.

Дек. 30	Премьера «Тристана и Изольды» Вагнера, дир. Туллио Серафин	ВЕНЕЦИЯ Театр «Ла Фениче»
------------	---	------------------------------

1948

Янв. 2, 8, 11	«Тристан и Изольда» Вагнера, дир. Туллио Серафин	ВЕНЕЦИЯ
Янв. 29, 31 Февр. 3, 8, 10	«Норма» Беллини, дир. Нино Санзоньо	Театр «Ла Фениче»

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Удине, среда, 10 марта 1948 г.

Милый Баттиста,

я не смогла поговорить с тобой вчера по телефону, потому что аппарат был прямо на стойке, никакой будки или чего-либо еще. Я очень устала, потому что мы приехали сюда в 5 вечера, а в 5:30 началась репетиция, до восьми.

В общем, все были от меня в восторге (притом что я пела негромко, обратное было бы неосторожно с моей стороны) и поражались моему замечательному произношению.

Позже вечером, после ужина, журналисты пришли расспросить меня о жизни и карьере, и я продержалась до полуночи. Они тоже восхищались тем, как прекрасно я выгляжу. В общем, мне оказали очень теплый прием. А еще вчера, оплачивая счет за обед, я чуть в обморок не упала. Ты только представь: ризотто на сливочном масле, два яйца с маслом, фенхель, салат из вареных овощей, хлеб и кофе, все вместе 55 лир⁶¹. Мне никогда еще не приходилось оплачивать такой маленький счет.

Ладно, завтра у меня много работы: репетиция в 12:30. Потом генеральная вечером, и послезавтра премьера. Что ты делал вчера и сегодня? Хорошо ли ел, спал и работал? Думал ли немножко обо мне, о нас? Я солгала тебе по телефону. Мне было плохо. Я даже чувствовала, разговаривая с тобой, как у меня сжимается сердце, словно мне в чем-то следовало тебя серьезно упрекнуть. Так что теперь ты знаешь, что я чувствую, но это не имеет значения.

Еще хочу сказать, что тебе не имеет смысла сюда приезжать, ты потратишь много времени, и мы почти не повидаемся. Я так тебя люблю – даже больше, чем раньше... в этом нет никакой логики. Может быть, вместо себя, если ты не сможешь приехать, пришлешь мне Родольфо? Я буду рада. Спектакль будет утром, так что, возможно, я смогу вернуться уже вечером, как скажешь.

Хотелось бы еще что-нибудь тебе написать. Но выразить это словами я не сумею, поэтому догадайся сам, что у меня на сердце, что я думаю и чувствую. Прощаюсь с тобой, целую, обнимаю и много чего еще мысленно шлю тебе.

Будь здоров и думай обо мне

Твоя Мария.

PS: Баттиста!

Март 11, 14	«Турандот» Пуччини, дир. Оливьеро де Фабритис,	Удине Театр Пуччини
----------------	---	------------------------

⁶¹ Около 2 евро (по курсу 2019 г.).

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Триест, среда, 14 апреля 1948 г.⁶²

Мой дорогой Баттиста!

Я даже не буду пытаться описать тебе боль, которую я испытала, когда ты ушел сегодня утром. Ты знаешь, как я беспокойна в эти дни. И чтобы встревожить меня еще больше, сегодня в 11 часов утра прибыл огромный лайнер. По-гречески это «Auroplanophore». Боже, как страшно, Баттиста, я ужасно испугалась! Восхищаюсь твоим спокойствием и надеюсь, что твоя уверенность не напрасна.

Сегодня все остались довольны репетицией! Бусон наговорил мне комплиментов, и Франчи тоже сказал много-много приятного. Он уверяет, что никто в Италии не поет Верди так, как я. Я бы и хотела ему поверить, но ты знаешь, с каким пессимизмом я смотрю на эту оперу! С нетерпением жду субботы. Как бы я была счастлива, если ты был здесь! Ты еще ни разу не пропускал премьеру, никогда!!

После репетиции какой-то журналист пришел взять у меня интервью, так что, когда я вернулась в гостиницу, мои вещи уже перенесли в новую комнату, и я была очень-очень этому рада. У меня теперь потрясающий номер с красивой и просторной ванной комнатой. Я вот только что приняла горячую ванну, прежде чем сесть за письмо тебе. Просто наслаждение.

Любовь моя, когда я тебя увижу? Мой дорогой Баттиста. Я так несчастна вдали от тебя. Подумаешь обо мне немножко? И потом, Баттиста, прошу тебя, отдохни. И еще больше прошу тебя есть. Тебе это просто необходимо, учитывая, сколько у тебя работы. Любимый!! Покидаю тебя, дорогой, пожалуйста, звони мне почаще и пиши, пусть всего несколько слов, прошу тебя, люби и не забывай твою, только твою Марию.

PS: Я так сильно тебя люблю, всем своим существом, я вся твоя!

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Накануне премьеры

Пятница 6:20 утра.

16 апреля 1948 г.

Любовь моя,

я пишу эти строки, потому что так чувствую себя немного ближе к тебе. Видишь, несмотря на вчерашние два телефонных разговора, мне очень-очень грустно и одиноко. Мы столько провели времени вместе в последние дни, и я действительно так привыкла к тому, что ты рядом, ты же знаешь, – что теперь мной овладело малоприятное чувство, чувство пустоты, огромной пустоты! Ты наверняка не так сильно скучаешь по мне, потому что у тебя много дел, и, вероятно, ты не ощущаешь одиночество так, как я. И когда я думаю, что мне придется петь премьеру «Силы» одной, без тебя, плачет не только моя душа, но и все мое существо.

Сегодня я получила твое письмо и благодарю тебя за него. Я тоже тебе написала. Видишь, мы делаем одно и то же одновременно. Я так хотела, чтобы ты мне написал, потому что, хоть мы и разговариваем по телефону, но слишком коротко, и мне не сразу удастся расслышать тебя. А вот твои письма остаются со мной, я читаю и перечитываю их, и, когда мне одиноко, беру твои письма и чувствую, что ты ближе ко мне!

⁶² За три дня до премьеры «Силы судьбы».

Сегодня вечером у нас генеральная. Не знаю, что из этого выйдет, потому что сцену второго акта мы еще не играли, и я не знаю, что надо делать сценически! И потом я чувствую себя слегка подавленной и слабой, потому что болею, а воли у меня нет.

И еще должна сказать тебе, к вопросу о грязи, что костюмы так воняют потом, что я чуть в обморок не упала! Как мне удастся надеть их, одному Богу известно!! Они так воняют, что мои коллеги, войдя, пожаловались, что ими пропахла вся комната! Какой ужас! Я напишу тебе сразу после премьеры и все расскажу. Надеюсь, у меня будут хорошие новости.

На этом прощаюсь с тобой, мой дорогой Баттиста, пиши мне, думай обо мне и люби меня, как я люблю тебя. Всегда твоя Мария.

PS: И кто пошлет мне цветы, как обычно?..

АПРЕЛЬ 17, 20, 21, 25	«Сила судьбы» Верди, дир. Марио Паренти	ТРИЕСТ «Политеама Россетти»
Май 12, 14, 16	«Тристан и Изольда» Вагнера, дир. Туллио Серафин	ГЕНУЯ Театр Граттачело
Июль 4, 6, 11	«Турандот» Пуччини, дир. Оливьеро де Фабритис	РИМ Термы Каракаллы
Июль 27 Август 1, 5, 9	«Турандот» Пуччини, дир. Антонино Вотто	ВЕРОНА Арена
август 11, 14	«Турандот» Пуччини, дир. Анджело Квеста	ГЕНУЯ Театр Карло Феличе
Сент. 18, 19, 23, 25	«Аида» Верди, дир. Туллио Серафин	ТУРИН Театр Лирико

Эльвире де Идальго – *по-итальянски*

30 сентября 1948 г.

Дорогая моя Синьора!

Простите, что не написала Вам раньше, но я была очень занята репетициями «Аиды» в Турине, которая (как Вы и думали) прошла прекрасно – и даже с триумфом! Я не могла петь в Перудже, потому что совпали даты, но благодаря «Аиде» я добилаь гораздо большего. Так что теперь все говорят, что у меня настоящий вердиевский голос и т. д. и т. п.!

Бедные-несчастные, они ничего не поняли. Вот почему искусство так деградирует. Нам не хватает людей с верным восприятием. Если бы не Серафин, я бы больше не пела. Их послушать, так я должна себя сдерживать, потому что им кажется, что, если голос мощный, петь Верди нельзя. Они забывают, какими были голоса прежних времен. Но ведь в итоге я победила, и это главное!

Этой зимой у меня будет много работы. Завтра я собираюсь в Милан, подписать несколько контрактов. Я уже подписала договор на «Валькирию» в Венеции, «Турандот» в Сан-Карло (единственные 3 за всю зиму, от остальных я отказалась!!!)⁶³, и вчера мне позвонил Ферсони, он хочет, чтобы я пела в Римской Опере в сочинении Гомеса – по-моему, опера

⁶³ Турандот никогда не была любимой ролью Каллас, она блестяще пела ее, но не любила, считая, что она плохо сказывается на ее голосе (см. «Голос из другого века», с. 463). Поэтому она пыталась поскорее от нее отделаться и посвятить себя главным ролям из репертуара бельканто.

называется «Гуарани» или что-то в этом роде – там будут маэстро Серафин и тенор Лаури-Вольпи, и потом «Девушку с Запада»⁶⁴.

Вернувшись из Милана, я напишу Вам о своих новостях и проектах, когда таковые появятся. В середине октября поеду в Ровиго на две «Аиды» с маэстро Берретони. Зимой еще будет «Валькирия» в Палермо. И, судя по всему, мне предложат много Верди. Надеюсь, Серафин найдет тенора для «Нормы», так что я смогу дать свое последнее и решающее сражение и наконец завоюю себе имя, о чем мы с Вами так мечтали.

Дорогая моя, Господь со мной, и я благодарна Ему за это. Я напишу Вам, как только вернусь в Милан, я прощаюсь и крепко Вас обнимаю! Как Ваша нога? Получше?

Ваша Мария.

От Эльвиры де Идальго – *по-итальянски*

Анкара, 6 октября 1948 г.

Моя дорогая Мария, я была очень рада твоему письму, мне бы так хотелось расцеловать тебя за твой успех в «Аиде», браво, Мария, дорогая. Как бы мне хотелось стать свидетельницей твоего триумфа. Туринцы, я думаю, помнят еще моего «Цирюльника». Никогда не забуду овации в Театре Реджо. Теперь уже будь спокойна и счастлива, ты победила, как ты сама говоришь. Вот видишь, это сражение оказалось не таким уж и долгим. Подумай обо всех остальных, через сколько унижений и слез им придется пройти, прежде чем добиться хотя бы третьей части того, что сделала ты. Так что возблагодари Господа и не забывай человека, который так тебе близок [Менегини], так тебя любит и оказывает тебе огромную моральную поддержку, ведь он тоже косвенно причастен к твоему успеху. Передай ему от меня горячий привет. Прошу тебя, напиши мне поскорее, пришли вырезки из прессы.

Еще раз браво, нежно тебя целую.

Эльвира.

Окт 19, 21, 24	«Аида» ВЕРДИ дир. Умберто Берретони	РОВИГО Социальный театр
-------------------	--	----------------------------

Эльвире де Идальго – *по-итальянски*

Вторник, 9 ноября 1948 г.

Моя дорогая Синьора,

это письмо очень Вас обрадует. Потому что наша с Вами мечта вот-вот сбудется. Дело в том, что 30 ноября я дебютирую с маэстро Серафином в «Норме», в Театре Комунале во Флоренции. Можете себе представить, сколько у меня сейчас работы и какая агония ждет меня вплоть до самой премьеры, ее финала, и того момента, когда я пойму результат. Все решилось неделю назад, я должна была спеть 4 «Аиды», но Серафин сказал: «Почему бы не спеть две «Нормы» и две «Аиды»?» Таким образом, великий маэстро в очередной раз открывает мне путь к новому успеху.

Дорогая моя, молитесь, чтобы все прошло хорошо, молитесь о моем здоровье, потому что после этого спектакля, если он пройдет так, как мы надеемся и мечтаем, я стану королевой

⁶⁴ В итоге Мария так и не спела ни Гомеса, ни «Девушку с запада» Пуччини.

оперы в Италии, если не вообще повсюду, по той простой причине, что я достигну вокального совершенства и во всем мире не будет другой «Нормы»!

С «Нормой» и «Аидой» у руля встану я. Уже все театры хотят заполучить меня на «Аиду» любой ценой, сколько бы это ни стоило, и, если Богу угодно будет, чтобы «Норма» прошла хорошо, этот путь мне будет открыт.

Моя дорогая, наша работа, и Ваше внимание к моему голосу, и Ваши драгоценные советы ведут меня туда, куда мы всегда стремились. В эти дни я отдаю всю свою волю и знания служению «Норме», и Господь должен быть добр ко мне и сохранить меня в добром здравии.

Другая новость заключается в том, что я отказалась от Лиссабона потому прежде всего, что после такой зимы, полной напряженной работы, я должна передохнуть – очень бы хотелось сохранить голос! Кроме того, меня не устраивает репертуар: мне предложили две «Турандот», потом один «Бал-маскарад», следом одного «Дон Жуана», а затем еще концерт. Хватит с меня «Турандот»! Я не очень люблю «Бал-маскарад», «Дон Жуана» я не учила, и в любом случае мне придется петь его с Серафином зимой будущего года.

Пишите мне всегда по тому же адресу, так я наверняка все получу, потому что Баттиста пересылает мне почту, где бы я ни находилась. Он передает Вам большой привет. Он действительно бесконечно добр и очень любит меня.

Крепко обнимаю Вас.

Ваша Мария.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Рим, вторник, 11 ноября 1948 г.

Дорогой мой, любимый,

сегодня я получила сразу три письма от тебя, и для меня это был самый прекрасный праздник. Конечно, праздник был бы еще прекраснее, если бы ты приехал вместе с письмами, но я знаю, сколько у тебя работы, и ты знаешь, что я хочу, чтобы ты делал свою работу хорошо, как я стараюсь делать свою. Я слишком сильно тебя люблю, чтобы быть эгоисткой.

Дорогой, я буквально проглотила твои письма, они для меня как глоток эликсира, утоляющего жажду твоего присутствия и близости. Ты знаешь, как тесно мы связаны, и обо всем, что с нами случается хорошего и достойного, мы прежде всего спешим рассказать друг другу. Видишь, это самое восхитительное и невероятное, что может быть, но и невероятная пытка, когда мы в разлуке. На этом я остановлюсь, а то ты задерешь нос и возгордишься.

У меня очень приятные новости. Я никогда прежде не видела Серафина таким довольным. Чего обо мне не скажешь, потому что я слишком требовательна к себе. Как и ты, я всегда думаю, что все делаю плохо! И потом меня ужасно раздражает моя простуда. Я проснулась с полностью заложенным носом. Еще вроде бы горло опухло, за языком и снизу. Все отекает. У меня ноет грудь и кости болят. Думаю, у меня немного повышена температура. Если бы мне не надо было ехать в Пизу⁶⁵, я бы осталась в постели, и завтра мне бы уже полегчало, но у меня нет на это времени. Надеюсь, моя «Мадоннина»⁶⁶ мне поможет. Ты же ничего другого не повесил над кроватью?

Дорогой, прости, если это письмо покажется тебе ужасным⁶⁷, но у меня кончились чернила в ручке (которую я так не люблю!), поэтому продолжаю карандашом. Я лежу в постели. Я просто прервалась, чтобы взять капли в нос и касторовое масло, в надежде, что от них пройдет этот жуткий насморк.

⁶⁵ Чтобы на следующий день петь «Турандот» в Театре Джузеппе Верди под управлением Артуро Лукона.

⁶⁶ Картина Чиньяроли, подаренная ей Менегини (см. «Воспоминания», с. 47).

⁶⁷ В письме много помарок и зачеркиваний.

Милый Баттиста, когда уже я увижу тебя? Кто знает? Видишь ли, после Пизы я должна буду вернуться сюда и продолжать работу, потому что у нас осталось очень мало дней, и поверь мне, будь у меня побольше времени, это было бы гораздо лучше для успеха «Нормы». Потому что, сколько «Норму» не репетируй, все будет мало. Серафин получил твоё письмо и был очень ему рад. Я прервала занятия, чтобы перечитать твои письма, прежде чем писать тебе, они так мне нравятся! В эти дни удовольствие и удовлетворение мне приносят только твои письма и телефонные звонки. (Когда удастся хоть что-то расслышать.)

Кажется, нога моя получше. Правда, сегодня я приняла аспирин, так что боли наверняка потом вернутся. Петруччо не передает тебе привет и даже не заговаривает о тебе. Он очень милый и так заботится обо мне, бедняга. Он говорит, что был бы счастлив, счастливее всех на свете, если бы мог лечить меня всегда и от всего. Каждый вечер мы ужинаем вместе, ты не против? Если тебе это не по душе и ты этого не хочешь, напиши мне. А как насчет твоих телефонных звонков? Теперь можешь не бояться отвечать на звонки, я здесь не для того, чтобы тебя критиковать.

Плохая и неприятная новость состоит в том, что в «Норме» мне придется носить парик. Я должна быть рыжеватой блондинкой! Какая безвкусица! Так что этим тоже придется заниматься! Что касается костюма, то вроде бы это не имеет значения в данный момент. Серафин говорит премьеру спеть так, а потом я смогу делать все, что захочу. Зато костюмы Кундри в «Парсифале» очень простые. Я заранее тебя предупреждаю, на мне будет нечто наподобие лифа, а живот голый. В остальном костюм будет совершенно прозрачный. Придётся надеть колготки. Это тебе не сцены из «Аиды», бедная я и бедный ты. Они мне тут задали жару!

На этом я тебя оставляю. По-моему, я написала все, что хотела тебе сказать, и наверняка тебя утомила. Повторяю, пиши мне много и часто. Я много думаю о тебе. Ты всегда рядом со мной, и я люблю тебя еще сильнее, когда вижу, как ты выражаешь свои чувства ко мне. Знай, чем больше ты показываешь мне свою любовь, тем сильнее я люблю тебя. Я с нетерпением жду, когда ты окажешься рядом со мной и будешь меня обхаживать, а я снова займу свое место⁶⁸. До свидания, береги себя и свое здоровье. Всегда твоя Мария.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Рим, понедельник, 15 ноября 1948 г.

Любовь моя,

сегодня утром меня ждало самое прекрасное и счастливое пробуждение: твои цветы! Любимый, не знаю почему, но я вдруг заплакала, так по-глупому, как ребенок, от радости! Я так сильно тебя люблю, повторяю тебе. Больше ничего не могу сказать! Я полна, полна тобой, и мое единственное счастье – быть рядом с тобой. Знай это, и люби меня тоже, и живи ради меня, как я живу и существую ради тебя.

На бумаге эти слова кажутся глупыми, преувеличенными и возвышенными, но ты, зная меня и попытавшись почувствовать, а не прочесть эти слова, поймешь, сколько в них значения и силы. Я твоя, и у меня нет другого желания, кроме как быть твоей! Спасибо за телеграмму.

Я получила хорошее письмо от Гурианы, и доброта этой женщины очень тронула меня. Она такая простая и невероятно сердечная, как тебе кажется?

А ты, дорогой, как ты? Береги себя, береги себя и, когда ты чувствуешь подавленность или усталость, помни, что у тебя есть человек, для которого ты обязан жить, потому что без тебя ему жизни не будет. И этот человек – я.

⁶⁸ Это частое выражение в устах молодой Марии означает «рядом с мужем».

Я сейчас иду к Серафину работать. Прощаюсь с тобой, и ты знаешь, что!.. Я вся, вся твоя, больше, чем когда-либо! Твоя Мария.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Рим, четверг, 18 ноября 1948 г.

Любовь моя,

пишу тебе пару строк, просто чтобы приветствовать тебя. Как ты? Что делаешь? У меня еще много других вопросов, но я их задам, когда мы увидимся. К счастью, в эти дни я в отличной форме. Я ем относительно хорошо и веду очень спокойную жизнь. Я обошла все мастерские постижеров в поисках парика и наконец нашла то, что нужно. Понимаешь, это трудный цвет, с рыжим приходится осторожничать, иногда от него глазам больно. Тот, что я нашла, – нечто среднее между светло-каштановым и тигриновым красным, правда, очень красиво, но я устала. И вдобавок волосы должны быть очень длинные! До талии по крайней мере! Только представь себе: я высокая, поэтому, учитывая завивку, которая их укоротит, нужен парик длиной 90 см, честно говоря, мне просто повезло, что я такой нашла. Помнишь, для «Тристана» я долго не могла найти парик нужной длины, а надо было всего-то 60 см. Так что я довольна, потому что теперь могу думать о голосе и больше ни о чем! Конечно, мне даже пытаться не стоит не думать о тебе, потому что ты всегда рядом со мной, всегда и везде. Дорогой, я так хочу тебя увидеть. Когда мне становится совсем невмоготу, я беру и перечитываю твои письма и ненадолго довольствуюсь этим.

Серафин очень доволен, и надеюсь, что будет доволен и на премьере, ведь, как он говорит, я должна сделать то, что никому другому не под силу. Я всегда должна быть лучше всех! Он меня очень любит, правда?

Любимый, я жду не дождусь воскресенья. Езжай в «Англо-Американо». Я думаю, мы отправляемся в одно и то же время. Но если ты приедешь раньше, подожди меня на вокзале, хорошо? Чао, мой милый, думай обо мне много-премного! Передай привет Пиа, Джанни⁶⁹ и твоей бедной маме.

Всегда твоя Мария.

Второе письмо, написанное в тот же день

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Рим, четверг, 18 ноября 1948 г.

Дорогой, я разучивала «Норму», вернувшись после первой репетиции с меццо-сопрано, и меня вдруг обуяла такая тоска, ты не можешь себе представить. До такой степени, что мне захотелось написать тебе, чтобы почувствовать себя чуть ближе и облегчить душу. Видишь ли, дорогой, я такая пессимистка, все причиняет мне такую боль и беспокоит меня, что мне кажется, за что бы я ни бралась, я все делаю плохо. Поэтому я начинаю злиться, отчаиваться, а иногда даже молю о смерти, которая освободит меня от постоянных мучений. Понимаешь, я хотела бы совершать гораздо большее во всем, что я делаю. То есть и в искусстве, и в моей любви к тебе. Когда я пою, мне хочется, чтобы мой голос всегда подчинялся моей воле, но, видимо, я слишком многого от него требую, ведь голосовой аппарат суров и не дает всего, что нужно. Я бы даже сказала, что он бунтует, не желая, чтобы им командовали или, скорее, пове-

⁶⁹ Сестра и брат Менегини.

левали. Он вечно пытается улизнуть, и я страдаю. Настолько, что, если так и дальше пойдет, получишь неврастеничку.

И в своей любви к тебе я страдаю, потому что не умею дать тебе большего! Мне хотелось бы, ну не знаю, предложить тебе нечто гораздо большее, но я понимаю, что это невозможно, потому что я всего лишь человеческое существо. Я страдаю от нашей разлуки, потому что не могу все разделить с тобой. Твои мысли, твои печали и радости, твои тревоги, не могу улыбнуться тебе, когда ты устал, посмеяться с тобой в минуты радости, угадать, о чем ты думаешь (а ведь это нам с тобой так просто), и еще столько-столько всего!

И потом я одна! У меня нет друзей, и мне никто не нужен. Ты знаешь, какой я мизантроп, и у меня есть на то все основания. Я живу только ради тебя и мамы – и я так далеко от вас обоих! Искусство, считают некоторые, дает мне все. Я же считаю, что оно не дает мне и сотой доли того, чего я желала бы. Публика аплодирует мне, но в глубине души я знаю, что способна на несравненно большее! Серафин говорит, что он в высшей степени доволен моей «Нормой», а вот я, к сожалению, отнюдь нет. Я уверена, что могу петь в сто раз лучше, но голос не слушается меня и не дает мне того, что я хочу!

Милый Баттиста, почему я такая? По-моему, я единственная по натуре вечно недовольна собой. На самом деле желание иметь нечто большее, чем у меня есть, пропадает только в те исключительные мгновения, когда я нахожусь на своем месте, то есть рядом с тобой. Ты тоже это знаешь. Мне всегда хорошо возле тебя, но, к сожалению, логически рассуждая, я должна быть вдали от тебя, я знаю это!

Но я не из тех, кто принимает все как есть. Я всегда хочу только лучшего! Я хочу, чтобы мой мужчина был лучшим из всех, чтобы в искусстве я была первой и лучше всех. В общем, я хочу всего, мне даже хочется, чтобы одежда, которую я ношу, была лучше, чем у других, если возможно. Я знаю, что все это невозможно, и очень мучаюсь из-за этого. Почему?! Помоги мне, Баттиста, и не думай, что я преувеличиваю. Уж какая есть!

Дорогой, могу просто сказать тебе, что так же, как я хочу всего, я сама хочу принадлежать тебе, и я твоя, вся твоя, вся! Люби меня и не делай мне больно. Каждый раз, причиняя мне боль, ты так сильно ранишь меня, что если бы ты знал это, то никогда бы так со мной не поступал. Я слишком чувствительна и слишком справедлива во всем и хочу, чтобы ты меня в этом превзошел, по возможности.

Любимый, сейчас я тебя оставлю и прошу, не смейся надо мной, прошу, попытайся меня понять и помочь мне.

Я просто прошу, чтобы ты любил меня хотя бы на треть так же, как я люблю тебя, тогда я буду счастлива. Я с тобой в большей степени, чем тут, особенно в такие минуты!

Твоя Мария.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Флоренция, понедельник, 21 ноября 1948 г.

Дорогой, дорогой, дорогой!

Кажется, я выздоравливаю от этой дурацкой, но злостной простуды, которую я подхватила в Риме, и сегодня могу сказать, что репетиция прошла хорошо, очень хорошо. Даже Серафин говорит, что я вернулась в свое прежнее состояние, и действительно, простудившись, я чувствовала, как что-то, не знаю что, мешает мне делать то, что я хочу! Вот почему я была такая мрачная, нервная и противная! Любовь моя, спасибо тебе за терпение, любовь и нежность ко мне. Не знаю, что бы я делала без моего Баттисты! Вчера, когда я попрощалась с тобой, мне... Я прерываюсь и продолжаю карандашом, потому что в этой ужасной мерзкой ручке кончились чернила. Так вот, вчера, когда я попрощалась с тобой, мне стало очень грустно. Потом мне

показалось, что тебя что-то беспокоит – не знаю, что именно, но прошу, скажи мне, правильно ли я угадала. Что-то вчера тебе пришлось не по душе, да? Я хочу, чтобы ты ответил мне – да или нет. Мне неважно, что именно, и не страшно, если ты не хочешь мне рассказывать об этом, я просто хочу знать, правильно ли я тебя поняла?

Дорогой, моя комната преобразилась благодаря твоим цветам – я счастлива, потому что у меня создается впечатление, что ты рядом со мной. Я бы очень попросила тебя сняться и прислать мне хорошую фотографию, чтобы ты всегда был со мной, – и каждый вечер, когда мне будет грустно, я буду долго с ней разговаривать. Она составит мне компанию. Здесь мне хорошо – комната премилая и теплая – и вода просто кипятток, какое счастье! А ты уже включил отопление?

Милый Баттиста, оставляю тебя и прошу быть здоровым и много думать обо мне, ну очень много – и много писать мне. Если бы ты знал, как я бываю счастлива, получая твои письма! Передай от меня привет Джанни и Пиа. Я отправила им телеграмму. Чао, любовь моя, я, как всегда, люблю тебя самой своей огромной любовью – если можно так выразиться!

Всегда твоя, твоя, твоя, Мария.

Нояб. 30	«Норма» БЕЛЛИНИ	ФЛОРЕНЦИЯ
Дек. 5	дир. Туллио Серафин	Театр Комунале

1949

От Эльвиры де Идальго – *по-итальянски*

Анкара, 3 января 1949 года

Дражайшая Мария,

твоя телеграмма пришла только вечером в воскресенье. Можешь вообразить, как опечалена я была, что не смогла послушать тебя хотя бы по радио. Цитаты из газет, присланные тобою, наполнили радостью мое сердце. Сама видишь, Мария, – я в тебе не ошиблась, и те решения, что ты приняла в последние годы в Афинах⁷⁰, ничему хорошему не послужили – разве только отсрочили твой успех, который по-хорошему и должен был состояться в Италии. Я была по-настоящему взволнована, когда читала в газетах о твоём триумфе, особенно в «Норме», которую мы разучивали с такой любовью. Мечта нас обеих – и вот теперь она сбылась. Я, пусть и немного поздно, желаю тебе в новом, 1949, году новых триумфов и того удовлетворения от работы, которого ты заслуживаешь.

Баттисте – поклоны и самые лучшие пожелания, а тебе – пламенный поцелуй. Всегда пиши о своих новостях. Очень хочется, чтобы ты приехала сюда дать два концерта, а еще два – в Стамбуле.

Эльвира де Идальго.

Январь 8, 12, 14, 16	«Валькирия» Вагнер, дирижер Туллио Серафин	ВЕНЕЦИЯ Театр Ла Фениче
Январь 19, 22, 23	«Пуритане» Беллини, дирижер Туллио Серафин	ВЕНЕЦИЯ Театр Ла Фениче
Январь 28	«Валькирия» Вагнер, дирижер Франческо Молинари-Праделли	ПАЛЕРМО Театр Массимо

Джованни Баттиста Менегини – *по-итальянски*

Пятница, 28 января 1949

Мой дорогой,

пишу тебе несколько слов отсюда, из Палермо, где я так мучаюсь. Во-первых, потому что это далеко. Во-вторых, я не знаю, как мне удастся работать над «Парсифалем»⁷¹. И наконец, как здесь работают – это просто катастрофа. Вчера была генеральная репетиция. Мне не объяснить тебе в двух словах, во что я влипла. Ничего не было готово. На сцене не меньше трех десятков рабочих (зачем – не могу тебе сказать, потому что они ничего не делали, просто стояли и смотрели!). У меня не было шишака⁷², ни щит не готов, ни копье. Оркестр строил гримасы, маэстро много говорил и ничего не делал. Бас Нери не выучил роль! В общем, сегодняшний спектакль я надолго запомню! Представь, я, привыкшая к работе чистой и совершенной, заехала в такую даль, чтобы так влипнуть! Единственное, что со мной хорошо обращаются, ну прямо как с богиней! Все, что бы я ни делала, замечательно.

⁷⁰ Имеется в виду решение Марии Каллас в 1946 году вернуться в Америку.

⁷¹ Премьера которого должна состояться меньше чем через месяц в Риме.

⁷² Шлем воительницы Брунгильды в «Валькирии».

Дорогой Баттиста, на что он мне сдался, этот Палермо? Это пустая трата времени и очень тяжело. Одно утешение, что во вторник все кончится, и я смогу уехать восвояси. Тебе лучше не приезжать сюда. Это ни к чему. И, подумать только, мне говорили, что я застану здесь весну. Здесь очень-очень холодно, воздух такой сухой, и ветер дует прямоком из ада, если в аду бывает ветер.

Других новостей у меня нет, только с утра болит голова, я просто больше не могу. Будем надеяться, что к вечеру пройдет... Я прервала письмо, потому что кончились чернила, и, пользуясь случаем, вышла прогуляться и выпить двойной кофе, может быть, головная боль скорее пройдет. К счастью, погода хорошая, но не жарко... Снова перерыв в письме. Мне позвонили из театра, чтобы напомнить, что спектакль начинается без четверти десять! Представляешь? Я очень смеялась. Похоже, что здесь люди забывают о спектаклях, и им требуется напоминать. Короче!!!

Я прощаюсь с тобой, дорогой, напишу завтра, чтобы рассказать о спектакле и просто поздороваться. Скажу тебе правду, я немного устала. Не в вокальном плане, но в физическом. Как бы мне не помешал хороший отдых, на своем месте!

Баттиста, чао, скоро увидимся, ешь, спи и думай обо мне. Пиши, когда будет минутка, я всегда счастлива получить от тебя письмо.

Твоя Мария.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

Палермо, воскресенье 30 января 1949

Любовь моя,

твой сегодняшний телефонный звонок стал для меня сюрпризом. Я и мечтать о нем не могла. Должна тебе сказать, что даже захоти я тебя забыть или рассердиться на тебя, мне бы это не удалось, потому что ты такой нежный и внимательный и хорошо знаешь мою слабость и благодарность за этот дар, который для меня – жизнь и счастье.

Дорогой, я написала тебе коротенькое письмо в день приезда, поделившись моими ужасными приключениями, но дальше было еще хуже. Представь себе, газеты пишут о Маньони⁷³, как будто это она героиня, а я статистка второго плана, более того, одна газета написала: «Мария Каллас в роли Брунгильды пела красочно, голос ее красив и приятного тембра, но ей так и не удалось стать варварской Валькирией». Какие глупцы! Сам понимаешь, как мне здесь весело! Если бы только я могла улететь первым самолетом. Сегодня здесь великолепная погода. Ах, да, чуть не забыла. Та же газета пишет: «Джулио Нери (Вотан) идеально музыкален». Я не смогу и не сумею пересчитать, сколько глупостей он наляпал и сколько взял фальшивых нот. Без преувеличения, будь опера лучше известна, его, не колеблясь, выставили бы за дверь. Я клянусь и еще раз клянусь, никогда больше ноги моей не будет в Южной Италии. Похоже, я слишком музыкальна и изысканна, чтобы меня здесь оценили. Они, наверное, хотят, чтобы мы вцепились друг другу в волосы на сцене! Я решительно возмущена и вымотана до предела.

Других новостей у меня нет, разве что повторю то, что сказала по телефону: я не знаю, как мне удастся за такое короткое время подготовить «Парсифаля», когда предстоит еще петь эти ужасные спектакли в Неаполе⁷⁴! Это скверный и тяжелый для меня период!

Дорогой, я прощаюсь с тобой и повторяю все, что ты и так хорошо знаешь. Когда приедешь в Рим, пошли мне письмо. Как ты поживаешь, что делаешь, ешь ли, видишься ли с друзьями Пиа и Джанни? Думаешь ли хоть немного обо мне и скоро ли приедешь?

⁷³ Иоланда Маньони пела Зиглинду в «Валькирии».

⁷⁴ Четыре представления «Турандот» с 12 по 20 февраля, за считанные дни до премьеры «Парсифаля» в Риме.

Вся, вся, вся твоя Мария.

Февраль 10	«Валькирия» Вагнера, дирижер Франческо Молинари-Праделли	ПАЛЕРМО Театр Массимо
Февраль 12, 16, 18, 20	«Турандот» Пуччини, дирижер Ионел Перла	НЕАПОЛЬ Театр Сан-Карло
Февраль 26, март 2, 5	«Парсифаль» Вагнера, дирижер Тулио Серафин	РИМ Римский оперный театр
Март 7	Концерт на радио, дирижер Франческо Молинари-Праделли. «I Puritani» «O rendetemi la speme... Qui la voce sua soave». «Аида» «Ocieli azzuri». «Норма» «Casta diva... Ah! Bello a me ritorna». «Tristano e Isotta» «Dolce e calmo» ⁷⁵	ТУРИН Аудит
Март 8	«Парсифаль» Вагнера, дирижер Тулио Серафин	РИМ Римский оперный театр

75

От Эльвиры де Идальго – *по-итальянски*

Анкара, 15 марта 1949

Дорогая Мария,

прежде всего я должна тебе сказать, как была тронута, когда услышала тебя по радио Турина и на завтра по радио Рима в «Парсифале». Bravo, Мария! Как видишь, я была права, когда говорила, чтобы ты никого не слушала, потому что с моей методикой ты сможешь однажды спеть практически любую оперу, в то время как все недоумевали, почему я заставляла петь драматическое сопрано в 16 лет «Золушку» и задавала тебе гаммы как лирическому сопрано: вот почему сегодня все удивлены и восхищены, что ты можешь петь в «Пуританах» и «Парсифале». Я очень горжусь тобой. Здесь все мои ученики без ума от тебя и просят твою фотографию. Назавтра после «Парсифаля» я послала тебе в Рим телеграмму, но мне сообщили, что она не может быть доставлена, так как ты уехала, не оставив адреса. Мне очень жаль, ведь ты могла бы погрешить на равнодушие или забвение с моей стороны, тогда как я столько о тебе думаю и не устаю говорить.

Я провела 20 дней в Афинах. Прочла все вырезки из газет, которые ты мне прислала. Друзья, разумеется, рады твоим триумфам, а враги лопаются от зависти.

Мой привет господину Баттисте, и целую тебя со всей сердечностью.

*Э. де Идальго*Генри Дардику⁷⁶ – *по-английски*

Верона, пятница, 8 апреля 1949

⁷⁵ В этот период она подписывает свой первый контракт с Cetra на запись в студии на грампластинки 78 оборотов всех перечисленных арий, кроме арии из «Аиды».

⁷⁶ Близкий друг из Нью-Йорка.

Дорогой Генри,

ты должен извинить меня, что долго тебе не писала, много всего произошло, слава богу – хорошего. Во-первых, я приехала сюда в четверг утром, а утром в пятницу неожиданно нагрянула моя сестра. Так что я была очень занята с ней. А потом Баттиста решил, что мы должны пожениться до моего отъезда! Удивлен? Но, Генри, я должна тебя попросить о самой большой услуге, какую ты можешь мне оказать. Найди способ переслать мне мое свидетельство о рождении как можно скорее. Понимаешь, без этого клочка бумаги я не могу выйти замуж. Если я попрошу мать прислать его мне, она никогда не сделает этого вовремя, потому что плохо себе представляет, как это делается там. И я не могу довериться моим друзьям, они вряд ли сделают это немедленно. Боюсь, они замешкаются. Должна признаться, я доверяю тебе больше, чем кому-либо другому, зная, какой ты энергичный. Генри, ты можешь немедленно телеграфировать кому-нибудь в Нью-Йорке, чтобы получить фотокопию или оригинал моего свидетельства о рождении и послать мне его тотчас же авиапочтой? Могу я на тебя рассчитывать? Я была бы так счастлива, если бы могла выйти замуж, как только это будет возможно! Пожалуйста, Генри, и ты, разумеется, скажешь мне, сколько потратишь на эту катавасию. Все, что мне нужно, – получить эту бумагу по возможности в течение недели. Вот тебе информация о моих документах:

София Кекилия Калос (Калогеропулу)

Родилась 2 декабря 1923 в больнице Пятой Авеню

Родители Георгий Калос (Калогеропулу) и Евангелина Димитриадис.

Вероятно, они найдут свидетельство в записи актов гражданского состояния. Генри, я прошу тебя – тысячу раз прошу, – сделай это, как если бы речь шла о твоём собственном браке. Все зависит от этой бумажки, и, если она не придет вовремя, я умру. И я знаю, что она придет, непременно придет, если кто-нибудь займется там этим лично. Отдаюсь на милость твоей доброты, как всегда. Умоляю тебя, ответь мне быстро и еще быстрее телеграфируй в Нью-Йорк. До скорого, милый, сделай меня счастливой и не забудь написать мне твой сон. Я предпочла бы, чтобы ты пока не распространялся о моей новости, пожалуйста!

Поцелуй Брукса!!!

Мария.

Генри Дардику – *по-английски*

15 апреля 1949

Дорогой Генри,

я получила твою телеграмму и должна сказать, что ты еще энергичнее, чем я думала. Спасибо. Спасибо и еще раз спасибо. Я очень надеюсь, что свидетельство мы скоро получим. Как ты думаешь?

Скажи, что у тебя нового? Как поживает Брукс? Удивились ли вы? И ты не написал мне свой сон.

Других новостей у меня нет – кроме того, что я счастлива, – Баттиста нежен и внимателен как никогда, и, если так будет продолжаться после нашей свадьбы, я буду счастливейшей из женщин. Он хочет, чтобы я продолжала петь – разумеется, не так интенсивно, как раньше. Только вещи, которые того стоят, в местах, которые того стоят! Он шлет вам горячий привет и свою бесконечную благодарность.

Напиши мне побыстрее и скажи, сколько это стоило. Молюсь, чтобы мои бумаги прибыли.

До скорого и спасибо. Поцелуй Брукса.

Мария.

Эльвире де Идальго – *по-итальянски*

Верона, понедельник, 18 апреля 1949

Дорогая Мадам,

пишу вам всего несколько строк, чтобы поблагодарить за ваши прекрасные слова. Я вдвойне довольна, что смогла вселить в вас гордость за меня. Через несколько дней я отправляюсь в Буэнос-Айрес, где у меня контракт с театром Колумба. Мне пришлось согласиться в последний раз спеть там «Турандот», потому что они дают мне также «Норму» и, скорее всего, «Аиду». Я думаю, что буду там 14 мая. Если вы мне напишете, я буду рада, и вы можете писать мне в Театр Колумба.

Итак, сообщу вам мою хорошую новость. Я выхожу замуж за Баттисту. Мы решились на это, потому что любим друг друга бесконечно и ладим как никто. Я знаю, что вы будете рады, потому что вы рассказывали мне о вашем муже. Дорогая, пишите мне побольше, и обещаю вам отвечать тем же и посылать все отзывы. Будем надеяться, что они будут хорошими! Будьте здоровы и пишите мне.

С любовью, ваша Мария.

PS. от Дж. Б. Менегини: к любовным приветам и доброй памяти Марии, которая всегда думает с бесконечным благоговением о той, что открыла ей двери искусства, подарив сокровища знаний, я присоединяю мои, полные почтительной благодарности, с сообщением, что мы с Марией соединим наши сердца и наши жизни в браке.

Преданный вам

Дж. Б. Менегини

Генри Дардику – *по-английски*

Генуя, 22 апреля 1949

Дорогой Генри!

Пишу тебе, как ты догадываешься, из Генуи – куда после моего бракосочетания вчера в 18 часов мы сбежали.

Ты прав, дорогой, что гневаешься на мое молчание, но со всеми бумагами для паспорта и бракосочетания я думала, что сойду с ума. Что до моей экземы – я ужасно страдала. Она распространилась на всю шею & нос & уши. Но, хвала Господу, она наконец оставила меня в покое – но только три дня назад.

Новости с Арены я напишу тебе с корабля, потому что нам еще предстоит немислимая бумажная волокита. Например, для регистрации багажа, плавания, обмена денег и т. д. Я напишу тебе побольше в следующий раз – скоро! Тысячу раз спасибо за свидетельство & не сердись на мое молчание.

Баттиста пришлет тебе возмещение расходов & тоже бесконечно тебе благодарен.

Вся моя любовь Бруксу & тебе еще больше.

Мария.

Добавлено Менегини

Рим, 23 апреля 1949

Достопочтенный господин, я благодарю вас за вашу доброту к нам. Мы поженились 21-го, а сегодня Мария уехала в Буэнос-Айрес. Мы надеялись встретиться с вами в Генуе, чтобы выполнить и наши обязательства. Остановитесь ли вы в Риме? Послать ли мне сумму в отель «Амбашатори»? В ожидании вашего ответа присоединяюсь к пожеланиям вашей доброй подруги.

Дж. Б. Менегини.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

На борту «Аргентины», воскресенье, 24 апреля 1949

Мой дорогой Баттиста!

Из Барселоны посылаю тебе привет, думая о тебе больше, чем когда-либо, в эти дни, которые должны были быть нашими. Но, как я тебе сказала несколько дней назад, я уехала настолько окрыленная счастьем, что это путешествие для меня, может быть, наименее мучительно, потому что счастье принадлежать тебе всецело утешает меня до степеней невероятных!

Дорогой, а ты? Как ты добрался, как уехал и как нашел нашу комнату? Единственное, что я могу тебе сказать, не раздражайся, ешь и спи побольше. Прошу тебя и умоляю. Понимаешь, раньше у тебя не было никого, кроме твоих родных, но теперь у тебя есть жена, которая живет для тебя и только для тебя. Представь, если ты, нет, вернее, если один из нас уйдет... Так что, если ты хочешь, чтобы я всегда была счастлива, береги себя, себя и еще раз себя! Ты мой, я твоя, и мы счастливее всех на свете. Только представь! Я буду в добром здравии (если будет Богу угодно), для тебя я буду петь и прославлюсь для тебя! А ты должен быть в добром здравии для меня.

Дорогой, я вновь открываю письмо, чтобы послать тебе еще привет, после чего запечатаю его и отправлю. Мы немного прогулялись на стоянке в Барселоне, город мне безумно понравился. Конечно, воскресенье, все закрыто, но должна тебе сказать, что сумки и шарфы здесь по очень привлекательным ценам. Представляешь, шарфы за 1500-2000 лир! И красивые!

Теперь корабль скоро отплывет, уже через два часа. Любимый, почему ты не даешь о себе знать? Даже ни телеграммы! Сегодня я так тоскую по тебе. Больше мне нечего тебе рассказать. Вот еще: я повесила над кроватью нашу Мадонну⁷⁷. Каждую минуту дня я шлю тебе поцелуй и привет. К счастью, есть Серафины⁷⁸, и я с ними и со всеми остальными, я в хорошей компании, они не дают мне слишком предаваться грусти. Здесь неплохо кормят, и вообще на борту хорошо. Очень хорошо. Погода прекрасная, и я стараюсь побольше двигаться, чтобы немного похудеть. Все здесь передают тебе привет, а я еще раз прошу тебя, будь здоров. Пиши мне все, все и быстро.

Всегда твоя Мария.

PS: Ты знаешь все, что мне хочется тебе сказать. Думай обо мне, как я думаю о тебе.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

На борту «Аргентины», вторник, 26 апреля 1949

Дорогой, дорогой, дорогой!

Подумать только, что мы плывем всего 4 дня, а я уже страшно по тебе скучаю. У меня нет слов, чтобы сказать тебе, как я истосковалась. Я лишь молю Бога, чтобы все скорее кончилось

⁷⁷ Картина Чиньяроли «Святое семейство» (см. «Воспоминания», с. 47).

⁷⁸ Елена Раковска, супруга Серафина, часто сопровождала мужа.

и я вернулась бы к тебе, потому что только подле тебя я чувствую себя довольной и счастливой. Даже если ты работаешь весь день, неважно!

Чем ты занят? Как ты нашел дом? Что они тебе сказали? Что сказала твоя мама? И как ты себя чувствуешь? Я немного тревожусь, потому что не получила от тебя телеграммы. Ты должен был написать, что добрался благополучно, вот и все. Пиши мне побольше, это мое единственное утешение. Здесь на борту мы хорошо развлекаемся и едим отменно! Был вечер скачек. Я выиграла 6 песо! В другой вечер были танцы, а еще в один – кино. У Серафина случился печеночный приступ, так что мы еще не репетировали. Сплю я так себе. И скажу тебе странную вещь. Каждое утро в 6:30 или в 7:00-7:30 я просыпаюсь, как будто кто-то меня будит – мне каждый раз кажется, что это ты.

В Театре Колумба сделали ужасную вещь, они мне за нее еще заплатят. То есть они открываются «Аидой», но не со мной! Говорят, петь будет Эбрея Минкус!

Завтра мы прибываем в Лиссабон в 5 часов утра, так что мне надо проснуться очень рано, если я хочу увидеть город, потому что мы простои́м на якоре всего несколько часов. Кажется, нам предстоит плыть еще как минимум 15 дней! Как я это переживу, не знаю!

Дорогой, других новостей у меня нет, только повторяю, что обожаю тебя, еще больше, чем ты думаешь. Ты мой перед Богом и людьми, я горжусь этим и не прошу от жизни ничего другого, кроме как делать тебя счастливым. Только ты знаешь, что у меня на сердце и сколько я должна тебе сказать. Думай обо мне, как я думаю о тебе, и люби меня на $\frac{1}{4}$ того, как я тебя люблю.

Ешь, спи и не нервничай, тебе это вредно. Я хотела бы знать, скучаешь ли ты по мне, как я по тебе скучаю?

Твоя Мария.

PS: Привет от меня Пиа, и Иоланде, и Джанни, и Марко.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

На борту «Аргентины», среда, 27 апреля 1949

Любовь моя, мой дорогой,

я пишу тебе, потому что так чувствую тебя немного ближе. Мой дорогой, от твоей сегодняшней телеграммы я так счастлива, ты ведь знаешь, когда я путешествую, мне всегда страшно. Понимаешь, Баттиста, когда любишь и счастлива, как я, всегда боишься потерять это счастье. Оно кажется слишком прекрасным, чтобы в него поверить. И я тебя обожаю, очень, очень, помни об этом. Как я хочу, чтобы ты был рядом! Как скучаю по тебе, по твоим знакам внимания, ласкам, по колокольчикам, которые звонят по утрам, (по ванной!) и, наконец, по ангелочкам!

Наш кофе и мои звонки, на которые ты всегда охотно отвечал, как будто тебе до смерти надоело работать и мой голос приносил облегчение. Мой Баттиста, зачем ты меня отпустил? Я надеюсь, что ты больше не отпустишь меня надолго и далеко от себя. Помни, что я живу, только когда я с тобой, мой любимый!

Надеюсь, тебе еще не надоели все эти длинные и скучные письма. Просто, когда я пишу, мне кажется, что я ближе к тебе, дорогой. Что ты делаешь и, главное, как себя чувствуешь? Прошу тебя, пиши мне побольше, милый, у меня ничего нет, кроме твоих писем. Сейчас играют «Травиату». От этого я еще сильнее тоскую по тебе. Здесь на борту нет никого интересного, все безобразны и ужасны, парами или семьями. Мужчины выказывают мне уважение, и меня это радует. Сегодня море разбушевалось, корабль сильно качает, но морской болезни у меня нет. Позже будет кино, тоже способ скоротать время.

Милый, у меня плохая новость. Кажется, моя экзема вернулась. Мне пришло в голову нанести крем Vice! Надеюсь, это поможет. Других новостей у меня нет, скажу только, что мы заходили в Лиссабон, и стоянка мне не очень понравилась. Все дорого, очень дорого, и город не особенно красив. Послезавтра мы прибываем на Тенерифе, откуда я отправлю это письмо.

Я прощаюсь с тобой, чтобы не утомлять тебя своими глупостями. Повторю только, пиши мне много, много и много прекрасных вещей. Понимаешь, у меня нет праздника, и не будет еще так долго, а ты знаешь, какая это для меня мука.

Чао, думай обо мне и передавай всем от меня привет.

Твоя Мария.

Джованни Баттисте Менегини – *по-итальянски*

На борту «Аргентины», понедельник, 2 мая 1949

Дорогой, дорогой, самый дорогой!

Видно, Бог хочет еще помучить меня в моей любви. Почему я должна быть в разлуке с тобой, когда я и дня не могу прожить вдали от тебя? Сколько раз я спрашивала себя: если ты меня любишь так же, как я тебя, как же можешь ты жить без меня? Клянусь, в последний раз я уезжаю от тебя так надолго и так далеко! Понимаешь, когда я в Италии и мне хочется тебя увидеть, ты приходишь, и потом я могу продержаться неделю. Но не проси меня больше оставаться неделю без тебя! Я не могу жить без тебя. Чем больше людей я встречаю, тем больше горжусь тобой, больше ценю тебя и обожаю! Я вижу вокруг столько глупости и легкомыслия, что меня тошнит!

Чем ты занят, любовь моя? Что ты думаешь обо всей нашей ситуации? Я не знаю, счастлив ли ты, женившись на мне. В телеграммах ты говоришь мне, что да. Надеюсь. Но я-то по-настоящему счастлива! И не жалею ни одной минуты. Может быть даже, эта разлука к лучшему. Потому что, понимаешь, я всегда одна, когда путешествую. Сейчас силою обстоятельств мы вынуждены путешествовать все вместе, и клянусь тебе, я вижу вокруг столько вульгарности и банальности, что счастлива быть как я есть и благодарю Бога за то, что дал мне спутника, которого я хотела, и столько любви. Я не знаю, что еще сказать, я тебя обожаю, уважаю и чту. И, дорогой, я так горжусь моим Баттистой!! Нет женщины счастливее меня! Я прославилась в пении, и, главное, со мной мужчина моей мечты! Какая женщина может похвастаться, что столько имеет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.